

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ": а/я - 9, Москва, 125412, Россія.
Valaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

№ 52

На берегу Божіей рѣки

Старец Анатолий Второй Оптинский передь пустынной келліей въ Оптиной.

Исполняется 100-лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ собраній дневниковыхъ записей замѣчательнаго духовнаго писателя Сергія Нилуса. Начавшій выходить какъ статьи въ журналъ "Троицкое Слово", выпускаемаго Троице-Сергіевой Лаврой, подь редакціей печальника о Русской земль Владыки Никона Вологодскаго, они были изданы отдельной книгой подь названіемъ "На берегу Божіей рѣчки".

Живя по сосѣдству съ Оптиной и работая въ бібліотекъ Оптиной пустыни авторъ дневниковыхъ записей находилъ тамъ духовное сокровище и дѣлился имъ съ русскимъ народомъ.

НА ОБЛОЖКѢ: Видъ Козельской Оптиной пустыни. Старинный рисунокъ 1826 года.

НА ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКѢ: Игуменъ Назарій Валаамскій. Портретъ Якова Прудникова.

На берегу Божіей рѣки

Въ началѣ 20-го вѣка, людямъ ведущими духовный образъ жизни хорошо ощущалась надвигающаяся на Святую Русь гроза распада Русской Имперіи. Сергій Александровичъ Нилусъ, будучи глубоко вѣрующимъ авторомъ, нашедшимъ и опубликовавшимъ бесѣду Прп. Серафима съ Мотовиловымъ "О Цѣли Христіанской Жизни", ощущалъ необходимость дѣлиться съ народомъ темъ

сокровеннымъ духовнаго опыта которое онъ обрѣталъ разбирая Оптинскій архивъ. Едва успѣла выйти въ свѣтъ первая часть его книги "На берегу Божіей рѣки" наполненная этимъ сокровищемъ, какъ разразился громъ кровавой революціи, и рухнула Святая Русь, и, въ частности, сама Оптина Пустынь. Вторая часть этой книги такъ и не была издана. Милостью Божіею она сохранилась за рубежомъ у племянницы автора Елены Юрьевны Концевичъ. Какъ не старалась та ее сдѣлать достояніемъ богобоязненныхъ людей, въ издательства, которымъ она ее предлагала, не публиковали эту книгу изъ страха. А боязнъ заключалась въ томъ, что въ ней открывалось невѣроятное предсказаніе Прп. Серафима о его воскресеніи. Эта тайна не была разгадана до тѣхъ поръ, пока не нашлись мощи Прп. Серафима въ подвалахъ Петербурга и не были возвращены Церкви, но не въ Саровскую Пустынь, а въ Дивьево, что и предсказалъ Прп. Серафимъ.

А темъ временемъ, ровно 50 лѣтъ тому назадъ было создано миссіонерское Братство по инициативѣ Аляскаинскаго пустыльника, Архимандрита Герасима, ученика Старца Макарія Оптинскаго и Схимонаха Іоасафа изъ Тихоно-Калужской Пустыни. И въ день памяти преп. Германа Аляскаинскаго, въ самый день основанія братства, въ домъ ученика Старца Нектарія Оптинскаго и племянницы С. А. Нилуса, этимъ горячимъ молодымъ миссіонерамъ изъ только что основаннаго братства была вручена рукопись второго тома книги "На берегу Божіей рѣки" съ условіемъ, не касаясь церковной цензуры, издать второй томъ и тѣмъ открыть тайну воскресенія Прп. Серафима, записанную съ его собственныхъ словъ.

По благословенію свѣтлой памяти Архіепископа Іоанна Шанхайскаго братство начало печатать и распространять периодическій журналъ "The

Orthodox Word" для американцевъ на Англійскомъ языкѣ. А первымъ изданіемъ братства на русскомъ языкѣ стала книга "На берегу Божіей рѣки", ея второй томъ. А послѣ появленія этого первого изданія появилась цѣлая серия книгъ на тему Оптины и ея подвижниковъ.

Племянница автора книги "На берегу Божіей рѣки", сохранившая для насъ и всехъ будущихъ поколѣній эту ценнейшую жемчужину, всю свою долгую жизнь собирала свѣдѣнія о святыхъ представителяхъ Святой Руси, многихъ изъ которыхъ она знала лично, и печатала въ разныхъ изданіяхъ серіи статей подъ общимъ названіемъ "Святые люди, мною встрѣченные". Вотъ краткій списокъ изъ ея архива: Прп. Анатолій Оптинскій, Игуменія Софія Кіевская, Архіепископъ Ѳеофанъ Полтавскій, Иеромонахъ Серафимъ Воинскій, Схимница въ міру Наталья Евреинова, Елена Воронова, Архимандритъ Лаврентій, Евгений Поселенинъ, Иванъ Концевичъ, Давидъ Озеровъ, Сергій Нилусъ. А мы же намѣрены ознакомить нашего дорогаго читателя съ ея трудами.

1. Отецъ Анатолій

Написали мы осенью 1916 года, что Старецъ Анатолій Оптинскій собирается въ Петербургъ и остановится у купца Усова. Всѣ мы втроемъ, брать Илья, сестра Татьяна Карцова и я, въ положенный день отправились къ Усовымъ. Купецъ Усовъ былъ извѣстнымъ благотворителемъ, мірекимъ послушникомъ Оптинскихъ старцевъ. Когда мы вошли въ домъ Усовыхъ, мы увидѣли огромную очередь людей, пришедшихъ получить старческое благословеніе. Очередь шла по лѣстницѣ до квартиры Усовыхъ и по заламъ и комнатамъ ихъ дома. Всѣ ждали выхода старца. Ожидало пріѣма и семейство Волжиныхъ, оберъ-прокурора Святышаго Синода. Въ числѣ ожидающихъ стоялъ одинъ еще молодой архимандритъ, который имель очень представительный и въ себѣ увѣренный видъ. Скоро его позвали къ Старцу. Тамъ онъ оставался довольно долго. Кое-кто изъ публики возроптавъ по сему поводу, но кто-то же изъ здѣсь стоявшихъ возразилъ, что Старецъ не безъ причины его такъ долго держитъ. Когда Архимандритъ вышелъ, онъ былъ неузнаваемъ: вошелъ къ Старцу одинъ человѣкъ, а вышелъ совсѣмъ другой! Онъ былъ низко согнутый и весь въ слезахъ, куда дѣвалась гордая осанка! Ихъ тайный разговоръ

одному Богу извѣстенъ! Вскорѣ показался самъ Старецъ и сталъ благословлять присутствующихъ, говоря каждому нѣсколько словъ. Отецъ Анатолій въшностью очень походилъ на иконы Прп. Серафима: такой же любвеобильный, смиренный обликъ. Это было само смиреніе и такая непередаваемая словами любовь. Нужно видѣть, а выразить въ словахъ нельзя! Когда мы вошли къ Усовымъ, братъ и сестра заявили, что имъ нужно отъ Старца только его благословеніе. Я же сказала имъ, что очень бы хотѣла съ нимъ поговорить. Когда до насъ дошла очередь, Старецъ благословилъ брата и сестру, а мнѣ говоритъ: “А вѣдь ты поговоришь со мной хотѣла? Я сейчасъ не могу — приди вечеромъ”. Старецъ уразумѣлъ мое горячее желаніе, хотя я не выразила его словами! Вечеромъ я снова вернулась къ Усовымъ. Много лицъ сидѣло и дождалось очереди быть принятыми старцемъ. Члены семьи Усовыхъ стали упрекать сидѣвшую публику въ томъ, что люди чрезмѣрно обременяютъ слабого и болѣзненнаго старца. Принимаетъ онъ людей всѣ ночи напролетъ. Ноги его въ ранахъ, страдаетъ онъ грыжей, онъ чуть живой. Мнѣ стало стыдно отнимать время у Старца и я ушла домой, не повидавши его. Но теперь думаю, что если прозорливый Старецъ сказалъ прийти, надо было не уходить, а дожидаться приема. Какъ мнѣ потомъ рассказывала моя тетя Елена Александровна, близко знавшая весь оптинскій бытъ, Старецъ Анатолій вообще почти не спалъ, всего себя отдавая молитвѣ и служенію людямъ. Единственно, когда онъ себѣ позволялъ отдыхъ — это было на утрегахъ во время чтенія каѳизмы, когда всѣ въ церкви садились. Тогда Старецъ позволялъ себѣ вздремнуть. Нѣкоторые, не знавшие его повсѣдневной жизни, удивлялись, что Старецъ спитъ въ церкви, но вѣдь это были единственныя минуты его отдыха за всѣ сутки. Недаромъ ноги его были въ ранахъ отъ стоянія и было страданіе грыжей отъ земныхъ поклоновъ. У меня до сихъ поръ хранится присланный мнѣ въ 1907 году черезъ тетю образъ Свят. Николая — моего небеснаго покровителя.

Елена Юрьевна Концевичъ.

2. Отецъ Иннокентій

3(16)-го Сентября 1961 года въ Божѣ почилъ О. Игуменъ Иннокентій Павловъ, старшій клирикъ св. Николаевскаго кафедральнаго собора въ г. Санъ-Пауло (Бразилія) въ возрастѣ 71-го года послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни.

Родиною О. Иннокентія, по его словамъ, были Полоцкіе предѣлы, между Полоцкомъ и Невелемъ, Витебской губерніи. Въ городѣ Полоцкѣ въ женскомъ Евфросиніевскомъ монастырѣ св. Спаса подвизалась его родная сестра монахиня Елизавета и еще другія родственницы и сосѣдки монахини, какъ онъ самъ писалъ. Это показываеьт, что онъ самъ

вышелъ изъ весьма благочестивой среды. Миръ онъ покинулъ рано: 18-лѣтнимъ юношей прибылъ онъ въ Оптину Пустынь. Это было въ концѣ 1908 года. Былъ определенъ въ число братства 10-го Апрѣля 1908 г.

Въ это время начальникомъ и старшемъ былъ О. Игуменъ Варсонофій. “Это былъ замѣчательный Старецъ, — пишетъ о немъ О. Иннокентій, — имѣвшій даръ прозорливости, каковую я самъ на себѣ испыталъ, когда онъ принималъ меня въ монастырь и первый разъ исповѣдывалъ. Я оцѣмелъ отъ ужаса, видя передъ собою не человѣка, а Ангела во плоти, который читаеьтъ мои сокровеннѣйшія мысли, напоминаетъ факты, которые я забылъ, лицъ и проч. Я былъ одержимъ неземнымъ страхомъ. Онъ меня ободрилъ и сказалъ: “Не бойся, это не я, грѣшный Варсонофій, а Богъ мнѣ открылъ о тебѣ. При моей жизни никому не говори о томъ, что сейчасъ испытываешь, а послѣ моей смерти можешь говорить”. О своемъ Старцѣ, О. Варсонофій, въ письмѣ отъ 16-го Сентября 1957 года О. Иннокентій выразился еще такъ: “Это былъ гигантъ духа. Безъ его совѣта и благословенія и самъ настоятель монастыря, О. Ксенофонтъ ничего не дѣлалъ, а о его духовныхъ качествахъ и великомъ обаяніи, которое онъ имѣлъ на всѣхъ своихъ духовныхъ чадахъ, можно судить по краткому выраженію изъ надгробнаго слова: “Гиганта малыми деревцами не замѣнишь”. Продолжая свою рѣчь, О. Иннокентій говорилъ такъ: “Въ Оптиной во все посты, а въ Великій два раза, на первой и страстной седмицѣ, вся братія безъ исключения должна была говѣть — исповѣдываться и причащаться, а кто жалеетъ, особенно старики, и чаще. Неотразимое, благодатное дѣйствіе производила на всѣхъ его исповѣдь, и еще такъ называемая исповѣдь-откровене помысловъ, каковая въ Оптиной установлена была по четвергамъ. Одинъ разъ въ недѣлю, именно въ четвергъ, Старецъ никого изъ мирянъ не принималъ, и этотъ день у него былъ назначенъ исключительно для монашествующей братіи монастыря и скита. Ангелоподобный Старецъ, облаченный въ полумантію, въ епитрахили и поручахъ, съ великой любовью принималъ каждого, неспѣша задавая вопросы, выслушивая и давая наставленія. При этомъ онъ имѣлъ совершенно одинаковое отношеніе, какъ къ старшимъ, такъ равно и къ самымъ послѣдымъ. Всѣ ему были беззаветно преданы, и онъ зналъ до тонкости душевное устройство каждаго. Бывало, послѣ исповѣди, или такого откровенія помысловъ, какая бы скорбь, печаль и уныніе ни угнетали душу, все смѣнялось радостнымъ настроеніемъ и, бывало, летишь отъ Старца какъ на крыльяхъ отъ радости и утѣшенія. И дѣйствительно, это были незабываемыя минуты не только для меня лично, но, какъ извѣстно, и всѣ его духовные чада испытывали подобное”. Такова была завскаса, заложенная въ душу еще юнаго подвижника.

Въ Оптиной О. Иннокентій работалъ въ канцеляріи. Дѣлясь съ нами своими оптинскими воспоминаніями, онъ упоминалъ о писателѣ С. А. Нилусѣ. “Часто приходилось мнѣ, — писалъ О. Иннокентій, — помогать Нилусу упаковывать книги его сочиненія и изъ домика, гдѣ они жили съ женой, носить эти книги въ иконо-книжную лавочку. Почти каждый день приходилъ Нилусъ къ намъ въ канцелярію, бесѣдовать, работать съ нами. Помню случай, кажется въ 1909 году, во время такой бесѣды канцелярскій послушникъ О. Павелъ Крутиковъ сказалъ ему: “Сергій Александровичъ, вы наводите на насъ такую жуть: вѣдь сейчасъ въ Россіи ничего не ощущается, быть можетъ, это и будетъ, но теперь нѣтъ основанія такъ беспокоиться”. С. А. сказалъ: “Эхъ, отцы, отцы! Эти стѣны скрываютъ отъ васъ ту ужасную обстановку, среди которой мы живемъ; и слава Богу, что вы всего не знаете, но я не пророкъ, а скажу вамъ, что вы сами на себѣ испытаете все то, что я вамъ говорю”. И дѣйствительно, немного намъ пришлось мирно пожить въ монастырской оградѣ”.

Въ 1919 году О. Иннокентій находился уже въ Крыму въ Херсонесскомъ монастырѣ вблизи Севастополя. 19-го Ноября этого года Епископъ Веніаминъ построилъ его въ монахи. Въ этомъ же монастырѣ мнѣ пришлось лично встрѣтиться съ О. Иннокентіемъ лѣтомъ 1920 года и близко познакомиться при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ ту пору въ Херсонесскомъ монастырѣ пребывалъ Архіепископъ Ѳеофанъ Полтавскій, я и поѣхалъ Владыку, зная его по Полтавѣ. Меня помѣстили въ келлію къ О. Иннокентію на нѣсколько дней. Мы встрѣтились какъ ровные, хотя до этого и не знали другъ друга. Родила насъ Оптина и ея старцы. Тогда мы вѣрили, что она скоро откроется намъ. О. Иннокентій повѣдалъ мнѣ свои скорби и какъ трудно ему въ духовно чуждой обстановкѣ. Между прочимъ О. Иннокентій научилъ меня извѣстному оптинскому ремеслу — дѣлать деревянныя ложки. Въ Оптиной онѣ изготовлялись очень искусно, были раскрашены узорами, лакированы, была надпись: “Благословеніе Оптиной Пустыни”. Рѣзная ручка завершалась изображеніемъ руки съ перстами, сложенными для благословенія. Умѣніе дѣлать простыя ложки очень помогло мнѣ въ трудное время, когда во всемъ былъ недостатокъ, я ихъ обмѣнивалъ на деревенскіе продукты. Въ 1920 году О.

Иннокентій въ періодъ эвакуаціи Крыма добровольческой арміей, только что назначенный регентомъ Петропавловской церкви въ Севастополь, остался на мѣстѣ. Въ томъ же году онъ былъ рукоположенъ въ санъ іеродиакона Архiep. Иоакимомъ Нижегородскимъ и 12 лѣтъ спустя — 23-го Октября 1932 года рукоположенъ въ санъ іеромонаха Архiep. Георгіемъ.

Послѣ эвакуаціи Бѣлой арміи и до второй мировой войны прошло 20 лѣтъ. О жизни О. Иннокентія въ эти годы мы можемъ только судить по его фразѣ въ одномъ изъ его писемъ: “Я на своей спинѣ испыталъ всѣ статьи совѣтскаго кодекса”. Слѣдовательно, онъ пережилъ аресты, тюрьмы, ссылки... Изъ его же письма мы узнали, что онъ “совершилъ великій путь съ казачествомъ отъ Кавказа и до Лиейна, гдѣ удостоился “торжественнаго” избіенія палестинцами въ англійской военной формѣ 8-ой палестинской дивизіи. По милости Божіей остался живымъ и нерепатрированнымъ”. Затѣмъ О. Иннокентій упоминалъ о трехлѣтнемъ своемъ регентствѣ хора церкви Архангеловъ въ центрѣ города Зальцбурга, гдѣ старостой былъ Н. Д. Тальбергъ. Въ Европѣ онъ былъ дважды награжденъ епископскимъ крестомъ, а позднѣе палицей. Затѣмъ наступаетъ время переѣзда въ Южную Америку. Въ 1949 году 12-го Марта Архiep. Ѳеодосій назначаетъ О.

Отецъ Иннокентій Бразилійскій.

Иннокентія настоятелемъ Алпинской св. Троицкой церкви (Бразилія), а въ 1952 году 4-го Января онъ былъ переведенъ на должность перваго священника въ Санъ-Паулу въ кафедральный св. Николаевскій соборъ. Послѣдніе 2 года О. Иннокентій былъ тяжело боленъ, былъ оперированъ. Во “Владимірскомъ Вѣстникѣ” въ свое время была напечатана трогательная благодарность О. Иннокентія мѣстному сестричеству за ревностный уходъ во время болѣзни. Видно было, что онъ былъ окруженъ исключительными заботами и вниманіемъ, что онъ вызывалъ къ себѣ особое отношеніе.

Передъ нами лежитъ 11 писемъ О. Игумена Иннокентія. Отъ нихъ вѣетъ непереводимой словами теплотой оптинскаго духа. Это особый духъ, созданный поколѣніями благодатныхъ, прозорливыхъ старцевъ. И вотъ, увы, нашъ грѣшный міръ покинула еще одна свѣтлая душа, при жизни служившая намъ живой связью съ благодатнымъ прошлымъ Святой Руси.

Иванъ Михайловичъ Концевичъ.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУСЬ. Фото 1900 г.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПИСАТЕЛИ

Часть 3

ПРОРОКЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЕЧЕСТВѢ

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ СЕРГѢЯ НИЛУСА*

1862-1928

*Елены Юрьевны Концевой**“Было время, когда о Сергѣе Нилусѣ въ открытой печати совѣсть ничего не говорилось.**Казалось, что для этого имени уста и не разомкнутся, такъ плотно они нѣкогда были сжаты отъ страха. И вотъ всё перемѣнилось. Теперь стало нормой: любить родную страну — знай Нилуса.**Именно онъ, талантливый и чуткій писатель, своимъ духовнымъ зрѣніемъ предвидѣлъ всё то, что стало въ мѣрь явью, а по существу, недугомъ вселенной. И только ли своимъ духовнымъ зрѣніемъ предвидѣлъ? Въдѣ крамъ личнаго опыта, его пророческое умозрѣніе обострялось превосходнымъ знаніемъ апостольскихъ и святоотеческихъ писаній, черезъ усвоение наставленій русскихъ подвижниковъ благодѣстія и непосредственное общеніе съ великими водителями совѣсти — старцами. Книги Сергѣя Нилуса нынѣ наиболее читаемые благочестивыми людьми, какъ въ нашей странѣ, такъ и далеко за ея предѣлами. Добрые люди называютъ ихъ душепитательными, а злые — вредными. Да и какъ по-другому, если писатель сдѣрживаетъ маску съ лицемѣривъ, раскрываетъ тайные замыслы служителей діавола? Если книги С. А. Нилуса разсматривать въ цѣломъ какъ произведенія духовные, — а они таковыя, безспорно, и есть, — то сквозозъ исканія святости, черезъ напряженную борьбу добра со зломъ явно проступаетъ пророческій смыслъ его писаній. Сергѣй Нилусъ — состоявшійся пророкъ въ своемъ Отечествѣ, признанный духовный писатель и талантливый государственный. Его мысли овладѣваютъ сердцами множества людей на всѣхъ континентахъ, онъ понятъ и на своей великой Родинѣ, въ Россіи. Пророкъ состоялся и принять въ своемъ Отечествѣ — обычное ли это дѣло?**Въ случай съ нашимъ духовнымъ писателемъ такое произошло”.***

1. ДО ПОСЕЛЕНІЯ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

ОСЕРГѢЙ Александровичъ Нилусъ родился 25-го Августа 1862-го года въ Москвѣ на Патриаршихъ прудахъ. Происходилъ онъ изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ. Семья его, какъ и вся среда, была охвачена духомъ того времени, то есть матеріализмомъ и крайнимъ либерализмомъ. Всѣ церковное презиралось. Въ такомъ направленіи велось воспитаніе отрока Сергѣя. Однако въ дѣтскомъ возрастѣ мальчикъ не могъ жить холоднымъ

разсудкомъ. Богъ далъ ему сердце пламенное и горячее, и всю любовь сердца своего онъ раздѣлилъ между старушкой няней, жившей крутлый годъ въ ихъ имѣніи, и самимъ родовымъ гнѣздомъ, называвшимся Золоторево. Онъ ихъ любилъ до слезъ — и няню, и деревню; по его выраженію, «жалѣлъ» ихъ.

*Печатается по: Нилусъ С. А. *На берегу Божьей рѣки*. San Francisco, CA: Изд. Братства преподобнаго Германа Аляксинскаго Чудотворца, 1969. Ч. 2. — С. 1-42.

**Изъ книги Александра Сриженя «Сергѣй Нилусъ: Тайные маршруты», изданной въ Россіи въ 2007 году.

Но по мѣрѣ того какъ онъ росъ, безбожное воспитаніе приносило свои плоды. На урокахъ Закона Божія онъ ловчился, изъ единицъ не выходилъ. Однажды явился на исповѣдь безобразно пьянымъ. Въ IV классѣ гимназіи на экзаменахъ, чувствуя свою неподготовленность, онъ далъ обѣтъ пойти къ «Троше-Сергію» и тамъ перекреститься «обѣими руками и ногами». Но обѣщаніе было забыто, пока не случилось чудо, которое напомнило ему, что онъ клятвопреступникъ. Это произошло послѣ окончанія Университета, на Кавказѣ, гдѣ онъ въ качествѣ судебного слѣдователя ѣхалъ верхомъ по горной дорогѣ, усыпанной острыми камнями. Онъ вздумалъ погнать свою лошадь, которая оступилась и перевернулась въ воздухъ, сбросивъ седока на камни. Такое паденіе не могло не быть роковымъ. Но чудомъ Божиимъ и лошадь, и всадникъ уцѣлѣли и обошлись легкими ушибами. Это чудо заставило его вспомнить обѣ обѣтъ, данному въ дѣтствѣ.

Вскорѣ ему пришлось вернуться домой и заняться управленіемъ имѣніемъ. Тамъ онъ былъ избранъ крестьянами въ церковные старосты и по этому случаю говѣлъ Великимъ Постомъ. Здѣсь впервые послѣ причащенія ощутилъ онъ обновленіе души. Обѣтъ свой, наконецъ, рѣшилъ исполнить... Когда прѣѣхалъ въ Троицкую Лавру, монахи сначала видѣли его по вѣсьмъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ обители и, наконецъ, привели его къ ракъ Преподобнаго Сергія, гдѣ служился общій молельскій. Сергій Александровичъ сталъ усердно молиться Богу, и, поднявъ глаза, взглянулъ на схиму Преподобнаго, находившуюся подъ стекломъ. Въ великомъ душевномъ потрясеніи Нилусъ узрѣлъ въ схимѣ живой ликъ Преподобнаго Сергія съ устремленнымъ на него грознымъ взоромъ. По мѣрѣ его горячихъ покаянныхъ молитвъ, взоръ этотъ пересталъ быть грознымъ и скорѣй исчезъ.

Однако и на сей разѣ переворотъ, совершившійся въ душѣ Сергія Александровича, еще не былъ окончательнымъ. Грѣшникъ не могъ вырваться изъ плѣна страстей. Полное обращеніе Нилуса совершилось позднѣе у ногъ О. Иоанна Кронштадтскаго, куда его направилъ случайный дорожный спутникъ О. Амвросій, казначей Лютюкова монастыря, бывшій келейникъ и соиницикъ послѣднихъ пяти лѣтъ праведной жизни великаго угодника Божія Старца Амвросія Оптинскаго.

«Дѣло было въ февралѣ мѣсяцъ и стоялъ морозъ. Въ Кронштадтѣ Нилусъ поѣхалъ сильно простуженный, лишившись голоса и весь въ жару. Ѣхалъ онъ на извозчикѣ по льду въ осеннемъ пальто, вѣтеръ его пронизывалъ насквозь. Онъ рисковалъ жизнью, но потребность видѣть О. Иоанна была непреодолима... Мы приведемъ подлинныя слова Нилуса о томъ, что онъ испыталъ во время исповѣди

у О. Иоанна, обратившагося къ нему съ вопросомъ: «Я не могъ въ отвѣтъ, — говорить Нилусъ, — издать ни звука — горло совсѣмъ перехватило. Безпомощный, растерянный, я только взглянулъ на Батюшку съ отчаяніемъ... О. Иоаннъ далъ мнѣ поцѣловать крестъ, положилъ его на аналой, а самъ двумя пальцами правой руки провелъ три раза за воротомъ рубашки, по горлу... Меня вмигъ оставила лихорадка, и мой голосъ вернулся ко мнѣ сразу свѣжее и чище обыкновеннаго... Трудно словами передать, что совершилось тутъ въ моей душѣ!..»

Болѣе получаса, стоя на коленяхъ, я, признавъ къ ногамъ желаннаго утѣшителя, говорилъ ему о своихъ скорбяхъ, открывая ему свою грѣшную душу и приносилъ покаяніе во всемъ, что тяжельмъ камнемъ лежало на моемъ сердцѣ... Трудно обнаружить себя передъ Богомъ при свидѣтелѣ и преодолѣть эту трудность, отказаться отъ своей гордости — это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая съ помощью Божественной благодати сила исповѣди. Впервые я воспринялъ всей душой сладость этого покаянія, впервые всѣмъ сердцемъ почувствовалъ, что Богъ, именно Самъ Богъ, устами пастыря, Имъ облагодатствованнаго, ниспослалъ мнѣ Свое прошеніе, когда мнѣ сказалъ Отецъ Иоаннъ: «У Бога милости много — Богъ проститъ».

Какая несказанная радость, какимъ священнымъ трепетомъ исполнилась душа моя при этихъ любвеобильныхъ, всепрощающихъ словахъ! Не умомъ я понялъ совершившееся, а принялъ его всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ своимъ таинственнымъ духовнымъ обновленіемъ. Та вѣра, которая такъ упорно не давалась моей душѣ, несмотря на видимое мое обращеніе у мощей Преподобнаго Сергія, только послѣ этой моей сердечной исповѣди у О. Иоанна, занялась по мнѣ яркимъ пламенемъ.

Я созналъ себя вѣрующимъ и православнымъ*.

*Нилусъ С. А. Великое въ маломъ... Изд. 3-е. Сергійевъ Посадъ, 1911. С. 28-30. Первое изданіе въ 1903 г.

Во 2-мъ изд. книги «Великое въ маломъ» въ 1905 г. по настоянію редактора Еп. Никона Вологодскаго, Нилусъ опубликовалъ попушавъ къ нему рукопись подъ названіемъ «Протоколы сіонскихъ мудрецовъ», въ которой шла рѣчь о способахъ скорѣйшаго достиженія мірового господства. Хотя Нилусъ не былъ первымъ публикаторомъ «Протоколовъ...», именно его изданіе оказалось наиболее известнымъ благодаря развернутымъ комментаріямъ писателя. Самъ Нилусъ, не задаваясь цѣлью изслѣдовать подлинность «Протоколовъ», разсматривалъ ихъ въ руслѣ русской религиозной традиціи; ставилъ замыслы «мудрецовъ» въ прямую связь съ «тайной беззаконія» — съ библейскими пророчествами о воплощеніи «сына погибели» и наступающемъ передъ концомъ исторіи «царствѣ антихриста» (пришествіе котораго, по Нилусу, стало «ближайшей политической возможностью»). Единственнымъ средствомъ, которое можетъ предотвратить порабощеніе Россіи міровымъ зломъ, онъ считалъ возвращеніе къ вѣрѣ

Так совершилось окончательное обращение современного Савла.

Потеря любимого Золоторева причинила сердцу Сергея Александровича мучительную скорбь. Это событие явилось кризисомъ въ его жизни, отрывомъ отъ почвы. Съ этого момента онъ постепенно отделяется отъ «міра сего» и становится изыскателемъ «Града небеснаго». Господь ведетъ его къ этому постепеннымъ этапамъ, черезъ чередующіяся скорби и духовная утѣшения.

Радостнымъ событіемъ вскорѣ послѣ этого была его встреча съ будущей женой. Елена Александровна Озерова, въ противоположность Нилусу, съ дѣтства воспитана святой своей матерью въ строгомъ послушаніи Церкви. Ея духовникъ — протопастырь Отецъ И. Янышевъ — запретилъ ей съ ея 30-лѣтняго возраста принимать участіе въ свѣтской жизни. Ея жизнь была посвящена заботѣ о престарѣломъ отцѣ и, кромѣ того, она посвятила себя благотворительности. Она была попечительницей одной изъ Патриотическихъ школъ, основанныхъ въ прошломъ вѣкѣ Императрицей Елизаветой Алексѣевной для сиротъ, оставшихся послѣ Отечественной войны, гдѣ, кромѣ наукъ, дѣвчѣ учили ремесламъ. Была она также попечительницей фельдшерскихъ женскихъ Рождественскихъ курсовъ, гдѣ и произошла ея встреча съ Нилусомъ, который бывалъ у начальницы этихъ курсовъ — Олимпиады Ѳеодоровны Рагозиной, имя которой встрѣчается въ первой части его книги «На берегу Божьей рѣки». Она съе называлъ Липочкой.

Во время Японской войны Елена Александровна работала въ Зимнемъ дворцѣ въ складѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны. Здѣсь произошло сближеніе ее съ Императрицей, которая предложила Еленѣ Александровнѣ стать предѣлательницей Краснаго Креста въ Царскомъ Селѣ и завлечьъ всѣми Ея благотворительными учрежденіями. Это произошло въ 1905-1906 гг.

Свадьба Нилусовъ могла состояться только благодаря волѣ Императрицы: выходя замужъ, Елена Александровна по закону теряла отцовскую пенсію, на которую жили осиротѣвшие племянники Озеровы, а также престарѣлые слуги ея отца. По желанію Императрицы ей была сохранена половина пенсії, и, такимъ образомъ, никто не пострадалъ. Вынѣлись они 3-го Февраля 1906 года въ Петербургъ. Вынѣ держали генералъ Д. А. Озеровъ — братъ невесты, и

*отцовъ — святому Православію. Писатель былъ убѣжденъ, что оружіе въ борьбѣ съ духомъ антихриста — это, прежде всего, подлинно христіанская, просвѣтленная любовь и смиреніе. За эти свои комментаріи Нилусъ былъ гонимъ врагами Православія, но это не могло его остановить. Размышленіями о великомъ предназначеніи Россіи въ судьбѣ міра проникнуты и послѣдующіе сочиненія Нилуса.

Рафаиль — старикъ-лакэй, 40 лѣтъ служившій въ семьѣ. Оба плакали, увѣренные, что Елена Александровна совершаетъ безуміе.

Планы были таковы: Нилусъ долженъ былъ принять священство и сдѣлаться сельскимъ пастыремъ на Волынѣ*. Было уже извѣстно названіе его прихода и даты его рукоположенія въ діакона и іерея въ Казанскомъ соборѣ Архіепископомъ Антоніемъ (Храповицкимъ), которого Нилусъ посвящалъ въ обстоятельства своего прошлого. Всѣ казалось радостно и хорошо, новобрачные удивительно дополняли другъ друга. Напримѣръ, благодаря Еленѣ Александровнѣ выявился художественный талантъ ея мужа. Она въ молодости училась рисовать и владела техникой, но талантомъ не обладала. Онъ же всего-навсего учился рисовать въ гимназіи, и то карандашомъ. Когда же она научила его обращаться съ красками, — то тутъ сразу же появились на свѣтъ прекрасные этюды, которые жили и дышали. Въ нихъ чувствовалась перспектива, они передавали просторъ полей, воздухъ, солнечный свѣтъ. Такимъ образомъ, будучи врожденнымъ музыкантомъ, онъ оказался еще и художникомъ.

Что касается до Елены Александровны, она расшибла душой, стала еще добрѣй. Не будучи красной, она была привлекательна и пріятна, хотя опережала мужа на 7 лѣтъ. Благодаря рѣкому уму, духовной тонкости, высококультурному своему развитію, Елена Александровна производила исключительное впечатлѣніе и была сокровищемъ и тверднейей во всемъ, что касалось христіанскаго долга. Она никогда не спорила съ мужемъ, зато въ ней онъ имѣлъ твердую опору.

Самъ же Сергій Александровичъ въ те годы еще не утратилъ признаковъ былой красоты, несмотря на полусѣдую широкую бороду. Сохранился собесѣдникъ, прекрасный музыкантъ, сохранившій остатки когда-то хорошаго голоса, благодаря своей сердечности и ласковому со всѣми обращенію, онъ былъ очень обаятельнымъ. Это былъ безхитростный, увлекующійся человекъ. Въ немъ таилась дѣйствительная дѣтская простота.

Но петербургское общество посмотрѣло на него и на этотъ бракъ совсемъ иначе: создалось общее убѣжденіе, что онъ авантюристъ, который женился на любимицѣ Императрицы — пожилой фрейлинѣ и принимаетъ священство въ надеждѣ пробраться въ царскіе духовники для вліянія въ сторону реакціонной политики.

*Императрица Александра Ѳеодоровна прислала Нилусамъ въ благословеніе икону и самоваръ въ видѣ жезла съ Ея инициалами. Она хотѣла подарить серебряный самоваръ, но Елена Александровна возразила, что сельскому батюшкѣ неудобно ставить на столъ серебряный самоваръ. Поэтому имъ былъ присланъ мѣдный, но въ высшей степени художественной работы.

Общая исповѣдь О. Іоанна Крошталдскаго.

Въ петербургскомъ свѣтѣ поднялась невѣроятная шумиха. Но особый взрывъ произвела клеветническая статья въ «Новомъ Времени», въ которой въ отвратительной формѣ излагалась прошлая жизнь Сергія Александровича. Онъ былъ представленъ въ ней какъ самый распутный человѣкъ.

На самомъ дѣлѣ прошлое его таково: въ самомъ его юномъ возрастѣ въ него влюбилась сосѣдняя помѣщица, дальняя родственница. Мужъ этой дамы лежалъ въ параличѣ. У нея имѣлось нѣсколько человѣкъ дѣтей. Она оказалась на 18 лѣтъ старше Нилуса. Отъ этой связи родился сынъ, усыновленный и воспитанный его отцомъ и получившій

хорошее образованіе. Наталья Аванасьевна — богатая помѣщица, ни въ чемъ не нуждавшаяся. До сихъ поръ она разстраивала всѣ попытки Нилуса жениться. Она еще не была вдовой, когда Нилусъ порвалъ эту связь и, наконецъ, женился. Вотъ въ этотъ моментъ и всплыла на поверхность вся эта исторія подъ видомъ невѣроятной грязи, какъ это представлено въ статьѣ, появившейся въ «Новомъ Времени».

Архіепископъ Антоній Волынской сильно разгнѣвался. О рукоположеніи болѣе не могло быть и рѣчи. Нилусамъ хотѣлось скрыться подальше отъ Петербурга, гдѣ близкіе родственники и всѣ знакомые отшатывались отъ нихъ, какъ отъ людей отверженныхъ.

Закончивъ всё дѣла въ Петербургѣ, Нилусы выбрали себѣ отдаленнымъ отъ міра убѣжищемъ Бабаевскій монастырь на берегу Волги, гдѣ кончили свои дни приснопамятный Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. По дорогѣ ихъ посетила неожиданная радость, оказалось, что съ ними одновременно плыветъ на пароходѣ О. Иоаннъ Кронштадтскій. О значеніи О. Иоанна въ жизни Нилусы мы только что говорили. Что касается до Елены Александровны, Батюшка зналъ ее какъ сестру Давида Александровича Озерова, въ то время управлявшаго Аничковымъ дворцомъ. Отношения между Озеровымъ и О. Иоанномъ были долготѣлыми*. Братъ и сестра Озеровы — дивные почитатели Батюшки. Въ раннемъ дѣтствѣ они росли парой, будучи погодками. Давидъ отличался рѣдкимъ юморомъ и живостью характера, а сестренка его — своимъ всегдашнимъ благоразуміемъ. Въ дѣтскіе годы ихъ прозвали въ семьѣ «обезьянка и гувернантка». Съ годами дружба и духовная близость возрастала, пока въ жизни Елены Александровны не появился Нилусъ, ради котораго ей пришлось рѣшительно разорвать всѣ прежнія связи и отказаться отъ своего прошлого.

Итакъ, супруги Нилусы были оба знакомы О. Иоанну, когда онъ встрѣтилъ ихъ, плывя на пароходѣ. Лаской и любовью онъ старался возмѣстить имъ за тѣ клеветы и оскорбленія, которымъ ихъ подвергло петербургское общество. Онъ одобрялъ и благословлялъ ихъ бракъ и предсказалъ Еленѣ Александровнѣ, что она никогда не раскैसे и не пожалѣетъ о совершенномъ ею шагѣ. И, действительно, Нилусъ цѣнилъ и любилъ свою жену, какъ даръ, ниспосланный ему отъ Бога. Больше тѣснаго союза и больше дружной пары нельзя себѣ и представить.

Проживъ нѣкоторое время на «Бабайкахъ», Нилусы встрѣтили одного архимандрита, уроженца г. Валдаи, который такъ расхвалилъ имъ свою родину, что убѣдилъ ихъ туда перѣхать.

*См.: Озеровъ Д. А. *О. Иоаннъ Кронштадтскій: Личные воспоминанія*. Въ журналѣ *Православная Жизнь*. 1964. №№ 11-12.

2. ОПТИНА ПУСТЫНЬ

И ВАЛДАЙ

Живя въ Валдаѣ, Нилусъ постоянно вспоминалъ Оптину Пустынь, гдѣ онъ провель нѣсколько мѣсяцевъ, когда готовился къ священству. Оттуда онъ вернулся даже внѣшне измѣнившимся — потерялъ обликъ свѣтскаго, мірскаго человѣка. На немъ сталъ замѣтенъ отпечатокъ духовности и свободы отъ всего условного, житейскаго... Тамъ онъ какъ бы вторично родился. Тамъ была его настоящая духовная родина. Перѣѣзъ Нилусовъ въ Оптину Пустынь совершился такъ*:

«Въ концѣ Іюля 1907 г. — вспоминаетъ Нилусъ, — говорить мнѣ жена:

«Что же мы никакъ не можемъ собраться въ Оптину? Сколько ты мнѣ наговорилъ о ея духовной красотѣ, о ея старцахъ, о живописности ея мѣстоположенія, а какъ ѣхать туда, такъ ты все оттягиваешь. Напиши О. Архимандриту [Ксенофонту] и О. Варсонофію, что собираемся къ нимъ погостить. Отвѣтятъ, и тогда съ Богомъ».

Я такъ и сдѣлалъ. Вскорѣ отъ обоихъ старцевъ я получилъ отвѣтъ, съ любовью насъ призывающей подъ покровъ Оптинской благодати на богомолье и на отдыхъ душевный, сколько полюбитъ и сколько поживется. Мы наскоро собрались и поѣхали. На жену Оптина произвела огромное впечатленіе. Про меня и говорить нѣчего: я не могъ вдоволь надышаться ея воздухомъ, благоуханіемъ ея святости, налюбоваться на красоту ея соснового бора, насладиться ласкающимъ шепотомъ тихоструйныхъ, омутистыхъ водъ застенчивой красавицы Жиздры, отражающей зеркаломъ своей глубины бездонную глубину Оптинскаго неба.

О, красота моя Оптинская! миръ, о, тишина, безмятежѣ и непреходящая слава Духа Божія, почивающая надъ святыней твоего монашескаго духа, установленнаго и утвержденнаго молитвенными воздыханіями твоихъ великихъ основателей! О, благословенная моя Оптина!

*На берегу Божьей рѣки. Сергіевъ Посадъ, 1916. Т. I. С. 178.

Св. Праведный О. Иоанн Кронштадтскій.

Фотография 1904 г.

Къ Успеневу дню мы готовились, а на самый великій день Богоматери удостоились быть причастниками Св. Тайнъ. На слѣдующій день, 16-го Августа, былъ праздникъ Нерукотворенному Спасу — день, изъ-за родового нашего образа, особо чтимый въ моей семьѣ. Мы были у поздней обѣды. Послѣ отпуста мы съ женой направились къ выходу изъ южныхъ вратъ храма. У самаго выхода, у Казанской иконы Божіей Матери, насъ встрѣчаетъ одинъ изъ старцевъ, іеромонахъ О. Сергій, и, преподавъ намъ свое благословеніе, неожиданно для насъ говорить:

— Какъ жаль, Сергій Александровичъ, что вы отъ насъ такъ далеко живете!

— А что?

— Да вотъ, видите ли, есть у насъ помысль издавать Оптинскіе листки вродѣ Троицкихъ, жили бы вы гдѣ-нибудь поблизости, были бы нашимъ сотрудникомъ.

— За чѣмъ же, — говорю, — дѣло стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мірскими обязанностями не связанные: найдется для насъ въ Оптиной помѣщеніе — вотъ, мы и ваши.

— Ну что жъ, — говоритъ Старецъ, — Богъ благословитъ. Переговорите съ О. Архимандритомъ и съ О. Варсонофіемъ: благословятъ они — и поселитесь съ нами, что можетъ быть лучше нашей Оптинской жизни?

Мы были внѣ себя отъ неожиданной радости. Разговоръ этотъ происходилъ во Введенскомъ храмѣ, какъ разъ подъ Казанской иконой Божіей Матери, у праваго клироса Никольскаго придѣла. И запали намъ слова батюшки О. Сергія въ самую глубину сердечную: и впрямь, что можетъ быть лучше жизни Оптинской?!

Когда-то въ Оптиной проживалъ на временномъ «положеніи» одинъ изъ знаменитыхъ постриженцевъ, впоследствии Архіепископъ Виленскій, Архимандритъ Ювеналій (Половцевъ). Во внѣшней оградѣ монастырскаго сада онъ выстроилъ себѣ въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія отдѣльный корпусъ со всѣми къ нему службами, прожить въ немъ лѣтъ десять и оттуда быть вызванъ на каедру Виленской епархіи. Съ тѣхъ поръ корпусъ этотъ, перешедшій въ собственность Оптиной, стоялъ

почти всегда пустой, изрѣдка лишь занимаемый на короткое лѣтнее время случайными дачниками. Вотъ объ этомъ корпусѣ, вѣрнѣе усадьбѣ, я и вспоминаю послѣ знаменательнаго для насъ разговора съ О. Сергіемъ подъ Казанской иконой Матери Божіей. Рѣшили пойти его смотрѣть. Послали въ архимандритскую за ключами и, пообѣдавъ у себя въ гостиницѣ, пошли около часу дня присматривать себѣ новое жилище.

Въ этотъ часъ вся Оптина отдыхаетъ. На площадкѣ между монастырскими жилыми корпусами и храмами не было ни души, никого даже изъ богомольцевъ не было видно на всемъ пространствѣ обширнаго внутренняго двора обители, когда я съ женой и съ одной валдайской старушкой, нашей спутницей, проходили по нему, направляясь въ садъ къ Ювенальевской усадьбѣ.

Подожли къ Казанской церкви. Я остановился передъ ней, снялъ шляпу, перекрестился и, пользуясь тѣмъ, что кругомъ постороннихъ никого не было, вслухъ молитвенно сказалъ: «Матушка, Царица Небесная, если Тебѣ угодно, чтобы мы здѣсь поселились подъ Твоимъ кровомъ, то Ты ужъ Сама благослови!» И не успѣвъ я до конца промолвить послѣдняго слова «благослови», какъ неожиданно изъ-за угла Казанской церкви показался съ полнымъ ведромъ воды въ рукахъ одинъ изъ старѣйшихъ

Елена Александровна и Сергій Александровичъ
Нилусы въ ихъ Оптинскія годы.

оптинскихъ іеромонаховъ, ризничій О. Исая, нѣкогда бывшій старшимъ келейникомъ великаго Старца Амвросія. Услыхавъ онъ мое слово, поставилъ свое ведро на землю и, не безъ живости, спросилъ меня: «На что благословить-то?»

Такъ насъ эта встрѣча взволновала, что я едва былъ въ состояніи и толкомъ объяснить О. Исая, на что я просилъ благословенія у Царицы Небесной. Снялъ батюшка съ головы своей камилавку и, благословляя насъ, растроганнымъ голосомъ произнесъ: «Богъ — да благословитъ васъ! Да благословитъ намѣреніе ваше доброе Сама Царица Небесная!» И пока благословлялъ насъ О. Исая, вокругъ, откуда ни возьмись, собралось еще три іеромонаха: благочинный О. Иліодоръ, О. Серапіонъ и скитскій іеромонахъ О. Даниилъ Болотовъ, особо близкій нашъ другъ и доброжелатель, — и тутъ всѣ четверо благословили наше водвореніе подъ кровъ обители Оптинской, созданной и освященной въ

Принадлежит келье на берегу Божьей Оптина пустынь на берегу Божьей

рѣки. Переправа черезъ Жиздр. чьсть и славу Введенія во храмъ Пресвятой и Пренепорочной Приснодѣвы Богородицы. Для меня такое совпаденіе было знаменіемъ. Знаменіемъ же оно показалось и всѣмъ въ тотъ часъ съ нами бывшимъ.

Чего только? Тутъ ли на землѣ это откроется, или на небѣ, — Одному Богу извѣстно. О. Данииль, Царство ему небесное, пошелъ съ нами въ наше будущее гнѣздышко и на коленяхъ, милый и любвеобильный старецъ помолился тамъ съ нами передъ иконой Смоленской Божіей Матери — домовая икона корпуса Одигитрія-Путеводительница, чтобы и укрыла Она насъ въ гнѣздышкѣ этомъ отъ зла вѣка сего, отъ клеветы человѣческой!

До чего же намъ полюбилось тогда Ювенальское загишь!.. О, какъ было бы желанно въ немъ и жизнь свою кончить!.. Съ О. Архимандритомъ уговоръ о жительствѣ нашемъ поконченъ былъ съ двухъ словъ: обычно нашъ авва никому изъ мірскихъ

не позволяеть подолгу заживаться въ Оптиной. И это было намъ тоже въ знаменіе. Съѣздили мы тутъ же къ О. Егору Ческриковскому, моему присному совѣтнику въ важныя минуты жизни. Село Спась-Ческрыакъ, гдѣ священствуеть батюшка, отъ Оптиной на лошадахъ 55 версть. Онъ тоже благословилъ намъ поселиться въ Оптиной.

— Благословите, — говорю ему, — батюшка, поселиться намъ въ Оптиной до смерти.
— Да, да, — отвѣчаетъ онъ, — годочка два, ну три, поживите! Только условіе съ монахами напишите, а то, вѣдь, ихъ тамъ не одинъ человѣкъ: мало ли что можетъ случиться.

— Батюшка! — опять говорю. — Ужъ вы до смерти намъ тамъ жить благословите!
А онъ свое:

— Годочка два-три поживите. Вѣдь вы сами знаете, что теперъ почетныхъ мѣсть нѣтъ: какіе могутъ быть почетныя мѣста-то?

Очень намъ тогда эти слова были не по мысли. Все это происходило въ августѣ 1907-го года, а въ первую ночь въ новомъ съезе Оптинокскомъ приюти мы провели съ 30-го Сентября на 1-ое Октября того же года. Первое утро нашей Оптинской жизни, такимъ образомъ, было утромъ Покрова Божіей Матери: милости Ея искали — милость Ея въ Покровъ и получили, подъ кровомъ Ея Обители въ средѣ Ея вѣрующахъ послушниковъ Оптинокскихъ.

И это тоже было вѣрнѣе нашей въ знаменіе.

Нилусы прожили въ Оптиной Пустыни, такимъ образомъ, съ 1-го Октября 1907 г. по 14-ое Мая 1912 г. Описание «Ювенальевской» или «Леонтьевской» усадьбы, гдѣ поселились Нилусы, мы находимъ въ сборникѣ, посвященномъ памяти Константина Николаевича Леонтьева, великаго русскаго мыслителя, который тамъ жилъ въ концѣ прошлаго вѣка*.

«Осенью, — пишетъ Евгеній Поселянинъ, — я пришелъ къ Леонтьеву въ его домъ-особнякъ, который онъ занималъ у Оптиной Пустыни и который находился въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ монастырской ограды.

Смотря парадной стороной своей на ограду, боковыми стенами своими домъ выходилъ на рѣку Жиздрю, протекавшую отъ него тоже саженьяхъ въ пятьдесятъ, а другой — на старый тѣнистый садъ, заросшій преимущественно кленами.

Домъ былъ веселый, покрытый бѣлой штукатуркой, стоялъ высоко на фундаментѣ и былъ увѣнчанъ наверху мезонинчикомъ.

Сразу изъ прихожей въ попадали въ длинную, большую трапезную комнату, шедшую въ ширину всего дома. Большое итальянское окно выходило къ Жиздрѣ, а напротивъ балконная дверь вела въ садъ.

Кромѣ этой комнаты, въ нижнемъ этажѣ были еще двѣ комнаты и помѣщеніе для прислуги, буфетъ. Деревянная лѣстница вела вверхъ въ мезонинъ, гдѣ были просторные кабинетъ и спальня.

Широко лился съ лугового простора, со стороны Жиздры, свѣтъ въ окно кабинета... Изъ оконъ открывался чисто русскій пейзажъ, который ничего не скажетъ, можетъ быть, иностранцу, но хватаетъ за сердца русскаго человѣка. Огородъ, спускающийся къ Жиздрѣ, заборъ, пробѣгающая дорога, уютная въ берегахъ своихъ, свѣтлоструйная рѣка, луговой просторъ, а за нимъ — деревня Стенино».

Въ этой Оптинской усадьбѣ Нилусы прожили почти 5 лѣтъ. Этотъ краткій періодъ своей жизни они сравнивали съ земнымъ раемъ. Старцемъ и духовникомъ Нилусовъ былъ О. Варсонофій. Въ это время еще былъ живъ и Старецъ О. Юсифъ, къ которому они ходили на благословеніе. Между

монахами были еще живы многіе подвижники, какъ наприимѣръ, Игуменъ Маркъ, постриженникъ великаго настоятеля О. Схиархимандрита Моисея, также О. Юлиъ, О. Иоаннъ (Саловъ), слѣпецъ О. Іаковъ, дивные образы которыхъ Нилусы запечатлѣвъ на страницахъ своего оптинскаго дневника* кистию большого художника. Общеніе съ ними было величайшимъ счастьемъ для Нилусовъ. Мы не упомянули имя будущаго Старца О. Нектарія, бесѣды съ которымъ украшаютъ страницы упомянутого дневника.

Самымъ драгоценнымъ въ оптинской жизни Нилусовъ являлось ихъ частое посѣщеніе богослуженій и представлявшаяся возможность пребывать въ послушаніи у старца.

Вотъ какъ описываетъ Нилусъ въ первой части книги «На берегу Божіей рѣки» свои чувства при входѣ въ храмъ Божій ко всенощной подъ праздникъ въ честь иконы Казанской Божіей Матери:

«Пришли мы съ женой въ храмъ задолго еще до начала бѣднїи. Такъ и всегда приходимъ мы подъ великіе Оптинокскіе праздники, чтобы занять заблаговременно привычное наше мѣсто въ храмѣ, пока оно свободно отъ другихъ богомольцевъ.

И какъ же мы любимъ этотъ послѣдній получасъ передъ началомъ торжественнаго звона къ праздничной всенощной!

Вотъ вступаемъ мы на каменные ступени церковнаго крыльца. Отворяется передъ нами стеклянная дверь его тамбура, и впереди насъ входитъ очередной пономарь-монахъ. Онъ другъ нашъ, какъ и всѣ оптинцы, по нашей къ нимъ любви и дружбѣ; и мы чувствуемъ, какъ чувствуешь это и онъ, вратарь храма, благоговѣнный служитель его святныи.

Если очереднымъ пономаремъ случится быть Отцу Маркеллу — монаху живого и общительнаго характера, то, открывая двери и стуча желѣзнымъ засовомъ и тяжелымъ замкомъ о желѣзную ея обшивку, онъ не преминетъ обернуться въ нашу сторону и съ ласково-привѣтливымъ кивкомъ головы всегда промолвитъ: «А, старички-то ужъ тутъ? Вотъ преподобные-то!» — И онъ знаетъ, а мы и подавно, что и тѣи нѣтъ въ насъ преподобія, что это привычная шутка благожелательнаго Отца Маркелла; и къ шуткѣ его и мы сами относимся съ равной благожелательностью, а, главное, любимъ его и чувствуемъ, что и онъ насъ также любитъ и считаетъ своими оптинскими.

И вотъ первое впечатлѣніе при входѣ въ Божій храмъ — благоуханіе братской любви. И съ этимъ чувствомъ любви мы переступаемъ порогъ дома Божія, осыпаемъ таинственнымъ полумракомъ его сводовъ, едва выступающихъ росписью въ святыхъ

*Литературный сборникъ памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 385-401.

*На берегу Божіей рѣки. Сергійевъ Посадъ, 1916.

своих изображений из ступившагося под ними мрака, напоеннаго благовоиємъ фимиама кадильнаго. «Виду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страхъ Твоемъ», — шепчутъ уста, и чело преклоняется подъ знаменіемъ креста Господня.

Хорошо, сладко!.. Таинственно и!.. жутко!

На аналоѣ, въ вѣнцѣ изъ искусственныхъ ландышей и незабудокъ уже возложена наша корзинка Оптинскаго святаго, чудотворная икона праздника. Въ храмѣ тепло: пахнутъ роснымъ ладаномъ, ароматомъ чистаго пчелинаго воска отъ своихъ пчелъ, со своего свѣчнаго завода... Мы снимаемъ съ себя теплыя верхнія одѣжды, кладемъ ихъ на наши мѣста и идемъ прикладываться.

«Заступице Усердная, Мати Господа Вышняго! За всѣхъ молиши Сына Твоего Христа Бога нашего...» И тутъ молитвенная память твоя скажетъ тебѣ всѣ дорогіе и любимыя тобою имена дорогихъ твоихъ и любимыхъ, за которыхъ молить сердце твое Пречистую, а Ангель-Хранитель невидимымъ рукавомъ незримой ризы своею возьметъ и смахнетъ наверхушюся на твою ресницу слезу умиленія и!.. грусть о тѣхъ далекихъ, живыхъ и отошедшихъ, за кого уста твои беззвучно шепчутъ слова сердечной молитвы:

«Спаси и сохрани ихъ отъ зла и соблюди ихъ для блаженной вѣчности, Преплагословенная!»

Приложившись къ чудотворной иконѣ и слѣдомъ пойдешь прикладываться къ другимъ иконамъ Казанскаго храма, а тамъ къ дорогимъ и близкимъ сердцу надгробьямъ, скрывающимся подъ собою святыя останки великихъ возстановителей Оптинскаго славы, родныхъ по плоти и по духу братьевъ — Схіархимандрита Моисея и Схіигумена Антонія. Трудились вмѣстѣ во славу Божію и лежать подъ одной могильной плитой въ одномъ и томъ храмѣ, угодники Божіи. Отъ Моисея и Антонія подойдешь къ Архимандриту Досиею, некогда управлявшему обителью послѣ Схіархимандрита Исаакія, — его надгробіе почти рядомъ, его поманешь и его молить попросиши. Оттуда сердце поведетъ въ противоположную сторону храма, къ Схіархимандриту Исаакію... Какъ дороги, какъ близки сердцу всѣ эти подвижники Оптинскіе, управившіе и себя, и вѣрныя ихъ духовному руководителству христианскія души въ Царство Небесное.

Царство вамъ всѣмъ Небесное, мѣсто покойное!

И вотъ одинъ по одному, а то и группами, начинаютъ появляться богомольцы и постепенно наполнять обширный храмъ Царицы Небесной, посвященный памяти чудотворнаго явленія Ея иконы въ Казани. Зажигаются привычной и ловкой рукой екселеарховъ безчисленныя лампады и свѣчи: въ храмѣ всѣ свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ... Вотъ входятъ и становятся по своимъ мѣстамъ темныя и благоговѣйныя тени монаховъ и послушниковъ... И

вдругъ, могучій медный ударъ шестипудоваго колокола... За нимъ, немного погодя, другой; за другимъ, съ равнымъ промежуткомъ — третій, и широкой звуковой волной, заливая на далекое пространство всѣ окрестныя лѣса и луга, полетѣетъ съ высоты Оптинскаго колокольна дивно-божественный зовъ полноточнаго металла къ величавому праздничному Оптинскому блѣну, къ великому празднику чудной и славной во обителяхъ Россійскихъ Оптиной Пустыни.

Слава Богу, дождались Богородицына праздника!..»

Кромѣ общенія съ оптинскими монахами, Нилусъ знакомился со многими богомольцами, посѣщавшими Оптину Пустынь. Назовемъ имя матери игуменіи Софіи Кіевского Покровскаго монастыря. Въ то время она была начальницей небольшой монашеской общины «Отрада и Утѣшеніе». А также упомянемъ имя Елены Андрѣевны Вороновой. Кромѣ того, въ Оптину прѣѣзжала и помощница ея, Наталія Ивановна Евреннова, которая заняла ея мѣсто во главѣ тюремнаго комитета послѣ ея смерти. Это была, подобно Еленѣ Андрѣевнѣ, святая женщина, находилась въ тайномъ пострѣжѣ, будучи матерью многочисленнаго семейства. Имя ея никогда не упоминалось въ печати. У нея былъ даръ исцѣлять глазами болѣзнь. На это она имѣла разрѣшеніе отъ Старца Варсонофія. Она присутствовала при его кончинѣ. Онъ черезъ нее передавалъ земной поклонъ Нилусамъ, говоря, что они вмѣстѣ съ нимъ пострадали за одно и то же. Но мы забываемъ впередъ... Однажды въ письмѣ къ Нилусамъ Наталія Ивановна описывала слышанное ангельское гнѣие... Вся красота земной музыки съ тѣхъ поръ перестала для нее существовать. Въ эмиграціи Наталія Ивановна жила въ Брюсселѣ*.

*Находясь въ эмиграціи, Н. И. Евреннова чрезвычайно безпокоилась о судьбѣ Нилуса, сидѣвшаго тогда въ тюрьмѣ въ Москвѣ на Лубянкѣ. Вотъ ея письмо отъ 11-го Апр. 1925 г.: «Дорогая X, вотъ уже третье письмо, которое я Вамъ пишу. Жду съ нетерпѣиємъ хоть маленькую вѣсточку, одну открыточку, что напишете старостерку, святыя мои С. А. и Е. А.? Если бы Вы знали, какая иногда тоска обхватываетъ мое сердце. Каждый день со страхомъ и надеждой заглядываю въ почтовый ящикъ нашихъ дверей, и всѣ вѣтъ ничего. Послѣднее Ваше письмо отъ 15-го Февраля, и послѣ этого ни строчки. Можетъ быть, я чѣмъ-нибудь Васъ огорчила? Во всякомъ случаѣ — невольно, этому Вы можете доверить. Отъ сердца любящаго пишу, что кромѣ глубокой любви и высокаго уваженія я ничего другого не чувствую къ Вамъ, а мою любовь къ дорогимъ моимъ С. А. и Е. А. ничто и никто изъ меня не исторгнетъ, она будетъ длиться во вѣки вѣковъ. Я въ моей жизни никого не встрѣчала выше ихъ въ смыслѣ христианъ, людей примѣрныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Передъ ними я преклоняюсь и радуюсь, что Богъ далъ мнѣ ихъ узнать».

Но перенесемся в Оптину, в большую трапезную, тянувшуюся во всю длину «Ювеналевской» усадьбы. Тамъ у Нилусовъ за гостеприимнымъ столомъ сидятъ самые разнообразные оптинскіе паломники: здѣсь Марія Николаевна Максимовичъ, жена Варшавскаго генералъ-губернатора, пьетъ чай рядомъ съ простыми крестьянами; тутъ нѣтъ никакихъ ранговъ, все чувствуютъ себя въ общей духовной семьѣ; тутъ царитъ искреннее, христіанское расположеніе другъ къ другу. Нилусы умѣли объединять людей, окружать ихъ сердечной любовью.

Но кому-то это не понравилось... Когда Нилусъ сталъ сотрудничать «Троицкаго Слова», издаваемого Архіепископомъ Николемъ Вологодскимъ, помѣщая статьи подъ заглавіемъ «На берегу Божьей рѣки», онъ пришелъ къ Старцу О. Варсонофію просить благословенія на этотъ трудъ. Старецъ одобрилъ это начинаніе, благословилъ, но рѣчь свою онъ прервалъ, сказавъ: «А знаете — противъ васъ начинается возстаніе, да какое возстаніе!» — «Откуда, батюшка?» — «Извнѣ и изнутри, со стороны одной партіи». Продолжать рѣчь Старцу помѣшали. Это былъ какъ бы первый звонокъ.

Къ биографіи С. А. Нилуса нельзя не отнести его рукописнаго повѣствованія объ исцѣлѣніи его супруги отъ тяжкаго недуга и связаннаго съ этимъ другого чуда, а именно — его избавленія отъ многолѣтняго порока куренья:

«...7-го Іюля 1909 г. Сегодня ночью со мной былъ тяжелый приступ удручающаго кашля. Подъѣлалъ — это все отъ куренья, котораго я не могу бросить, а курю я съ третьяго класса гимназіи, и теперь такъ насквозь пропиталъ себя проклятымъ никотиномъ, что онъ уже сталъ, вѣроятно, составной частью моей крови. Нужно чудо, чтобы вырвать меня изъ когтей этого порока, а своей воли у меня на это не хватить. Пробовалъ бросить курить, не курить дня по два, но результатъ былъ тотъ, что на меня находила такая тоска и озлобленіе, что этого новаго грѣха становилось больше стараго. О. Варсонофію запретилъ мнѣ даже и дѣлать подобныя попытки, ограничивъ мою ежедневную порцію куренья пятнадцатью папиросами. Прежде я курилъ безъ счета...» — Это было сказано въ 1-й части «На берегу Божьей рѣки», стр. 230. Теперь слѣдуетъ посланная рукопись: «Придетъ вашъ часъ, — сказалъ О. Варсонофія, — и куренью настанетъ конецъ». «Надѣйся, не отчаивайся: въ свое время, Богъ дастъ, бросишь», — по поводу того же куренья, отъ котораго я никакъ отстать не могъ, сказалъ мнѣ О. Іосифъ. И чудо это, по слову обоихъ старцевъ, надо мной совершилось. А было это такъ.

Живемъ мы съ подружіемъ моимъ, женой моею богоданной, что называется, душа въ душу, въ полномъ смыслѣ Евангельскаго слова, такъ, что мы не двое, а одна плоть. Великая эта милость Божія,

намъ дарованная свыше, по глубокой и убѣжденной нашей вѣрѣ въ таинство брака, къ которому мы оба въ свое время приступали со страхомъ и трепетомъ. И вотъ въ іюнь 1910 г. жена моя заболѣла какой-то странной болезнью, которой ни фельдшеръ оптинскій, ни приглашенный врачъ опредѣлить не могли: утромъ почти здорова, а какъ вечеръ — такъ и до 40 температуры. И такъ и недѣля, и другая, и третья! Вижу, таешь на моихъ глазахъ моя радость, таешь, какъ восковая свѣчка, и вотъ-вотъ встухнетъ въ послѣдній разъ и погаснетъ. И великой, безмѣрно великой тоскою и скорбью исполнилось тогда мое сиротѣющее сердце, и палъ я ницъ предъ иконой Божьей Матери Одигитрии Смоленской, что стояла въ углу моего кабинета, и плакать я пересталъ Ней, и ужасался, и тосковалъ, и говорилъ Ей, какъ живой: «Матушка Царица моя Преблагословенная Богородица! Ты, вѣрую, дала жену ангела моего. Ты же и сохрани мнѣ ее, а я Тебѣ за то обѣтъ даю не курить больше никогда. Обѣтъ даю, но знаю, что своими силами исполнить его не могу, а не исполнить — грѣхъ великій, такъ Ты Сама мнѣ помоги!» — Такъ было это часовъ около десяти вечера. Помолвившись и нѣсколько успокоившись, подошелъ къ постели жены. Спитъ, дыханіе тихое, ровное. Дотронулся до лба: лобъ влажный, но не горячій — крѣпко спитъ моя голубушка нѣжная. Слава Богу, слава Пречистой! На утро температура 36,5°, вечеромъ 36,4° и черезъ день встала, какъ и не болѣла. А я забылъ, что курить, какъ не курить никогда, а курить я ровно тридцать лѣтъ и три года, и весь организмъ мой былъ такъ пропитанъ проклятымъ табачиномъ, что я безъ него жить не могъ не только дня, но и минуты. Это ли не чудо Одигитрии?»

Между тѣмъ счастливая жизнь въ Оптиной Пустыни подходила къ концу. Грѣхъ молодости Сергія Александровича всплылъ снова на поверхность и былъ причиной его изгнанія изъ Оптиной Пустыни. Произошло это такъ: г-жа Володимірова вскорѣ послѣ свадьбы Нилусовъ овдовѣла и раздала все свое богатство своимъ дѣтямъ, съ тѣмъ, что они будутъ выдавать ей пенсію. Но ея зятя съ быстрой молніи пропустили до нитки все имъ полученное, и старуха стала нищей. Она попробовала поселиться у своей сестры, но та ее такъ милая за легкомысліе и ошибки, что терпѣть было невозможно. Она обратилась къ Нилусу, умоляя взять ее къ себѣ. Елена Александровна пошла къ Старцу О. Варсонофію, спросить, что дѣлать? Старецъ предупредилъ, что если она приметъ Наталію Аванасьевну, то съ этимъ будутъ связаны скорби, но не запретилъ принять ее къ себѣ. Жалость и мысль, что она причинила ей горе, взяли верхъ, и Елена Александровна приняла къ себѣ г-жу Володимірову. Последняя въ это время достигла уже глубокой старости и ходила, переваливаясь, нетвер-

дыми шагами. Сначала она питала вражду къ Еленѣ Александровнѣ, затѣмъ это смѣнилось совершенно обратнымъ отношеніемъ: Елена Александровна побѣдила ее предубѣжденія своей ангельской добротой и вниманіемъ къ ней.

Однако появленіе г-жи Володиміровы въ Оптиной Пустыни вызвало вскорѣ настоящую трагедію. Началось съ того, что въ Оптину Пустынь прибыла нѣкая Марія Михайловна Булгакъ, рожденная Бартевца. Трудно себѣ представить существо болѣе отталкивающее и физически, и морально. Это была Квазимодо въ образѣ женщины. Она была начальницей женской гимназіи въ г. Гродно. Передъ прѣздомъ въ Оптину она наскандадила въ Вировскомъ монастырѣ Седлецкой губерніи, гдѣ ея собаки врывались въ церковь. Пришлось обратиться къ полиціи, чтобы ее удалили. Тамъ жила тогда на покоѣ мать Игуменія Софія — сестра Елены Александровны Нилусъ. Явившись въ Оптину Пустынь, г-жа Булгакъ возгорѣлась пламеннымъ обожаніемъ къ Старцу Варсонофію и обѣщала сдѣлать завѣщаніе въ его пользу, то есть въ пользу Скита, на сумму въ сто тысячъ рублей. На этомъ основаніи она считала себя вправѣ командовать Старцемъ. Когда же это ей не удалось, ея обожаніе смѣнилось страстной, яростной ненавистью. Вооружившись всевозможными клеветами и сплетнями, Булгакъ покинула въ столицу и явилась въ салонъ графини Игнатьевой. Этотъ салонъ посѣщались также архіереями, которые, увы, не задумываясь, повѣрили этой болтовнѣ. Дабы лично проверить столь любопытные сенсаціонные слухи, въ Оптину Пустынь отправилась сама графиня Игнатьева. Сначала она сдѣлала визитъ Настоятелю Архимандриту Ксенофонту, потомъ дала знать О. Варсонофію, что явится къ нему не какъ къ старцу, но какъ къ настоятелю Скита. Ввиду такого несприятнаго посѣщенія О. Варсонофію попросилъ М. Н. Максимовичъ вырчить его при пріемѣ графини и вести съ ней свѣтскую бесѣду. М. Н. Максимовичъ была супругой Варшавскаго генералъ-губернатора. Она жила почти безвыѣздно въ Оптиной въ собственномъ домикѣ и была смиренной старицей, поистинѣ святой жизни. Она пришла къ чаю и вела съ графиней любезный свѣтскій разговоръ, а Старецъ пребывалъ въ молчаніи.

Результатъ былъ такой: графиня вернулась въ Петербургъ съ доносомъ — въ Скиту растутъ цвѣты, а у Старца въ кельѣ хозяйничаютъ женщины.

Къ этому прибавилось, что въ монастырѣ оказалось 3 монаха-бунтовщика. Старецъ и Настоятель ихъ усмирили. Но они подали на Настоятеля доносъ въ Синодъ о якобы существовавшихъ безпорядкахъ въ дѣльномъ хозяйствѣ.

Подъ самый Новый годъ — 1912-ый, въ Оптину прибылъ Архіепископъ Серафимъ Чичаговъ и прямо

съ дороги, ничего не изслѣдовавъ, за всеночной новогодней произнесъ противъ скитоначальника — О. Варсонофія и настоятеля — О. Ксенофонта поносную и оскорбительную проповѣдь передъ лицомъ всей Оптинской братіи. Онъ заявилъ, что Оптина Пустынь стала мѣстомъ подлѣжнаго паденія нравовъ и грозитъ гнѣвомъ Божиимъ. Оба начальствовавшихъ старца, убѣленные съдинами, стояли по бокамъ говорившаго и поддерживали архіерея подъ руки. Оптинская братія была поражена, какъ громомъ... Это былъ жестокой ударъ... Пресвященный подъялъ даже вопросъ о закрытіи Оптинскаго скита...

Что касается О. Ксенофонта, онъ вскорѣ доказалъ, что въ веденіи имъ хозяйства не было никакихъ неправильностей или ущербовъ. Однако потрясеніе, имъ пережитое, вскорѣ свело его въ могилу. Съ О. Варсонофіемъ пришлось труднѣе: отъ него потребовали, чтобы онъ произнесъ осужденіе Нилуса въ блудной жизни. Старецъ наотрѣзъ отказался это сдѣлать и долженъ былъ покинуть Оптину Пустынь. Его произвели въ архимандриты, несмотря на то, что онъ былъ схимникъ, и дали въ управленіе Галутвинскій монастырь, заброшенный и въ полномъ упадкѣ. Обитель эта стала быстро возрождаться, но О. Варсонофію не могъ пережить разлуки съ Оптиной Пустынью, онъ тяжело заболѣлъ и въ 1913-мъ году преставился.

Благодаря распоряженію Синода, воспретившему мірскимъ лицамъ жить въ Оптиной, Нилусамъ пришлось вернуться въ Валдаи.

Оптиной Пустыни обязаны выходомъ въ свѣтъ слѣдующія книги Нилуса: «Сила Божія и немощъ человѣческая», «Святыня подъ спудомъ». Пресвященный Николь Вологодскій печаталъ въ «Троицкомъ Словѣ» дневникъ Нилуса подъ заглавіемъ «На берегу Божьей рѣки», который вышедъ отдѣльной книгой въ 1916-мъ году. Нилусъ не ожидалъ, что съ отъѣздомъ изъ Оптиной Пустыни онъ сможетъ продолжать вести свой отдѣлъ въ «Троицкомъ Словѣ», гдѣ печатались его дневники. Но жизнь въ Валдаѣ была богата духовными впечатлѣніями и общеніемъ съ людьми, преданными Церкви. Къ нему прѣзжали со всѣхъ концовъ Россіи, ему писали... «Божья рѣка» не иссякла и продолжала струиться, и онъ могъ продолжать закидывать въ нее свои рыбацкіе сѣти...

Жизнь въ Валдаѣ продолжалась съ 1912 года и вплоть до начала революціи. Приблизительно 8 лѣтъ. Описывать подробно мы эту жизнь не можемъ. Приведемъ здѣсь только два отрывка изъ воспоминаній: 1) бывшаго студента, прогостившаго у Нилусовъ 6 недѣль; 2) племянника Е. А. Нилусъ.

«Домъ, въ которомъ жили Нилусы, — рассказываетъ студентъ, — принадлежалъ профессору политической экономіи П. Н. Георгіевскому. Въ

этомъ домѣ когда-то жила романистъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ (сынъ историка, Сергѣя Михайловича Соловьева, и братъ философа, Владиміра Сергѣевича Соловьева), авторъ историческихъ романовъ «Сергій Горбатовъ», «Старый домъ» и др., которыми въ свое время зачитывалась молодежь. Въ этомъ же домѣ и написаны были эти романы. Стоялъ Нилусовскій домъ въ красивомъ заглохшемъ паркѣ, спускавшемся по косогору къ самому озеру, на которое открывалась калитка сада. Здѣсь была устроена маленькая пристань для причаливанія лодок. Перевозными лодками правили женщины-лодочницы, они возили, главнымъ образомъ, въ Иверскій монастырь, расположенный въ лесу на островѣ посреди озера. Мы отплыли по праздникамъ рано утромъ, и въ это время начинался гулъ знаменитыхъ Валдайскихъ колоколовъ. Гудѣли всѣ городскія церкви. Утреннее солнце освѣщало чудесное ярко-синее озеро и весь расположенный по лѣвую сторону отъ нашего дома бѣлый Екатерининскій городокъ, который съ своими многочисленными церквями казался опрокинутымъ въ водахъ озера. Это была дивная картина! Мы плыли направо, монастырь еще не былъ видѣнъ. Его скрывали поросшіе лѣсомъ зеленые островки. Зато изъ центра города онъ былъ видѣнъ, какъ на ладони. По озеру проходила цѣль Валдайскихъ горъ. Сергій Александровичъ по этому поводу вспоминалъ слова псалма: «На горахъ станутъ воды... посреда горъ пройдутъ воды» [Пс. 103, 6, 10]. Наконецъ, мы проплыли проливъ, раздѣлявшій островъ, и лодка причаливала къ монастырскому берегу всегда ровно въ 9 часовъ утра. И въ это мгновение съ точностью раздавался удар могучаго монастырскаго колокола, возвышающаго начало обѣды.

Изъ всѣхъ обитателей Нилусовской усадьбы первымъ привлекалъ вниманіе самъ хозяинъ. Это была сильная личность, человекъ блестящій, талантливый музыкантъ, художникъ и писатель. Говорилъ онъ необыкновенно интересно, взгляды его были глубоки и оригинальны. Его чисто русская душа — нараспашку, съ сердцемъ восторженнымъ, искренно открытымъ, была готова любить всякого. Идеализировалъ онъ кого только могъ, при этомъ попадался, разочаровывался, но былъ неисправимъ. При почти постоянномъ безденежьи онъ умудрялся проявлять самую широкую щедрость. Въра его была невысокаго роста, очень представительный, съ большой окладистой бородой съ сильной просѣдью и выразительными карими глазами. Дома онъ носилъ русскую рубашку и высокие сапоги и, несмотря на скромную эту крестьянскую одѣжду, походилъ типомъ на русскаго боярина.

Прѣхалъ я въ Валдай 29-го Іюня 1916-го года въ день св. Апостоловъ Петра и Павла, и мнѣ сразу же

безъ всякой подготовки пришлось окунуться въ удивительную атмосферу, которую и словами передать трудно. Скажу только: мнѣ приходилось встрѣчать въ жизни людей доброй христіанской настроенности, но такой жизни по вѣрѣ, такого глубокаго, живаго евангельскаго духа, какой я увидѣлъ здѣсь, мнѣ не приходилось встрѣчать доселѣ нигдѣ, да и не пришлось и послѣ. Все отношеніе Нилусовъ къ людямъ, несмотря на испытываемые ими огорченія, было такъ христіански просто, доврѣчиво, сердечно и ласково, такимъ овыяно свѣтломъ и тепломъ, что я не могъ не погрузиться сразу же всею душой въ эту радостную, уютную, любвеобильную атмосферу. Здѣсь выдуманного, натянутого не было ничего: Нилусы были такіе, это была ихъ жизнь, это была ихъ духъ. Ежедневно читали они житія святыхъ и были проникнуты ихъ настроенностью. Шесть недѣль провела я въ этой чудесной усадьбѣ, и эти 6 недѣль положили на мою душу такой сильный отпечатокъ, который уже впечатлѣніями всея послѣдующей жизни не могъ изгладиться.

Особенно поразилъ меня разговоръ, имѣвшій мѣсто за обѣдомъ въ памятный день моего прѣзда: до сихъ поръ мнѣ не приходилось нигдѣ слышать такихъ рѣчей... Прежде всего надо сказать, что одновременно со мной у Нилусовъ гостила Екатерина Николаевна Яблонская, которую молодежь звала тетей Катюшей. Ея отецъ, Н. Тимофѣевъ, послѣ Балканской войны былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь. Въ ихъ домѣ любилъ бывать извѣстный мыслитель К. Н. Леонтьевъ. Эта семья рано осиротѣла, и ихъ опекуномъ сталъ А. П. Озеровъ — отецъ Е. А. Нилусъ.

○ Такимъ образомъ, у тети Катюши издавна сложились близкіе отношенія съ семьей Озеровыхъ. Однако она вопреки имъ всѣмъ, а также общественному мнѣнію, горячо одобряла бракъ Елены Александровны и очень любила Сергѣя Александровича. Это была безхитростная и простая сердцемъ женщина, обладательница чудеснаго, бархатнаго контралято, и только благодаря зависти и интригамъ не поступила въ молодости въ Маріинскую озеру — можно думать, на свое счастье.

Рѣвъ за завтракомъ была вотъ о чемъ: уѣзжая изъ Петербурга въ Валдай, тетя Катюша слала чемоданъ въ багажъ. Время было военное — 1916 годъ. На желѣзныхъ дорогахъ царилъ полнѣйшій хаосъ. Тетя Катюша помодилась Прп. Серафиму и его образомъ благословила свое достояніе. На пересадкѣ ей удалось замѣтить, что чемоданъ отправляютъ не туда, куда надо, и добиться правильной погрузки. ○ Своей молитвѣ Прп. Серафиму она совершенно забыла. И вотъ 28-го Іюня просыпается она на развѣтѣ и смотритъ на часы, твердо запоминая часъ, и вдругъ видитъ: передъ ней стоитъ самъ Прп. Серафимъ и

указывает ей рукой на ея чемодан. Указав и скрылся, как бы упрекая в неблагодарности и покая, что ничего случайного в жизни не бывает.

Съ трепетомъ и радостнымъ волненіемъ стала она разсказывать о явленіи ей угодника Божія Сергію Александровичу... Онъ тотчасъ же уясилъ за письменный столъ и сталъ вносить въ свой дневникъ записи объ этомъ чудѣ. Въ этотъ день стояла обыкновенная іюньская погода, солнце свѣтило, не было никакихъ признаковъ непогоды. И вдругъ къ ужасу всѣхъ присутствующихъ сверкнула молнія, которая расщепила грабли, прислоненныя къ окну, у котораго писалъ Сергій Александровичъ. Одновременно раздался оглушительный ударъ грома. Но ни дальнѣйшей грозы, ни дождя не послѣдовало.

Какимъ образомъ произошло такое странное и таинственное явленіе? И чья рука оградила отъ смерти записывавшаго о чудѣ Сергія Александровича? Вотъ о чемъ говорили за обѣдами обитатели Валдайской усадьбы, обсуждая между собой вчерашнее происшествіе.

Вторымъ воспоминаніемъ является статья [Е. Ю. Концевичъ], напечатанная во Владимірскомъ календарѣ въ 1954 году. Она передаетъ ту атмосферу, которая окружала Нидусовъ въ валдайскій періодъ ихъ жизни: Валдайскіе впечатлѣнія.

«Въ первый разъ собрался я въ Валдай въ октябрѣ 1913 года. Ъхала я со станціи Борисовъ черезъ Оршу и Витебскъ. Отправившись въ путь около полудня, я только въ пятомъ часу утра добралась до Валдая. Вышла я изъ поѣзда въ темнотѣ, при свѣтѣ фонарей, и сразу очутилась въ широкихъ родственныхъ объятіяхъ прѣхавшихъ встрѣтить меня, несмотря на ранній часъ, моихъ старичковъ — тети и дяди.

Въ эту ночь, вѣрнее въ то утро, мы не пошли отдыхать, а всё говорили и говорили безъ конца: сначала еще при свѣтѣ лампы, а потомъ дождались и дневнаго свѣта. Утромъ повели меня по всѣмъ комнатамъ.

Главной, центральной, былъ кабинетъ — уютный и старомодный, съ тяжеловѣсными мягкими креслами, шезлонгомъ, расположенными у круглого стола съ лампой и отгороженными отъ двери китайскими ширмами. Въ углу виднѣлся огромный размѣровъ образъ Божіей Матери Олигитриі. У одного изъ оконъ стоялъ диванъ письменный столъ, за которымъ протекала вся его жизнь, его творчество. Стѣны были увѣшаны портретами и этюдами работы самихъ хозяевъ. Дядины этюды всегда были хороши: они были живыми, дышали воздухомъ, изобиліемъ свѣта и широтой и раздольемъ. Тетя, которая научила его писать масляными красками, была имъ прейюдлена, у него былъ врожденный талантъ.

Другая примѣчательная комната — ихъ спальня, половина которой была обращена въ моленную.

Иконъ было множество, были и старинныя, фамильныя. Но больше всего обращалъ на себя вниманіе дивной красоты ликъ Христа, какъ живой, въ терновомъ вѣнчѣ, работы неистѣпнаго итальянскаго мастера. Былъ случай исцѣлѣнія отъ этого образа калекки-ребенка. Кромѣ того, привлекалъ къ себѣ чудный образъ-портретъ Преподобнаго Серафима, написанный Дивѣвскими монахинями. Передъ иконами горѣли лампы. Отъ этихъ двухъ комнатъ вѣло особеннымъ миромъ и уютомъ. Такой умиротворяющей атмосферы нигдѣ и никогда я не встрѣчала больше въ жизни. Остальныя комнаты: столовая и двѣ комнаты для гостей, не носили такого яркаго отпечатка личности хозяевъ.

Съ вышней стороны усадьба имѣла очень поэтической видъ, она была старая, расположенная въ тѣнистомъ саду, среди деревьевъ и кустовъ сирени, на самомъ берегу озера. Валдай — обыкновенный провинціальный городокъ, хорошъ, главнымъ образомъ, своимъ мѣстоположеніемъ на берегу озера. Бывала я тамъ не разъ въ соборѣ и, кромѣ того, въ церкви св. Екатерины, построенной Императрицей Екатериной II-й, которая, какъ и другіе царственные лица, останавливались въ Валдаѣ при путешествіяхъ изъ одной столицы въ другую. Эта церковь была создана въ стилѣ ампира, такъ мало гармонирующимъ со старорусскимъ городкомъ и бытомъ.

Прожила я въ этотъ прѣздъ не болѣе мѣсяца въ Валдаѣ. Погода мало располагала къ прогулкамъ.

Я сидѣла въ кабинетѣ на одномъ изъ кресель противъ тети съ работою или книгой въ рукахъ. Дядя, сидѣвшій за своимъ письменнымъ столомъ, какъ-то обратился къ тетѣ: «Эта дѣвочка мнѣ не мѣшаетъ, она умѣетъ молчать, какъ и ты». Я не тяготилась этимъ молчаніемъ, напротивъ, я наслаждалась этой старосвѣтской обстановкой, лаской, любовью моихъ старичковъ. Въдъ существуютъ разнаго характера молчанія: одно — холодное, сухое, щемящее сердце, происходящее отъ отчужденности и разномыслія, и бываетъ, наоборотъ, другое — когда царитъ полное пониманіе, внутренняя гармонія, тогда слова кажутся лишними.

Цѣлымъ событіемъ показался мнѣ нашъ выѣздъ «въ свѣтъ»: насъ пригласили церковныя друзья на именины. Эти друзья были торговцами краснымъ и бакалейнымъ товарами. Они были людьми съ очень небольшимъ школьнымъ образованіемъ. Но я никогда не ожидала встрѣтить въ этой средѣ такую благовоспитанность, такія естественныя и полныя достоинства манеры. Ясно — они унаслѣдовали это отъ прежнихъ поколѣній. Это были представители стараго русскаго склада и быта. Какая разница, подумала я еще тогда, съ тѣми другими, потерявшими связь съ почвой и вѣрой отцовъ! И вотъ, когда выѣздъ за этимъ повѣялъ вѣтеръ революціи, эти безпеченные люди закружились и понеслись, какъ

пожелтѣвшие листья, радуясь этому движению, этой завирухѣ и не сознавая, что они лѣтять въ бездну. Безуміе охватило всѣхъ. Вихремъ все снесено, разбито, развѣяно и даже праха не собрать ужъ тепері! Да, могла ли я думать, что стою у самаго порога и рубежа и наблюдаю уходящую Русь, что отъ ея красоты не останется и слѣда.

А пока, выйдя на балконъ Валдайской усадьбы, я могла еще любоваться на дивную панораму: передо мной разстилалось озеро окруженностью болѣе ста верстъ. Противъ самаго города на зеленомъ полуостровѣ среди мачтовыхъ сосенъ высились древнія бѣлыя стѣны и башни Иверскаго монастыря. Это была захватывающая духъ красота. Я смотрѣла и не могла наглядѣться. Но еще въ болѣе восторгъ привела меня эта картина, когда я пріѣхала въѣной. Стояли тогда теплыя майскія дни. Особенно запомнился одинъ вечеръ. Въ монастырь шло озерное богослуженіе. Черезъ голубую ширь вечернихъ водъ доносились могучій, невыразимо прекрасный благовъсть древнихъ колоколовъ. Въ лучахъ заходящаго солнца монастырскіе строенія и храмы были словно облиты прозрачнымъ золотомъ. Казалось, они были озарены небеснымъ огнемъ. Такъ изображаютъ горній Иерусалимъ, градъ торжествующихъ святыхъ. Но вотъ это золото-огненное освѣщеніе перешло въ пурпурно-красное, затѣмъ краски розовѣютъ, принимаютъ лиловый оттѣнокъ. Время идетъ, а небо и отражающее его озеро всё продолжатъ мѣнять свои фантастическіе цвѣта, пока вечерняя заря не погасла и не настала свѣтло-прозрачная сѣверная ночь. Но то было въ маѣ, а въ тотъ первый мой пріѣздъ на дворѣ была хмурая осень, безъ красочныхъ закатовъ, и по озеру мы избѣгали ѣздить. Поэтому 12-го Октября 1913 г. мы поехали въ монастырь кружнымъ путемъ на лошадахъ и ѣхали 7 верстъ вмѣсто трехъ, если бы поплыли напрямикъ, на лодкѣ. Въ этотъ день, въ канунъ своего праздника, Иверская икона Божіей Матери возвращается на всю зиму въ монастырь, обходя за лѣто нѣсколько уѣздовъ, постѣвивъ по дорогѣ всѣ города, села и деревни.

По пріѣздѣ, къ концу дня, мы пошли вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ на берегъ озера къ монастырской пристани встрѣчать икону. Это было по-осеннему темный вечеръ. Ждали не такъ долго: вотъ показался на фонѣ чернѣющаго воднаго пространства цвѣтные огоньки, — фонарики, которыми была украшена лодка съ иконой. Лодка подошла къ берегу и причалила. Крестный ходъ принялъ икону, и ее понесли въ зимній храмъ со свѣчами и пѣніемъ. По дорогѣ икону пронесли наль отдѣльными богомольцами, склоненными до земли. Этотъ теплый храмъ, гдѣ Иверская икона проводила зиму, переносить вась всѣцѣло въ допетровскую Русь, пріямъ изъ XX вѣка вы попадали въ эпоху Царя

Алексія Михайловича, въ паталную церковь того времени, гдѣ помимо архитектуры уцѣлѣли и нѣкоторые предметы боярскаго обихода. Мы отстояли всеночную.

Какъ описать то ощущеніе тишины, покоя и мира душевнаго, когда врата монастырскія заперлись и мы очутились какъ бы подъ защитой этихъ древнихъ стѣнъ отъ всего остальнаго міра съ его страстями. Какъ легко и радостно было чувствовать себя укрытой въ этомъ святомъ мѣстѣ! Я всегда уѣзжала изъ монастыря съ глубокой болью сердца, отрываясь какъ бы отъ самаго роднаго.

Иверскій монастырь былъ созданъ Патриархомъ Никономъ въ XVII столѣтїи. Никонъ еще въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ проѣзжалъ не разъ мимо Валдая по дорогѣ въ Москву. Онъ былъ плѣненъ красотой мѣстности и задумалъ построить здѣсь монастырь. Явившійся ему въ видѣніи Святитель Филиппъ благословилъ его намѣреніе. Ставъ Патриархомъ, Никонъ могъ осуше- ствить свое желаніе. За образецъ онъ принялъ Иверскую обитель на Аѳонѣ, планъ которой вмѣстѣ съ двумя копіями иконы Иверской Божіей Матери ему былъ доставленъ оттуда. Для одной изъ этихъ иконъ была построена въ Москвѣ такъ называемая Иверская часовня, а другая пребывала въ Валдайскомъ монастырѣ.

Въ 1663 году началась постройка монастырскихъ зданій подъ наблюдениемъ Патриарха и матеріальной поддержкой со стороны Царя Алексія Михайловича и вельможъ. Самъ Патриархъ освятилъ обитель и богато украсилъ икону Б. М. Иверской и приказалъ перенести изъ Бороничей мощи святаго Іакова Праведнаго.

Въ Петровскую эпоху наступилъ общій упадокъ монастырей, Иверскій былъ приписанъ къ Александро-Нѣвской Лаврѣ. Въ Екатерининскій вѣкъ тучи еще болѣе сгустились, но исключительными усиліями энергичнаго настоятеля монастыря удалось выйти изъ состоянія запустѣнія, и обитель снова стала самостоятельной.

Въ Иверскомъ монастырѣ было 5 храмовъ. Изъ нихъ главнымъ былъ Успенскій Соборъ. Въ немъ замѣчательнъ пятисрубный иконостасъ съ иконами XVII вѣка въ драгоценныхъ окладахъ. За лѣвымъ клиросомъ въ серебряной рацѣ почивали мощи свв. угодниковъ (48). Былъ кубокъ самаго Патриарха Никона. Была богатая ризница съ патриаршими пудовыми облаченіями. Помню огромный, тяжело- вѣсный кубокъ самаго Никона. При монастырѣ была библиотека.

Помимо историческихъ святыхъ, была чудотворная икона и новаго происхожденія: образъ Божіей Матери «Умудрительница», малая копія которой путешествовать со мной по блы съѣду до сихъ поръ.

Монашествующіе Иверскаго монастыря существовали по преимуществу рыбной ловлей. Ихъ было около 30-ти человекъ. Я еще застала въ живыхъ Иеромонаха Отца Лаврентія, бывшаго безмѣннымъ съ юныхъ лѣтъ келейникомъ Архимандрита Лаврентія, настоятеля Кіево-Печерской Лавры, извѣстнаго въ лѣтописяхъ подвижниковъ благочестія XIX вѣка и скончавшагося на покоѣ, управляя Иверскимъ монастыремъ. Архимандритъ Лаврентій также описанъ въ автобиографіи знаменитой Леушинской Игуменіи Таисіи. Онъ ее благословилъ на монашество и при этомъ вручилъ ей, тогда еще совсѣмъ молодой мѣрской дѣвущкѣ, свой настоятельскій посохъ.

Иеромонахъ Лаврентій, подобно своему учителю, былъ также праведнымъ и прозорливымъ. Когда онъ еще былъ въ среднихъ годахъ, съ нимъ произошло слѣдующее: въ монастырѣ умерли нетрезвые монахи. Отецъ Лаврентій безмѣрно скорбѣлъ объ ихъ погибеліи и умолялъ Господа дать ему понести за ихъ грѣхъ какое-либо страданіе, дабы облегчить ихъ загробную участь. И дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ его постигла мучительная болѣзнь: воспаление лицеваго нерва, и когда периодически болѣзнь эта обострялась, то страданія его доходили до крайняго мученичества.

«Самая страшная зубная боль, — говорилъ онъ, — ничто въ сравненіи съ этой болью». Однажды, находясь въ состояніи почти невмѣняемомъ, онъ стоялъ на обрывѣ надъ озеромъ, помышляя о самоубійствѣ. Рядомъ появился человекъ и сталъ рѣшительно поддерживать его въ этомъ намѣреніи. Отецъ Лаврентій, уже рѣшившійся было броситься въ воду, осѣнилъ себя предварительно широкимъ крестомъ — и въ это мгновеніе успѣлъ замѣтить, что стоявшій рядомъ человекъ внезапно сталъ невидимъ. Потрясенный Отецъ Лаврентій сразу опомнился и съ той поры понесъ безропотно свои нестерпимыя муки. Умершіе монахи не разъ являлись ему въ сновидѣніяхъ и изъявляли ему свою благодарность.

Внѣшній обликъ О. Лаврентія былъ необычайной свѣтлой: внутренній свѣтъ его души какъ бы

просвѣчивался сквозь оболочку его старческаго тѣла. На контрастномъ сумрачномъ фонѣ каменной кельи этотъ сияющій, любвеобильный образъ выделялся еще болѣе разительно. Жилъ О. Лаврентій въ монастырской стѣнѣ постройки XVII вѣка, гдѣ помѣщались монашескія кельи. Онъ рѣдко выходилъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ уже не выходилъ.

Отецъ Архимандритъ Іосифъ почиталъ его, какъ старца и ничего не предпринималъ безъ его благословенія. Монахи и мірекіе обращались къ нему за руководствомъ.

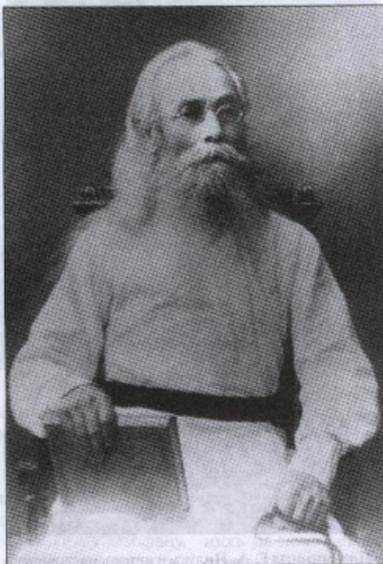
Однажды къ нему пришелъ монастырскій фельдшеръ, Отецъ Х., который былъ чѣмъ-то оби-

женъ и собирался перемѣнить обителѣ. Отецъ Лаврентій сказалъ ему коротенькую басню: «Жила жила сорока на островѣ, пока не опоганила всё кругомъ. — Давай, говоритъ, полечу искать чистое мѣсто». Басня не прошла даромъ, фельдшеръ не покинулъ Иверскаго.

Мнѣ же, совсѣмъ не зная обстоятельствъ моей жизни, Отецъ Лаврентій велѣлъ прочитатъ житіе Прп. Серапіона Египетскаго, говоря, что я тамъ найду для себя нѣкое указаніе. И въ самомъ дѣлѣ, прочтя это житіе, я поняла духовный смыслъ переживаемыхъ мною трудностей, и это сознаніе укрѣпляло меня въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Отецъ Лаврентій горячо любилъ Россію: когда началась война 1914 года, онъ пламенно молился о побѣдѣ русскаго оружія, все время интересуся ходомъ событій. Но за полгода до своей кончины Отецъ Лаврентій видѣлъ сонъ: будто читаетъ онъ священную, написанную огненными буквами книгу о конечной судьбѣ земнаго міра, читаетъ, ужасается и просыпается въ величайшемъ страхѣ, запомнивъ лишь заключительныя слова: «Но Господь не дастъ усилиться пагубѣ и ускоритъ кончину».

Послѣ этого сна О. Лаврентій оставилъ всѣ помышленія о земномъ, всѣмъ отдавшись безмолвію. Скончался, насколько я запомнила, въ концѣ 1915 года. Передъ кончиной онъ удостоился зрѣть наяву Божию Матерь, явившуюся ему въ видѣніи со Святителемъ Николаемъ.

Оптинскій Старецъ О. Варсонофій.

Еще много и долго могла бы я рассказывать и о некоторых старосвятских валдайских жителях, и о братьях святой обители, ея настоятель О. Архимандритъ Иосифъ, отличающемся простотою и скромностью, и, главное, теплой любовью ко всемъ незадачливымъ и несчастнымъ. Отецъ наместникъ вспоминается мнѣ съ метлою въ рукахъ, метущій дворъ въ часы общаго послѣобѣденнаго отдыха. Отецъ Геннадій, ризничій, опытный духовникъ, строгій монахъ и многие другіе. Вижу и сейчасъ дѣтское сіяющее лицо юродиваго Абрамыча, косматого и

лохматого. Больше добродушной физиономіи вообразить себѣ невозможно! Меня предупредили, что онъ непослушительно долженъ пощлывать каждого, въ комъ видить доброе христіанское расположение. Какъ я ни крутилась и ни увиливала, но не миновала его приветствія. Все же, кончая, хочется мнѣ еще упомянуть объ Отцѣ Веніаминѣ, молодомъ монахѣ, несшемъ послушаніе «гробового», то есть онъ былъ приставленъ къ мошамъ Праведнаго Іакова и къ чудотворной иконѣ. Онъ и его пріятель О. Никита, просфорякъ и рыболовъ; оба были корелами. Корелы сохранили свой особый языкъ и примитивную наивность. Отецъ Веніаминъ передавалъ намъ рѣчь корельскихъ крестьянокъ, молящихся передъ Иверской иконой, ихъ истиннѣ ребяческой лепетъ. Такимъ же оставался въ душѣ и самъ О. Веніаминъ; онъ производилъ впечатлѣніе необычайной чистоты. Ему явился во снѣ св. Іаковъ, жалуясь, что ему неудобно лежать. О. Веніаминъ тайно осмотрѣлъ святая моши, нашелъ торчащій гвоздь подъ головою праведнаго отрока и увидѣлъ необходимость перемѣнить пыльную вату, которая служила изголовьемъ. Вату купили мои родственники, гвоздь былъ удаленъ, больше никто объ этомъ не узналъ.

Моши переоблачались черезъ извѣстные періоды лѣтъ. Однажды мой дядя при этомъ присутствовалъ. Онъ рассказывалъ, что св. Іаковъ былъ отрокомъ лѣтъ 12-ти съ курчавенькой головкой. Моши приплыли къ городу Боровичамъ въ XV

столѣтіи на огромномъ бревнѣ. Оно частью сохранилось, я его видѣла въ соборѣ и удивлялась его толщинѣ.

Кромѣ Иверскаго монастыря, была я, но уже во второй мой весенній пріѣздъ, и въ женскомъ — Корощкомъ, находившемся вблизи того села, откуда родомъ былъ Святитель Тихонъ Задонскій. Онъ, какъ валдайскій уроженецъ, долженъ былъ носить въ сердцѣ своемъ всю святыню и красоту этой дивной мѣстности... Мы служили панихиду на могилахъ его родителей. Тутъ же близко стояла крошечная, бревенчатая церковка, гдѣ отецъ его служилъ причетникомъ. Войти туда, ввиду ея вѣхости, не дозволялось. Но двери были открыты, и можно было видѣть посреди церкви аналой, а на немъ поминаніе семьи Святителя.

Въ третій разъ мнѣ уже не пришлось быть въ Валдаѣ. Скоро подошла революція, и до меня доходили только отрывочные извѣстія о происходившемъ тамъ: Архимандритъ Иосифъ былъ сильно раненъ камнями во время крестнаго хода и положенъ въ больницу. Дальнѣйшая его судьба мнѣ неизвѣстна. Благочестивые купцы были разстрѣляны, возникъ ужасоюшій гололъ, люди умирали...

Еще разъ скажемъ: жизнь Нилусовъ въ Валдаѣ была полна общеніемъ съ единомысленными върующими людьми, пріѣзжавшими лично, писавшими интересные письма. Монастырь съ его святынями и духовно настроенными иноками, хотя и не могъ замѣнить дорогую имъ Оптину Пустынь, все же являлся великой духовной отрадой. Дивная природа и все вмѣстѣ взятое дѣлало ихъ жизнь красочной и богатой. Но вотъ кончилась «жизнь», произошла революція, и началось «жгтіе»...

3. ПОСЛѢ РЕВОЛЮЦІИ

По Промыслу Божію, въ первые же дни революціи Нилусовъ поѣхалъ Владимиръ Давидовичъ Жеваховъ, будущій Епископъ Іоасафъ, который пригласилъ ихъ переѣхать къ нему въ его полтавскую усадьбу Линовицу, Пирятинскаго уѣзда.

Племянница Е. А. Нилусъ и авторъ настоящаго жизнеописанія, Елена Юрьевна Концевичъ въ юныя годы, съ Евлокіей, будущей настоятельницей русской обители во Франціи.

Ялта, 1917 г.

Тамъ въ концѣ парка стоялъ неизвѣстно зачѣмъ имъ выстроенный небольшой двухэтажный домъ... Къ счастью, Нилусы сразу приняли это предложеніе. Они немедленно переехали на Украину. Если бы они этого не сдѣлали, они бы не уцѣли. Въ Новгородской губерніи вскорѣ начался голодъ и страшнѣйшій терроръ. Всѣ мѣстные друзья Нилусовъ погибли. Въ Полтавской же губерніи еще долгое время не было нарушено мирное положеніе: народъ продолжалъ жить въ довольствѣ, «дядьки» гостеприимно приглашали Нилусовъ отвѣдать варениковъ изъ бѣлой муки со сметаной, приговаривая: «Гуляйте, гуляйте». Конечно, вскорѣ послѣ прихода совѣтской власти всего этого не стало.

Съ каждымъ годомъ положеніе значительно ухудшалось... Однако Нилусы ни разу не дѣлали

Иверскій Богородичный Святозерскій мужской монастырь Новгородской епархіи, близъ г. Валдая, на одномъ изъ острововъ Валдайскаго озера.

попытку уѣхать изъ Россіи. Уходили нѣмцы, ушла Добровольческая армія... Если бы они и захотѣли уѣхать, у нихъ никогда не было на рукахъ достаточно денегъ, чтобы это сдѣлать. Но самое главное, они не считали возможнымъ бросить на произволь судьбу свою церковь. Здѣсь будетъ умѣсто сказать о созданиі этой церкви въ верхнемъ этажѣ занимаемаго ими дома. Въ первое же лѣто своего пребыванія въ Линовицѣ Нилусы отправились въ Полтаву къ правящему архіерею — Превосвященному Осеофану. Владыка далъ имъ свое благословеніе на устройство храма въ верхнемъ этажѣ ихъ жилища. Игуменія Софія Покровскаго монастыря въ Києвѣ (другъ ихъ по Оптиной Пустыни) приняла живѣйшее участіе въ созданіи этой церкви. Она прислала въ Линовицу группу монахинь во главѣ съ О. Димитріемъ Ивановымъ*. Монахини произвели всѣ работы, а О. Димитрій освятилъ храмъ. Алтарь былъ отдѣленъ перегородкой — широкой, обтянутой темно-синимъ атласомъ, обрамленнымъ серебрянымъ галуномъ. Образа Спасителя и Божіей Матери были въ серебряныхъ ризахъ и обрамлены тѣмъ же серебрянымъ позументомъ. Надъ ними спускались лампады. Царскихъ вратъ не было: просто отдергивалась занавѣсь.

Въ алтарѣ запрестольнымъ образомъ служилъ дивный ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ итальянскаго письма. Онъ былъ чудотворный, произведеніе неизвѣстнаго, но гениальнаго художника. Нельзя оторвать отъ него глазъ. Это былъ родовою образъ Сергѣя Александровича. Церковь посвящена Покрову Божіей Матери и вмѣстѣ съ тѣмъ Прп. Серафиму. Сюда приходили люди, имѣвшие потребность отъ души помолиться. Нилусы были чтецами и пѣвцами, къ нимъ присоединялись любители гнѣна, образуя хоръ.

Конечно, народъ приходилъ въ эту церковь нерегулярно, за исключеніемъ нѣсколькихъ постоянныхъ прихожанъ, но все же люди къ ней тянулись, черная духовное угтѣшеніе. Въ тяжелое время приходившіе молиться приносили продукты.

Одно время настоятелемъ былъ Архимандритъ Іоасафъ, который поселился со своимъ келейникомъ-иеромонахомъ въ кельяхъ при церкви. Отецъ Іоасафъ былъ исполненъ невыразимою небесной кротостью и святостью. До этого онъ жилъ въ Густынскомъ монастырѣ, гдѣ въ свое время подвизался Святитель Іоасафъ Бѣлгородскій. Странно даже это

выговорить, но духъ революціи коснулся густынскихъ монаховъ, и они выгнали вонъ жившаго у нихъ на покой своего бывшаго настоятеля, святаго старца. Нилусы приняли его къ себѣ съ величайшей радостью, и онъ прожилъ у нихъ до самой своей чудной, праведной кончины. За нѣсколько дней до своей смерти О. Іоасафъ, подобно Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой и Еленѣ Андрѣевнѣ Вороновой, удостоился видѣнія Пресвятой Троицы. А до этого видѣнія и послѣ него онъ видѣлъ Ангеловъ. Святой старецъ, если и служилъ, то очень рѣдко, службы совершалъ его келейникъ.

Въ письмѣ отъ 13-го Августа 1922 года Нилусы пишутъ въ отвѣтъ друзьямъ-эмигрантамъ, мечтавшимъ помочь ему уѣхать за границу, что воспользоваться ихъ совѣтами врядъ ли придется, пока стоитъ наша церковь, къ которой Господь и Царица Небесная поставили насъ хранителями, блюстителями, чтецами, пѣвцами и пономарями. Измѣнить нашему назначенію никоимъ образомъ не можемъ и

*См.: Прот. Михайль Польскій. *Новые мученики Россійскіе*. Джорданвилль, 1957. Т. 2 С. 169-170.

должны стоять на Божественной страждѣ до тѣхъ поръ, пока Самъ Господь ясно не укажетъ, что наша миссія закончена, или до нашей смерти...

Елена Александровна въ сѣдующемъ письмѣ отъ 28-го Декабря того же 1922 года пишетъ о томъ же: «...Проведя здѣсь праздники [Рождества] Христова], поняли, что такъ и нало было. Такъ было много-много народу, такъ много причастниковъ, такіе хорошіе, добрые люди, столько имъ было утѣшенія отъ нашей церкви, что, навѣрно, было бы плохо, если бы мы теперъ бросили... О выселеніи ихъ изъ Линовицкой усадьбы и спасеніи отъ разстрѣла рассказано въ текстѣ второй части «На берегу Божьей рѣки».

Въ брошюрѣ, посвященной памяти Нилуса, подъ заглавіемъ «Пламенная любовь», изданной въ Нью-Йоркѣ въ 1937 году, помѣщенъ отзывъ о Нилусѣ лица, побывавшаго у него въ то время, когда онъ жилъ въ Линовицѣ:

«Въ домѣ у нихъ, — пишетъ онъ, — царилъ прямо благодать Божія, это чувствовалось при входѣ въ домъ. Тамъ всегда царствовала радость, никто не ссорился. А у С. А. Нилуса былъ даръ пламенной любви ко всѣмъ и къ каждому. При мнѣ былъ случай, когда явился какой-то большевицкій комиссаръ съ начальнымъ видомъ осматривать домъ. Конечно, шапки не снялъ и имѣлъ видъ очень грубой. С. А. повелъ его по всѣму дому и завелъ въ церковь, которая помѣщалась наверху. Долго они оттуда не выходили. Супруга С. А. рѣшила заглянуть туда и увидѣла, что большевикъ плачетъ въ объятіяхъ ея мужа... И у самого С. А. слезы текуть... Видно, онъ сумѣлъ найти и сказать большевику нѣсколько такихъ словъ, отъ которыхъ растопилось его сердце...»

Жизнь на Украинѣ въ тѣ годы была сопряжена со всевозможными лишеніями и исполнена страха и ужаса... «О, эта вѣра наша! Если бы не она — давно бы насъ и на свѣтъ не было!» — восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Сергій Александровичъ. За письмо, посланное за границу, Нилусу заплатили милліонъ рублей и боятся, что преврется переписки*. Кто съ легкимъ сердцемъ расчитываетъ и отдѣляетъ сроки не на года, а на мѣсяціи, тотъ не понимаетъ истиннаго положенія дѣлъ, при которомъ, по выраженію Петра I, «всякое промедленіе смерти подобно»... Мѣшокъ, и при томъ наглухо завязанный — вотъ положеніе, въ которомъ мы живемъ. Но Сергій Александровичъ поддерживаетъ память о пророчествѣ Прп. Серафима о его воскресеніи изъ мертвыхъ передъ концомъ міра. Слѣдовательно, наступитъ еще мирныя времена... адскій кошмаръ невѣнченъ... Его миссія — довершить дѣло Мотовилова, «служки Преподобнаго Серафима». Неда-

ромъ же, — пишетъ онъ, — при первой со мною встрѣчѣ воскликнула Елена Ивановна Мотовилова: «Да, это мой Мотовиловъ воскресъ!» Неспроста то же мнѣ сказалъ и нашъ почившій Старецъ, О. Варсонофій, то же почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и вдова «служки Божьей Матери и Серафимова». Какъ извѣстно, Сергій Александровичъ опубликовалъ безъду Прп. Серафима съ Мотовиловымъ о цѣли Христіанской жизни, которая была предназначена Преподобнымъ не для одного Мотовилова, но для распространенія по всѣму міру. Не меньшее значеніе имѣетъ пророчество Преподобнаго о его воскресеніи передъ концомъ міра для всемірной проповѣди*. Въ письмѣ отъ 22-го Іюля того же 1922 года [С. А.] пишетъ по тому же поводу: «Писалъ ли я вамъ про массовое обновленіе старыхъ иконъ, чему мы были сами многократно благоговѣнно-изумленными свидѣтелями. Весь прошлый годъ прошелъ у насъ на Украинѣ въ этомъ сплошномъ чудѣ. Обновлялись цѣлыя церкви, кресты и купола, позолоченныя на храмахъ и колокольняхъ. Въ Ростовѣ-на-Дону такимъ образомъ обновился соборъ и много церквей. У насъ по деревнямъ и хуторамъ не было почти дома, гдѣ бы не совершилось подобное чудо, гдѣ, по крайней мѣрѣ, о немъ бы не говорили. Встали въ тупикъ передъ нимъ даже самыя ярые гонители Христовой Церкви. На мой разумъ и пониманіе, это — знаменіе, предвѣщающее близость Воскресенія новаго Лазаря въ лицѣ Преподобнаго; новаго Торжественнаго Входа въ Іерусалимъ — яркаго торжества Православной вѣры и Преображенія Тѣла Христа — Вселенной Ея Церкви, близость соединенія Которой въ единую Православную, хотя бы и въ маломъ Филадельфійскомъ стадѣ, я давно предчувствую; и только уже за тѣмъ — конечнаго преданія Ея, Ея смерти и всеобщаго Ея Воскресенія для Страшнаго Суда и вѣчной блаженной жизни подъ новымъ небомъ и на новой землѣ, идеже будетъ обитать одна правда...»

Издавая записки С. А. Нилуса, мы не считаемъ себя вправѣ скрыть отъ читателя эту такъ называемую «Дивьескую тайну», хотя она можетъ показаться многимъ какъ что-то фантастическое, слѣдовательно, соблазнительное. Воскресеніе Преподобнаго должно произойти къ концу времени,

*«Великая Дивьеская тайна» (удивительные пророчества о будущемъ Россіи и послѣднихъ судьбахъ міра, о воскресеніи и «переходѣ» Прп. Серафима изъ Сарова въ Дивьево для всемірной проповѣди поканіи и др.) — была опубликована трудами Елены Юрьевны Концевичъ и Братства Прп. Германа Алякинскаго въ посмертномъ изданіи книги Нилуса «На берегу Божьей рѣки. Часть 2» лишь въ 1969, когда нѣкоторые изъ предсказаній начали осуществляться. Публикація «Великой Дивьеской тайны» при жизни Сергія Нилуса была невозможна по причинѣ неодобренія Синодомъ.

*Въ сѣдующемъ году письмо стоило 20 милліоновъ.

когда обфтовано явленіе для проповѣди пророковъ Иліи и Еноха въ Святой Земль. Должно ли намъ сомнѣваться въ возможности величайшихъ чудесъ, которые должны предварить конецъ жизни на Земль? Дивѣвская тайна записана рукой Мотовилова со словъ Преподобнаго Серафима.

Въ письмѣ отъ 28-го Декабря того же 1922 года Сергій Александровичъ пишетъ:

«30-го Юля въ Оптиной скончался близкій намъ Старецъ О. Анатолій (Потаповъ). Совершенно чудеснымъ образомъ мы о смерти его получили извѣщеніе

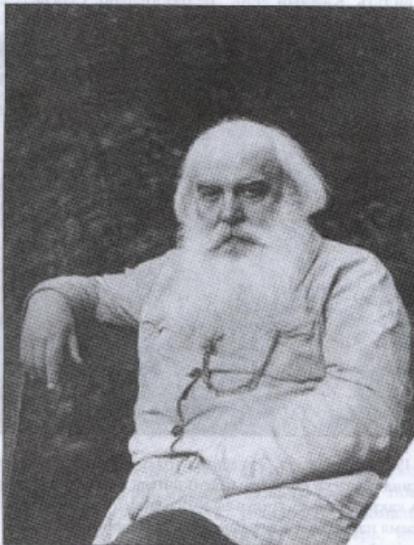
письмомъ часа два спустя послѣ того, какъ онъ душу свою предалъ Богу, и потому имѣли возможность вслѣдъ помянуть его за Литургіей въ самый день его кончины. Вышло это по ошибкѣ корреспондента, получившаго преждевременное извѣщеніе, когда Старецъ былъ еще живъ».

Передъ нами письма за 1923 годъ: это былъ годъ, когда Нилусовъ выселили изъ Линовицы и только чудомъ не разстрѣляли. Они перѣехали на Өоминой недѣль въ апрѣль мѣсяцѣ въ городокъ Пирятинъ. «Что сказать о нашемъ житіи? — пишетъ С. А., — Богомъ видимо и ошутимо не оставлены: живется пока тепло и есть кое-какое продовольствіе, неплохо, скорѣе хорошо, и до сихъ поръ покойнѣе въ смыслѣ пріятныхъ визитовъ, чѣмъ было на старомъ пепелищѣ, но душа стремится вонъ туда, гдѣ можно еще работать на привычномъ трудѣ во славу Божію».

16-го Февраля 1924 г. Нилусъ пишетъ Е. Н. Яблонской: «Ты получила письмо съ изображеніемъ нашего домика, въ которомъ мы, трое стариковъ, живемъ великимъ чудомъ милости Божіей. Намъ давно надо было умереть подъ заборомъ отъ голода и отъ холода, а мы живемъ, и даже благодарствуемъ, если только можно назвать благодарственіемъ жизнь въ условіяхъ, тебѣ хорошо извѣстныхъ, быть можетъ... Съ перѣездомъ сюда мы лишились нашей церкви, но и здѣсь, благодаря отношеніямъ дружбы

съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ, мы читаемъ и поемъ на клиросѣ, какъ и въ своемъ маленькомъ храмѣ. Завелись и здѣсь добрые друзья, которые намъ помогаютъ жить сочувствіемъ своимъ и любовью». Елена Александровна приписываетъ: «...18 лѣтъ прошло съ нашей свадьбы, а мы живемъ всё такъ же, и онъ у меня всё такой же хороший, какимъ ты его знала. Недаромъ дорогой батюшка Иоаннъ Кронштадтскій, хлопая меня по плечу, повторялъ: «Спасибо тебѣ, что ты за него вышла, хорошо ты сдѣлала, онъ будетъ тебѣ утѣшать до конца

жизни». Мирная жизнь въ Пирятинѣ окончилась въ августѣ 1924 года. Въ письмѣ отъ 25-го Августа Елена Александровна пишетъ своей сестрѣ, М. А. Гончаровой: «Мужа арестовали недѣлю тому назадъ. Никакого повода, ни въ чемъ не замѣшанъ. Вдругъ пріѣхали изъ Прилукъ и увезли. Я поѣхала тоже и съ вокзала шла съ нимъ. Съ тѣхъ поръ онъ сидитъ, и даже допрашивать не было, и не говорятъ за что... Я его вижу почти каждый день. Говорятъ, что его отправятъ въ Кіевъ. Тогда я поѣду. Продала всё, чтобы набрать денегъ. Всѣ надѣмся, что Господь и Царица Небесная и сь, угодуники спасутъ и его выпустятъ. Онъ, какъ всегда, спокоенъ, благодушенъ. Говорить, что съ нимъ удивительно хорошо всё обходится. И я сама это видѣла при свиданіяхъ. Помощникъ начальника взялъ его въ свою палату и отдалъ свою кровать и подушку. Муж нашель тамъ и духъ линовицкихъ знакомыхъ и увѣряетъ, что всё ангелы слѣдятъ. Одно — разлука со мной его очень огорчаетъ. Мы вѣдь ни разу никогда не разставались. Я ѣздила домой, всё уложила, устроила нашу бѣдную старушку къ милому Костѣ въ Лутайку. Какъ ей, бѣдной, трудно и тяжело! Не могла се къ дочери въ С.-Петербургѣ отправить: слишкомъ дорого, и дочь тамъ бѣствуетъ... Ему много присылаютъ всего, даже незнакомые люди, а уже друзья заваливаютъ меня всѣмъ, такъ что онъ дѣлится съ другими. Противъ тюрьмы — подворье мужскаго монастыря. Живутъ 4 іеромонаха, трое намъ близки,

Сергій Александровичъ Нилусъ. Съ перваго взгляда видно, что передъ нами портретъ мудреца, одареннаго богатствомъ духа. Спокойный пронизательный взглядъ, благородный жестъ лежащей на спинкѣ скамейки руки... Черниговъ. Май 1927г.

и при них старая монашка — тоже знакомая. Она власяца всё доставлять, когда я не могу, къ ней всё и носить. Я там ночевала сегодня, была у всенощной и обѣдинъ съ акавистомъ Скорбяшей Божіей Матери. Я и часы читала. Они очень добрые и очень сердечно относятся, молятся на ектяняхъ за Сергія заключеннаго. Я ночую то здѣсь, то тамъ: то на подворьѣ женскаго монастыря, но тамъ очень тѣсно: вездѣ отобрано помѣщеніе».

17-го Сентября 1924 года Елена Александровна пишетъ изъ Кіева: «Сергія» перевезли сюда, гдѣ всё строже, и я еще не могла его видѣть. Каждый день пишу ему что-нибудь поѣсть, могу дать коротенькую записку и получаю отвѣтъ, что онъ получилъ всё, здоровъ, плѣдуетъ. Это очень утѣшаетъ — видѣть почеркъ. Я подала заявленіе прокурору, прося освобожденія по его возрасту, болѣзни сердца, хорошихъ отзывовъ мѣстной сельской власти, открытой жизни семь съ половиною лѣтъ подъ своимъ именемъ. Въ среду получу отвѣтъ... Бѣхала я съ нимъ вмѣстѣ и въ Гребенкѣ сидѣла съ нимъ отъ 4-хъ часовъ въ субботу до 8-ми утра въ воскресенье. Это была великая милость Божія».

Сидѣнь въ Кіевской тюрьмѣ продолжалось 5 мѣсяцевъ: съ половины сентября

1924 года до половины февраля 1925 года. Елена Александровна пишетъ: «Болѣзнъ, оказывается, была гораздо опаснѣе и тяжелѣе, чѣмъ я думала, и только терпѣнье и незлобіе, въ концѣ концовъ, побѣдили ее, а терпѣть пришлось очень много. Теперь зато живемъ, какъ въ раю, — именно такая жизнь, какъ мы любимъ. У насъ комнатка хорошая, теплая — даромъ! Церковь — только небольшой дворикъ перейти,

службы каждый день, чудныя, съ двумя хорами, два священника, одинъ лучше другого. Питаемся то у нихъ, то у друзей, которые насъ всячески балуютъ, и все такъ полюбилъ мужа, что ты бы ликовала. (Нилусы, какъ выяснилось, жили въ женскомъ монастырѣ). Здѣсь всё по-старому, — продолжаетъ Елена Александровна, — и ты понимаешь, какъ мы блаженствуемъ! Любость намъ всячески оказываютъ и ташатъ намъ такъ много, что нѣкуда дѣвать... И какъ примѣръ: у всенощной проходить одна мимо меня, суетъ пакетъ и удаляется такъ скоро, что и лица ея я не разглядѣла. Развѣ не трогательно? Сергія Александровичъ присылаетъ: «Голова ходить крутомъ отъ пережитыхъ и переживаемыхъ впечатлѣній. Сейчас я съ этой головой и всѣмъ своимъ сердцемъ погрузился въ общеніе съ людьми одного съ нами духа, чего быть лишешъ почти всё время со дня отъѣзда изъ Оптиной, за немногими, конечно, исключениями, которые все-таки были. Не хватаетъ дня, чтобы полностью и достойно использовать эту радость, тѣмъ болѣе что теперь Великой Посты, и много времени уделяется церковнымъ службамъ».

Здѣсь надо упомянуть о томъ, что было въ это время съ Н. А. Володимиrowой: нѣкто Костя общалъ

21-го Мая 1927 г. Черниговъ. Это день святыхъ равноапостольныхъ Царя Константина и матери его Елены. День ангела Елены Александровны. Чтобы хоть какъ-нибудь смягчить своимъ гостямъ скорби, перенесенныя ими во время пасхальныхъ праздниковъ, гостеприимные и заботливые Комаровскіе рѣшили устроить для стариковъ скромный праздникъ. На снимкѣ: сидятъ впереди Ольга Митрофановна, во второмъ ряду сидятъ справа нѣтъ: Сергія Александровичъ Нилусъ, Елена Александровна Нилусъ, Наталья Аванасьевна Володимиrowа, стоятъ сзади Митрофанъ Николаевичъ Комаровскій. Остальные снимались неизвѣстныя.

Принаряженные, всё только что вернулись изъ «Троицы». Тамъ отстояли литургію. Нилусы, конечно же, причастились. Фотографія очень удачная, праздникъ чувствуется во всемъ: и въ яркихъ лучахъ майскаго солнца, пробивающихся сквозь листву деревьевъ, и въ усыпанныхъ цвѣтами кустахъ шиповника, и въ просвѣтленныхъ липахъ собравшихся.

Еленѣ Александровнѣ взять ее къ себѣ въ деревню, но не взялъ. Несчастная старуха оказалась покинутой и безъ средствъ къ существованію, она была совершенно безпомощной, не умѣя даже плѣчь растопить и готовить пищу. Елена Александровна была вынуждена взять ее въ Кіевъ и, въ концѣ концовъ, по общему совѣту, рѣшила ее отправить съ прожатой къ дочери въ Ленинградъ. Характерное письмо этой

дочери къ Сергѣю Сергѣевичу Нилусу, ея подбрату, который находился въ Польшѣ:

«Еленище, — такъ она оскорбительно называетъ добрейшую Елену Александровну, — исполнила, наконецъ, свою месть... послать маму теперь къ намъ я считаю подлостью!» У этой дочери, женщины работоспособной, работали мужъ и сынъ. Зять объявилъ, что тещу выгонитъ на улицу и на деньги, присланные родственниками Елены Александровны изъ-за границы, пришлось старуху вернуть обратно въ Киевъ.

21-го Сентября 1925 года Нилусу еще находившись въ Киевѣ и сообщили о томъ, что имъ пришлось выписать обратно Наталію Аванасевну, такъ какъ ее зять грозилъ «принять самыя грубыя мѣры». Вскорѣ послѣ этого письма произошелъ второй арестъ Сергѣя Александровича и отправка его въ Москву. Въ письмѣ изъ Москвы 21-го Октября Елена Александровна пишетъ: «Я нашла здѣсь сразу, въ какое учебное

21-го Мая 1927 г. Черниговъ. Всѣ уже за столомъ на верандѣ.

заведеніе перевели моего мальчика, и теперь уже могла ему передать бѣлье и гостинцы, но приема еще нѣтъ: это такъ всегда бываетъ сначала. Насчетъ экзамена еще неизвѣстно ничего. Хожу къ учебному начальству, чтобы все узнать, пока еще бесплодно». 19-го Ноября Елена Александровна встрѣтила Владимира Карловича Саблера и была рада его видѣть. Только въ письмѣ отъ 26-го Февраля 1926 года Елена Александровна, наконецъ, сообщаетъ объ освобожденіи мужа.

Относительно пребывания Нилуса въ тюрьмѣ на Лубянкѣ до насъ дошли свѣденія, во-первыхъ, отъ одной американки, которая ѣздила въ СССР и вернулась сама на себя не похожая отъ страха и всего виданного тамъ. Во-вторыхъ, отъ прѣхавшихъ послѣ войны ДИ ПИ. Пребываніе Сергѣя Александровича въ тюрьмѣ было очень тяжелымъ. Его сажали въ чуланъ, гдѣ нѣбось было дышать, и онъ въ видѣ протеста отказывался отъ пищи. Власти по своимъ особымъ соображеніямъ не желали его разстрѣлять, желая, чтобы онъ умеръ естественной смертью. Подъ конецъ постановили его выпустить. Елена Алек-

сандровна до глубокой ночи стояла на дворе съ шубой, но не дождалась. Только посреди ночи ему разрешили уйти. Сергѣй Александровичъ потребовалъ письменное разрѣшеніе. Ему выдали такое и выпустили на улицу. Но, какъ извѣстно, на крышѣ стояли пулеметы, и его бы убили, если бы онъ пошелъ вдоль тюремныхъ стѣнъ. Въ это время ѣхалъ мимо извозчикъ. «Братецъ, — крикнуть ему Нилусу, — проведи меня черезъ пару кварталовъ. Меня выпустили изъ тюрьмы, денегъ у меня нѣтъ». Извозчикъ его посадилъ и бесплатно довезъ туда, гдѣ жила Елена Александровна. Ыхавшій безъ шубы С. А. не простудился.

Вначалѣ Е. А. писала изъ Москвы, что имъ не разрѣшаютъ уѣхать. Жить имъ приходилось въ разныхъ мѣстахъ врозь, пользуясь для сообщенія трамваями. Подъ конецъ имъ удалось поселиться вмѣстѣ, но жили они у кого-то въ столовой, гдѣ постоянно сидѣли хозяйскіе и ихъ собственные гости. Лѣстница тамъ была безъ

перилъ и такая скользкая, что Сергѣй Александровичъ упалъ и повредилъ руку. Сама Елена Александровна поломала руку, когда ѣздила въ Дмитровъ къ своей сестрѣ, игуменіи Софїи. Всѣ это изъ-за гололедницы. Наконецъ, въ письмѣ отъ 6-го Апрѣля 1926 года Елена Александровна пишетъ: «Намъ приходится сегодня уѣзжать. Доктора позволили дѣвочкѣ уѣхать куда угодно, но не оставаться здѣсь. Выбрали г. Кролевецъ, Черниговской губ., куда насъ зовутъ очень хороший другъ протоіерей Отецъ И. В. Здѣсь, въ Москвѣ, оставляемъ много друзей, чудныхъ людей, которые болѣной дѣвочкѣ очень сочувствовали, пока она болѣла и также, когда она, слава Богу, поправилась».

Прѣхавъ въ Кролевецъ, Нилусу узнали, что имъ нужно зайти въ НКВД въ Черниговѣ. По дорогѣ туда они застряли на 16 часовъ въ Нѣжинѣ. Тамъ пошли въ церковь и мѣстный протоіерей — настоятель храма, пригласилъ ихъ къ себѣ въ домъ и далъ имъ письмо къ своимъ дѣтямъ въ Черниговѣ. Эти дѣти оказались милѣйшими людьми и приняли ихъ, какъ близкихъ родныхъ. Оказалось, что ихъ

братъ, молодой священникъ, давно, еще въ Кіевѣ, приглашалъ Нилусовъ жить къ себѣ, но они потеряли его адресъ. Онъ жилъ тутъ же, въ 12-ти верстахъ.

Когда Нилусы были въ Нѣжинѣ, они познакомились съ тремя пожилыми сестрами, которыя звали ихъ къ себѣ жить. Эти сестры такъ имъ понравились, что Нилусы стали колебаться между Нѣжинимъ и Черниговимъ. Но остановились на последнемъ изъ-за того, что Черниговъ стоитъ высоко, и тамъ хороший воздухъ. А самое главное — тамъ находился Троицкій монастырь съ его чудными службами. Приѣхавъ въ Черниговъ, они пошли утромъ къ обѣднѣ и тамъ встрѣтили одну барышню, которая тоже въ прежнее время звала ихъ къ себѣ жить. Ее звали Оля, ей 34 года, съ ней былъ отецъ 82-

хъ лѣтъ. Оля возобновила приглашеніе, и Нилусы съ радостью у нее поселились. Пишетъ Елена Александровна: «Когда я впервые ее увидѣла, я подумала — вотъ милочка! Такъ оно и оказалось». Оля поселила Нилусовъ въ хорошей, обставленной мебелью комнатѣ... «Страстную, — продолжаетъ Елена Александровна, — почти всю провели въ церкви, наслаждаясь монастырской службой, хотя и очень длинной, но неутомительной. Церковь эта одна осталась православной, и потому въ ней соединяются всѣ вѣрующіе. И большое единеніе, и любовь между ними. Нѣкоторые уже и насъ приняли въ эту любовь, и на Святой мы были то у однихъ, то у другихъ, и познакомились съ очень хорошими семьями, которые и дѣтей своихъ воспитываютъ въ истинѣ и правдѣ... Хорошаго архимандрита арестовали передъ Страстной. Мы успѣли его еще видать. Скорбь эта была для всѣхъ».

Елена Александровна восхищается красотой ихъ новаго мѣстопребыванія: «Домъ нашъ на горѣ, а у подножія — разливъ рѣки Десны, такъ что представляется, какъ озеро съ островомъ посерединѣ, съ домиками, не покинутыми еще, такъ какъ сѣются вечеромъ огоньки. За озеромъ хвойный лѣсъ. Фруктовые деревья теперь въ цвѣту и вода начинаетъ сбывать. При лунномъ свѣтѣ и при закатѣ солнца видъ восхитительный».

Жизнь Нилусовъ въ Черниговѣ продолжалась около двухъ лѣтъ. Елена Александровна пишетъ отъ 16-го Марта 1927 года Е. Н. Яблонской: «Ты, вѣрно, знаешь про насъ, что намъ Господь даеть спокойную и очень тихую и мирную жизнь съ очень милыми, добрыми друзьями, съ которыми живемъ душа въ душу. Наша хозяйка Оля и ея подруга Ксенія окружаютъ насъ такой любовью, что стали намъ, какъ родныя дочки». То же самое пишетъ ей же и Сергій Александровичъ въ письмѣ отъ 24-го Февраля 1928 года: «О томъ, какъ и съ кѣмъ мы живемъ, ты уже знаешь по прежнимъ письмамъ. Приотинившая насъ Оля — Ангелъ Божій и намъ какъ родная дочка. Ухоть за нами, стариками, идеальный, преисполненный любви и нѣжности. Ну, а на какіе средства

живемъ и даже прилично живемъ, тоже «пока». Что будетъ съ нами, не думаемъ: сами себѣ, другъ друга и весь животъ Христу Богу предадимъ».

Увы, въ промежутокъ между этими двумя письмами эта ихъ мирная жизнь оказалась нарушенной. Въ открыткѣ отъ 9-го Мая 1927 года со штемпелемъ «Кіевъ», адресованной той же Е. Н. Яблонской, Елена Александровна пишетъ: «Сержи (С. А. Н.) не было дома, когда пришло твое письмо, — мы опять пережили тяжелое время разлуки, на этотъ разъ всего три съ половиной недѣли, и съ 6-го Мая онъ дома. Однако на его здоровье это путешествие плохо отразилось, и сердце неважно: одышка, отеки ногъ. Поэтому докторъ положилъ его на недѣлю въ постель, на молочную діету, которую онъ началъ сегодня. Дай Богъ, чтобы помогло».

Въ письмѣ отъ 14-го Мая 1928 года Елена Александровна пишетъ снова Яблонской: «Пишу тебѣ уже изъ новаго нашего мѣстопребыванія. Изъ Чернигова насъ попросили удалиться, къ счастью, съ возможностью выбрать самимъ — куда, за исключеніемъ Украины. Мы воспользовались давнишнимъ предложеніемъ одного заочнаго московскаго друга поселиться у его зятя, священника, въ трехъ съ половиной часахъ отъ Москвы и въ трехъ верстахъ отъ гор[ода] Александра, Влад[имірскаго] губ. въ селѣ Крутець. Это историческая Александрова Слобода, куда удалялся Іоаннъ Грозный. Здѣсь люди очень

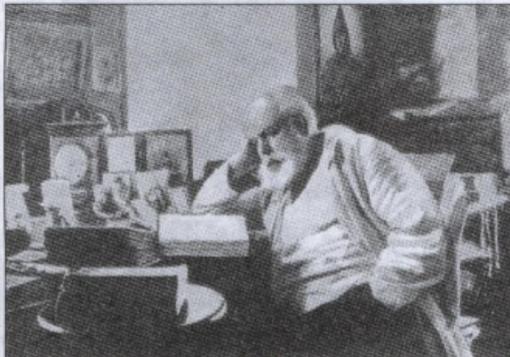
Черезъ С. А. Нилуса и его супругу Елену Александровну черниговское духовенство поддерживало связи съ единомышленнымъ духовенствомъ г. Кіева: Прот. Димитріемъ Ивановымъ († 4 Марта 1937 г.), Игуменіей Свято-Покровскаго монастыря М. Софіей (Гриневой) и другими. На снимкѣ Прот. Димитрій Ивановъ, С. А. Нилусъ и катакомбная монахиня.

хорошіе, мѣстность восхитительная, пригорки, поля, луга. Церковь рядомъ, священникъ правильный. Московскіе доброжелатели взяли на себя всё о насъ попечение, и мы живемъ безъ всякаго безпокойства за завтрашній день. Но всё же, по многимъ причинамъ намъ тяжело было покидать Черниговъ, гдѣ такъ хорошо намъ жилось. Наталія Аванасьевну пришлось оставить тамъ. Оля ее очень полюбила, и Наташа ее также, такъ что мы на ее счетъ покойны, но все же жалко жить врозь. Оля была сначала съ нами здѣсь, помогала намъ во всемъ, а теперь она уже вернулась домой. Мужъ послѣднее время въ Черниговѣ себя чувствовалъ очень плохо, и здѣсь еще тоже не можемъ очень похвалиться, хотя онъ все-таки лучше ходитъ, довольно большіе совершаетъ прогулки. Начали принимать йодъ, и я надѣюсь, что съ помощью Божіей на такомъ чистомъ воздухѣ онъ поправится.

Увы! Поправиться Сергію Александровичу уже не пришлось. Лѣто 1928 года было послѣднимъ лѣтомъ въ его жизни. Ему оставалось жить всего нѣсколько мѣсяцевъ. Въ письмѣ отъ 29-го Іюня 1928 года онъ пишетъ Е. Н. Яблонской: «Вотъ уже третій мѣсяць пошелъ, что мы опять на новомъ мѣстѣ. Такова о насъ, видно, воля Божія — не засиживаться подолгу на одномъ мѣстѣ, чтобы успѣть побольше «обойти городовъ Израилевыхъ» (Мф. 10, 23) въ ожиданіи близкаго пришествія Сына Человѣческаго. Ты живешь своей тихой, трудолюбивой семейной жизнью, въ обстановкѣ, настолько похожей на прежнюю привычную, что врядъ ли въ голову твою и въ сердцѣ входятъ мысли и предчувствія, подобныя тѣмъ, что волнуютъ наши души. Все пережитое еще переживается нами, особенно нами двоими, и потому «наши ушки» невольно на «макушкѣ» — слышатъ, если не какъ трава растетъ, то всё же больше того, что слышно ушамъ огромного большинства «однодневекъ», «эфмеридъ», живущихъ днемъ и о грядущемъ не помышляющихъ. А между тѣмъ грядущее не сулитъ ничего добраго: чего стоитъ разруха церковная и у насъ, и въ нашей Зарубежной Церкви? У насъ расколъ между Антоніемъ и Евлогіемъ... у насъ Сергій, Михайлы проч. Бѣдной православной душѣ нѣгдѣ и главы под-

клонити... Зная положеніе Вл[адимира] Ѳ[еофана] Полтавскаго, какъ мнѣ о томъ писали, я огорченъ до глубины души. Никто себѣ и въ усъ не дуетъ! Что же Митрополитъ Ан[тоній] и М[итрополитъ] Ев[логій]? Признаюсь тебѣ: очень меня это смущаетъ и заставляетъ подозрѣвать, что не всё на духовныхъ высотахъ у васъ тамъ благополучно».

Сергій Александровичъ и Елена Александровна глубоко почитали Вл. Ѳеофана какъ подвижника «не отъ міра сего», великаго аскета, молитвенника и при томъ ученѣйшаго архіерея во всей Православной Церкви, исключительнаго знатока святоотеческой литературы. Нилусъ наблюдалъ необычайную отзывчивость вѣрующихъ, жившихъ въ совѣтскомъ аду, къ своимъ духовнымъ пастырямъ и другъ ко другу и почувствовалъ, что у насъ въ эмиграціи нѣтъ и тѣни той святой жертвенности, какая царила «тамъ». Но Сергій Александровичъ не зналъ даже того, что въ Парижѣ открыта была Духовная Академія, и что ея ректоромъ не былъ назначенъ бывшій ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи, знаменитый богословъ, Архіепископъ Ѳеофанъ, а вмѣсто него былъ назначенъ бывшій марксистъ и

Сергій Александровичъ Нилусъ въ кабинетѣ дома въ Линовицѣ.

профессору экономики, протоіерей С. Н. Булгаковъ, правда, исключительно талантливыи человекъ, но игнорированныи аскетикою и свв. отцовъ, коими онъ вовсе не интересовался, отбрасывая ихъ ученіе въ сторону и предлагая свои домыслы замѣнить. Намъ рассказывать нѣтъ покойнии И. М. Концевичъ, возвращавшии въ Парижъ съ какого-то сѣзда вмѣстѣ съ О. Булгаковомъ, что послѣдний обратился къ нему, въ то время студенту Сорбонны, съ просьбой рассказать ему о Прп. Серафимѣ Саровскомъ, о которомъ О. Сергій имѣлъ самое туманное представленіе. «Запомнился мнѣ острый взглядъ О. Сергія, — говорилъ намъ И. М. Концевичъ, — его умная глаза одареннаго человекъ, казалось, пронзали въ насъ. Но благостнаго въ этомъ взорѣ не было ничего, ни даже простой приветливости. Онъ очень любилъ своихъ друзей и многочисленныхъ поклонниковъ, но къ остальнымъ былъ равнодушенъ. Во время богослуженій фигура его поражала: часто фелонъ свисала набокъ, а богатая шевелюра была всклокочена».

профессору экономики, протоіерей С. Н. Булгаковъ, правда, исключительно талантливыи человекъ, но игнорированныи аскетикою и свв. отцовъ, коими онъ вовсе не интересовался, отбрасывая ихъ ученіе въ сторону и предлагая свои домыслы замѣнить. Намъ рассказывать нѣтъ покойнии И. М. Концевичъ, возвращавшии въ Парижъ съ какого-то сѣзда вмѣстѣ съ О. Булгаковомъ, что послѣдний обратился къ нему, въ то время студенту Сорбонны, съ просьбой рассказать ему о Прп. Серафимѣ Саровскомъ, о которомъ О. Сергій имѣлъ самое туманное представленіе. «Запомнился мнѣ острый взглядъ О. Сергія, — говорилъ намъ И. М. Концевичъ, — его умная глаза одареннаго человекъ, казалось, пронзали въ насъ. Но благостнаго въ этомъ взорѣ не было ничего, ни даже простой приветливости. Онъ очень любилъ своихъ друзей и многочисленныхъ поклонниковъ, но къ остальнымъ былъ равнодушенъ. Во время богослуженій фигура его поражала: часто фелонъ свисала набокъ, а богатая шевелюра была всклокочена».

4. КОНЧИНА С. А. НИЛУСА

1928 годъ былъ послѣднимъ годомъ въ жизни Сергѣя Александровича. Онъ скончался 1-го Января вечеромъ на порогѣ начинающагося 1929 года.

Елена Александровна пишетъ племянницѣ въ Парижъ: «Дорогой мой вчера вечеромъ скончался. Подумай! — когда во многихъ мѣстахъ служили всеобщую батюшкѣ Серафиму! Все такъ скоро случилось: были у обѣды, потомъ завтракали. Передъ обѣдомъ стало нехорошо. Два припадка прошли благополучно. Онъ сидѣлъ и разговаривалъ съ нашими хозяевами, поигралъ съ маленькимъ внукомъ, т. е. говорилъ и смѣялся. Опять припадокъ, и послѣ трехъ сильныхъ вздоховъ — все было кончено. Лицо чудное. Всю ночь провела съ нимъ. Одна читала псалтирь, всѣхъ просила лечь. Я спокойна, я знаю, какъ ему хорошо. Онъ былъ очень готовъ. Каждый день говорилъ про смерть. Благодаря Бога, что умеръ на моихъ рукахъ. Часто бывали обмороки, и я боялась, что его принесутъ.

Теперь онъ еще въ нашей комнатѣ, а къ вечеру понесемъ его въ церковь и въ четвергъ похоронимъ его на мѣстѣ, которое самъ выбралъ».

Письмо отъ 23-го Февраля 1929 года: «Ты знаешь, какъ вся радость жизни теперь ушла, какъ стало одиноко и пусто. А все-таки я благодарю Бога за всё, и за прошлое, разумеется, и за его чудную кончину... Онъ явился во снѣ одному умирающему іеродіакону и много говорилъ ему о благодати Божией и о томъ, какъ легко умирать: никакого страданія, душа легко разлучается съ тѣломъ. Этотъ бѣдный очень боялся смерти, и всякая боязнь прошла послѣ этого видѣнія. Онъ, мужъ мой, былъ очень свѣтлый и пріятный. Онъ говорилъ о томъ, что всё проникнуто благодатью Божией, что благодать не отвлеченное понятие, какъ мы думаемъ, а совсѣмъ другое. Много еще говорилъ, но больной былъ, очень слабъ, и не могъ всего передать, но главное сказалъ и скончался вечеромъ передъ 40-мъ днемъ мужа. Развѣ это не поразительно?»

Еще младая Марина (дочь Филиппа Петровича Степанова) въ самый день и часъ его кончины

заснула послѣ безсонной ночи при больномъ ребенкѣ и во снѣ видѣла, что кто-то стучитъ въ окно, что встала, посмотрѣла: мужъ и я стоимъ подъ окномъ, и такое у него свѣтлое лицо, какъ когда солнце освѣщаетъ снѣгъ. И все-таки она ничего не подумала, только, что, можетъ быть, мы скоро опять будемъ въ Москвѣ и къ ней зайдемъ, зайдемъ, какъ часто заходились».

Еще Елена Александровна писала племянницѣ, чтобы она не беспокоилась о томъ, что Сергѣй Александровичъ умеръ какъ бы внезапно, будто бы безъ должной подготовки. «Но, — пишетъ она, — онъ

былъ дѣлательемъ непрестанной молитвы, которая была его вторымъ дыханіемъ». И дѣйствительно, еще за много лѣтъ до его смерти, наблюдая за нимъ, можно было видѣть его лѣвую руку, пребывающую въ карманѣ пиджака, перебирающую четки, которая онъ тамъ тайно носилъ. Также и Елена Александровна непрерывно творила Иисусову молитву и даже ночью во снѣ чувствовала порою ея движеніе въ сердцѣ.

5. КОНЧИНА Н. А. ВОЛОДИМИРОВОЙ

Послѣ смерти мужа Елена Александровна вернулась въ Черниговъ къ Наталіи Аванасьевнѣ, которую она избѣгала 4 года содержала, давая уроки иностранныхъ языковъ.

Въ письмѣ отъ 12-го Декабря 1932 года Елена Александровна пишетъ: «17-го Октября по старому стилю тихо, безболѣзненно и мирно скончался мой милый Наталія Аванасьевна — такъ тихо, что, стоя надъ ней, не могла уловить ея послѣдняго вздоха. Незадолго припашалась, не страдала, только видимо слабѣла. Послѣднюю ночь она часто крестилась, читала наизусть свои вечернія молитвы, засыпала и опять за нихъ принималась. Ты меня поймешь! Я благодарю Господа, что Онъ далъ мнѣ, если я и нанесла давно большое горе Наталіи, прожить съ нею эти послѣднія 4 года, заботиться о ней и похоронить ее, что сдѣлать какъ слѣдуетъ, мнѣ помогли добрые друзья: кто въ долгъ далъ, кто пожертвовалъ, а главное, сняли съ меня всѣ хлопоты и заботы и мнѣ было прямо умильно, когда я

Послѣдній снимокъ Сергѣя Нилуса.

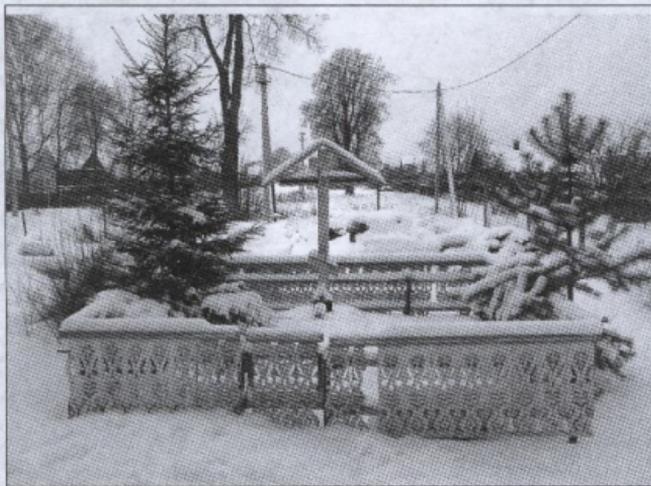
села на дроги возлѣ ея гроба и поѣхали на кладбище. Такъ надо было, такъ должна была кончиться исторія нашей жизни».

6. КОНЧИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Елена Александровна прожила еще болѣе пяти лѣтъ послѣ этого, и кончина ея произошла при драматическихъ обстоятельствахъ. Похоронивъ Наталью Аванасьевну и чувствуя, что ходить давать уроки ей уже не по силамъ, она въ 1934 году поселилась у одной многолѣтней молодой пары, гдѣ помогала смотрѣть за дѣтьми. Это было около Вышняго Волочка. Дѣл этихъ дѣтей жилъ въ Москвѣ и былъ катакомбнымъ священникомъ. Одно время

гимназію въ г. Ирпени возлѣ Киева, звали ее къ себѣ. Но, какъ они написали позднѣе, Елена Александровна для нихъ совершенно неожиданно оказалась на Кольскомъ полуостровѣ въ г. Колѣ, куда она добровольно поѣхала, чтобы сопровождать туда графиню Ольгу Комаровскую.

— Тетиленина жертва, — пишетъ Надя З., — не была угѣшительна для Комаровской и доставила ей много трудностей. Тетя Лена болѣла 2 недѣли, упала въ снѣгахъ. Думали — сломаны ребра, но оказалось — ребра цѣлы. Но у тети былъ жаръ и бредъ. Бредила, что ѣдетъ на пароходѣ въ Иерусалимъ съ Императрицей. И, къ счастью, разговоръ съ нею велъ по-французски. Умерла 10-го Апрѣля 1938 г. тихо, хорошо. Ей было около 83-хъ лѣтъ.

Погребень С. А. Нилусъ возлѣ храма въ селѣ Крутецъ (въ семьѣ настоятеля этого храма прожилъ онъ послѣдніе годы своей земной жизни) Александровой Слободы, вотчины Грозного. Нынѣ вѣрными почитателями памяти С. А. Нилусъ установленъ осьмиконечный крестъ на могилѣ этого выдающагося русскаго духовнаго писателя.

жена обидѣлась на мужа и покинула семью, бросивъ дѣтей на попечение Елены Александровны, которая старалась всячески примирить мужа и жену. Елена Александровна, наконецъ, достигла своей цѣли, помирила ихъ. Но, увы! Наступило время ежовщины, и семья эта съ чудными, религиозными четырьмя дѣтками оказалась разгромленной. Что съ ними стало — неизвѣстно! Последнее письмо Елены Александровны, полученное ея племянницей, было датировано октябремъ 1937 года. Оказалось, что воспитанница ея покойнаго брата, основавшая

И такъ кончилась жизнь большого церковно-историческаго челоѣка, ушедшаго съ лица земли видимой и временной, жизнь, протекавшая на фонѣ угасанія славной, неповторимой Святой Руси, подъ воздѣйствіемъ насилія еще болѣе лютого, чѣмъ татарское иго — богоборческаго, сатанинскаго ига воинствующаго коммунизма, грядущее явленіе котораго такъ ясно провидѣлъ и открыто запечатлѣлъ въ своихъ писаніяхъ обладатель проникновеннаго, трезваго и твердаго духа — Сергѣй Александровичъ Нилусъ.

ПОРТРЕТ ГАВРІИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА.

Художникъ Иванъ Смирновскій. Эрмитажъ.

Июльская Луна

Къ Тебѣ лишь возвышатся...

Гавриилу Романовичу Державину

270 лѣтъ

(1743 — 1816)

Геніем Державина были его высокіе устремленія во всем — въ поэзіи, въ человѣческихъ отношеніяхъ, исполненіи служебнаго долга, въ умной упорствомъ добиваться желаемого результата. Своимъ врожденнымъ талантомъ, целеустремленностью и невзысканнымъ трудолюбіемъ преодолѣлъ онъ свое первоначальное стихотворное косноязычіе, ставъ первымъ поэтомъ своего времени. Творчество доставляло ему большую радость и утѣшеніе. Настроение поэта невольно передается читателю — настроение утра, свѣта, молитвенное вознесеніе, возвышеніе къ Богу... Въ это державинское утро взошло солнце русской поэзіи — Пушкинъ.

1. ПОЭЗИЯ УТРА

В ПОЭЗИИ Державина царитъ настроеніе утра, писалъ о поэтѣ Академикъ Сергій Аверинцевъ. Человѣкъ, освѣженный здоровымъ сномъ, съ «новыми чувствами» смотреть на міръ, словно никогда его не видѣлъ, и міръ на его глазахъ творится заново. Разсвѣтныя сумерки разсѣялись, туманы куда-то исчезли, на небѣ ни облачка. Ничѣмъ не смягченный свѣтъ рѣзко бьетъ прямо въ глаза. Горизонты неправдоподобно, ошеломляюще прозрачны, видно очень далеко. Каждая краска — яркая, полутоновъ нѣтъ. Природа въ его стихахъ «восклицаетъ», какъ пристало природѣ, не соразмѣряя громкости, не стѣсняясь своей стихійной силы, шумно и безудержно, и поэзія «восклицаетъ» ей въ ладъ. А блистаніе небесныхъ свѣтилъ представлено въ державинской поэзіи какъ веселый и грозный фейерверкъ, устроенный божествомъ, и потому превосходящій всѣ земные фейерверки своимъ великолѣпіемъ, но тутъ же прерывающій блескомъ явленія самого вѣчнаго Пиротехника.

*Свѣтили возжженныхъ миллионы
Въ неизмѣрности текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огенны сіи лампады,
Иль рдѣныхъ кристалевъ громады,
Иль волю златыхъ кипящихъ сонме,
Или горячіе эфиры,
Иль вкупу всѣ свѣтлицы міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днемъ.*

2. ОДА «БОГЪ»

«Первое вдохновеніе или первую мысль написать сію Оду почувствовалъ Авторъ въ 1780 году, будучи во дворцѣ у всеночной въ первый день праздника Святой Пасхи».*

На Пасхальной вѣсенной Гавриила Романовичъ Державинъ молился въ церкви Зимнего дворца. Слушая могучіе хоры, онъ почувствовалъ необычайный приливъ поэтического вдохновенія. Вернувшись домой, онъ тотчасъ положилъ на бумагу первая строки оды «Богъ». Но потомъ, какъ пишетъ онъ самъ, «будучи занятъ должностию и свѣтскими суетами, сколько ни принимался, не могъ окончить оную».

* Державинъ Г. Р. *Объясненія на сочиненія*. 1934 г.

Так прошло четыре года. Но вот, в 1784 из-за ссоры с начальником Статский совѣтник Державинъ подаетъ въ отставку. Увеличение оброка съ крестьянъ должно было дать государству замѣтное повышение доходовъ. Были уже составлены новыя налоговыя вѣдомости, какъ вдругъ его патронъ, генералъ-прокуроръ Вяземскій, потребовалъ, чтобы ихъ составили по старому. Державину, который со своей честностью и рвеніемъ вѣчно оказывался нескстати, даже въ голову не пришло, что начальникъ хочетъ попросту украсть дополнительный налогъ. Онъ забралъ вѣдомости домой и все передѣлалъ какъ считалъ нужнымъ. Дальнѣйшая его служба при Вяземскомъ стала невозможна.

Ожидая отъ Екатерины новой должности, Державинъ рѣшилъ пожить у матери въ Казани. Старушка тяжело болѣла и хотѣла проститься. По санному пути онъ отправилъ къ ней весь домашній «быть», а самъ задержался въ Петербургѣ. Нужно было гдѣ-то занять 18 тысячъ рублей, чтобы рассчитаться съ долгами. Но вскорѣ почувствовать беспокойство другого рода.

«Получивъ отставку отъ службы, Авторъ неоднократно принимался за сію Оду, — писалъ о себѣ Гаврила Романовичъ, — но городская жизнь не давала ему времени, со всѣмъ симъ внутреннее чувство сего предмета такъ занимало Автора, что онъ какъ будто вынужденнымъ нашелся сказать первой женѣ своей, что флетъ смотрѣть польскія свои деревни, и вмѣсто того поѣхалъ въ Нарву; оставивъ повозку и людей на постояломъ дворѣ, нанялъ горенку въ городѣ у одной старушки Нѣмки, съ тѣмъ, чтобы она его и кормила, и запершись сочинялъ оду сію нѣсколько дней сряду».

*О Ты, пространствомъ безконечный,
Живий въ движеніи вѣщества,
Теченьемъ времени Превънни,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто всё собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!*

Въ младенчествѣ Гаврила Романовичъ «былъ весьма малъ, слабъ и сухъ, такъ что, по тогдашнему непросвѣщенію и обычаю народному должно было запекать его въ хлѣбъ, дабы получилъ онъ сколько-нибудь живности».

«Примѣчанія достойно событие, съ Авторомъ въ младенчествѣ его случившееся и какъ будто объясняющее его предназначеніе на прославленіе величія Божія. Онъ родился 1743 года Іюля 3-го дня, а въ 1744 году зимою на небѣ появилась комета. Когда видна была комета, будучи на рукахъ у няньки, показавъ пальцемъ на комету, выговорилъ первое

слово: «Богъ!».* Съ тѣхъ поръ съ изычствомъ было покончено. Мать приобщила его къ духовнымъ книгамъ, «поощряя къ тому награжденіемъ игрушекъ и конфетовъ». Въ четыре года онъ уже умѣлъ читать по Псалтири и докучалъ приходскому батюшкѣ своими бесконечными «почему?».

Рассказывая теперь взалъ-впередъ по нарвскому затвору, Державинъ просто недоумѣвалъ, откуда взялись въ Россіи эти странные люди, которые называли себя атеистами и вѣрили въ нѣкій вселенскій Разумъ, заключенный въ природѣ, и въ то, что рано или поздно силой своего разума человечество его постигнетъ. Въ первыхъ же строфахъ онъ рѣшилъ откликнуться на модная теоріи.

*Хаоса бытность доверенну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рождену,
Во Себѣ Самомъ Ты основалъ:
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты святъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавши всё единымъ словомъ,
Во творени простирайся новымъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь вѣкъ!*

Державинъ происходилъ изъ очень древней, берущей свое начало еще въ Золотой Ордѣ, но обнищавшей дворянской семьи. За недостаткомъ средствъ Гаврила Романовичъ не смогъ толкомъ получить образованія. Десять лѣтъ служилъ солдатомъ. Исполнялъ и другія «низкія должности», къ каковымъ относились обязанности курьера.

Въ 1773 году разнеслась вѣсть о Пугачевскомъ бунтѣ. Благодаря тому, что онъ былъ уроженцемъ тѣхъ мѣстъ, Державина взяли въ слѣдственную комиссію кмѣ-то вродѣ начальника развѣдгруппы. Его задачей было не воевать съ Пугачевымъ, а ловить его. На дѣлѣ ему приходилось усмирять стихійные возстанія и казнить людей. А въ поимкѣ самозванца участвовать такъ и не пришлось. Болѣе того, какъ и пушкинскаго Гринева, по ложному доносу его чуть было не засадили въ кандалы. Однако Гаврила Романовичъ отдѣлался довольно легко, его уволили за неспособность къ военной службѣ.

*Какъ капля, въ море опущена,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зрима вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другижъ міровъ, — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой — ничто.*

* Державинъ Г. Р. Объясненія на сочиненія. 1934 г.

По окончании Пугачевской кампании Державинъ захвѣлъ къ матери. Ихъ домъ былъ разграбленъ, а сама Ефка Андрѣевна побывала въ плѣну у самозванца. Но покой онъ все же нашёл: мамина простота, ея искренняя, глубокая вѣра стали для него лекарствомъ. Вскорѣ начали поправляться и дѣла. Въ благодарность за вѣрную службу Императрица произвела его въ коллежскіе совѣтники и пожаловала въ Бѣлоруссіи триста крепостныхъ душъ. Въ апрѣлѣ 1778 года, по окончании Великаго поста, Гавриила Романовичъ женился на 17-лѣтней красавицѣ Екатериѣ Яковлевнѣ Бастидонъ, въ которую онъ былъ влюбленъ съ перваго взгляда и въ комъ души не чаялъ.

Во времена Гаврилы Романовича высшее общество было плохо знакомо съ Библией. Довѣряли больше наукъ, хотя въ ней разбирались еще меньше. Такъ было удобнѣе: разъ самъ собою взялся человекъ, такъ онъ и самъ себѣ хозяинъ. Но тотъ, кто всерьезъ изучалъ природу, съ такими взглядами боролся. Вслѣдъ за Ломоносовымъ Державинъ утверждалъ, что всякій честный естествоиспытатель, если онъ не совсѣмъ слѣпой, просто не можетъ не видѣть, что весь міропорядокъ устроенъ мудрой и любящей Рукой, и что человекъ занимаетъ въ немъ совершенно особенное положеніе. Онъ поставленъ Творцомъ на границѣ двухъ міровъ: духовнаго и матеріальнаго, которые онъ долженъ въ себѣ соединять, самъ призванъ творить, воздвигать землю и преобразать ее. Иначе его жизнь теряетъ смыслъ.

*Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
И края степенъ вѣществую;
Я средоточіе живущихъ,
И черта начальна божества;
И въ пыломъ въ прахъ испляваю,
И умомъ громамъ повелеваю,
«Я царь — я рабъ — я червь — я богъ!»
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколе происшею? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могу.*

Въ Нарвѣ Державинъ просидѣлъ «съ небольшоимъ недѣлю». И все это время онъ не покидалъ свой «небольшой покойничекъ». Нѣмка носила ему еду, а онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока сонъ не сваливалъ его съ ногъ. Просыпаясь, снова брался за перо. Рожденіе Оды напоминало о самихъ Дняхъ Творенія.

Върнувшись въ Петербургъ, онъ отдалъ стихи Дашковой. Въ очередуномъ «номерѣ» «Собесѣдника» ихъ прочла Екатерина. Императрица была въ восторгѣ. Въ маѣ она издала указъ о назначеніи своего любимаго поэта губернаторомъ новоучрежденной Олонецкой губерніи. Ему поручили, что долго онъ тамъ не задержится, и не даромъ. Если въ частной жизни Державинъ былъ добръ и благо-

душень, особенно съ людьми бѣдными или ниже его стоящими, то совершенно другимъ онъ становился на службѣ: чѣмъ выше стоялъ человекъ, тѣмъ взыскательней былъ Державинъ, тѣмъ меньше соглашался ему прощать.

Къ Императрицѣ онъ былъ беспощаденъ. Отъ той, которая нѣкогда, хоть невѣдомо для себя, была его первой наставницею въ наукѣ гражданскихъ доблестей, онъ требовалъ совершенства. Однажды онъ набросился на саму государыню за то, что ея фавориты разбазариваютъ казну. Онъ накричалъ на нее, выбранилъ и, схвативъ за концы мантильи, дернулъ.

Послѣ убійства Императора Павла въ мартѣ 1801 года, на тронъ взошелъ его сынъ. Двадцатью годами ранѣе, предърака порфирородному отроку царствованіе, Державинъ ему записалъ высокое правило: «Будь на тронѣ человекъ!» Фраза стала крылатой. Но и съ Александромъ I, вызывавшимъ у многихъ восторгъ своей любезностью и мягкостью, отношенія Державина также не складывались. А когда Александръ I попросилъ его оставить постъ Министра юстиціи, то на законный вопросъ Державина: «Почему?» онъ только и смогъ отвѣтить: «Ты слишкомъ ревностно служиши». Гавриила Романовичъ даже написалъ автоэпитафию: «Здѣсь лежитъ Державинъ, который поддерживалъ правосудіе; но подавленный неправдою, палъ, защищая законы».

Это было поистинѣ державный человекъ. Каждый разъ онъ тяжело страдалъ, когда ему не давали окончить начатое. Но потомъ какъ-то снова находилъ въ себѣ силы, и снова двигался впередъ. И только одной вещи онъ не могъ простить себѣ всю жизнь. Когда Екатерина Алексѣевна пожаловала ему Олонецкое губернаторство, онъ, погруженный въ свою вѣчную суету, снова замѣшкался съ отъѣздомъ въ Казань. А, прихвѣвъ, узнавъ, что три дня назадъ мама умерла ...

*Твое созданіе я, создатель!
Твоей премудрости я творецъ,
Источникъ жизни, благо Податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правды нужно было,
Чтобъ смертью бездну преходило,
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
И Отецъ! — въ безсмертіе Твое.*

Въ первыхъ же строчкахъ Библии мы узнаемъ, что «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тма надъ бездною». Какъ только началъ создаваться міръ, возникла нѣкая темная сила, которая воспротивилась Жизни. Творецъ отделилъ свѣтъ отъ тьмы, но Адамъ оступился и выбралъ смерть. И все же Человекъ такъ

великъ, что какъ бы низко онъ ни падалъ, какъ бы далеко не удалялся отъ своего Создателя, ихъ отношения никогда не будутъ меньше, чѣмъ отношения сына и Отца. И если бы мы не были связаны съ Богомъ такъ глубоко, Христосъ никогда не смогъ бы стать однимъ изъ насъ. Но Онъ сталъ... И это Его страданіями намъ проложенъ путь возращенія къ Отцу.

Ода «Богъ» стала первымъ русскимъ стихотвореніемъ, получившимъ международную славу. Она была переведена на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. Правда, самому Державину показалось, что въ Россіи ее не всѣ поняли до конца, и онъ написалъ «Объясненія на сочиненія Державина (въ мемуарахъ Гавриила Романовича поминаетъ себя въ третьемъ лицѣ) относительно темныхъ мѣстъ, въ нихъ находящихся, собственнымъ именемъ, иносказаній и двусмысленныхъ рѣченій, которыхъ подлинная мысль автору токмо извѣстна».

6-го Ноября 1795 года онъ преподнесъ эту трудъ Государынѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произведеніями, переплетенными въ красивый сафьянъ. Ихъ отношения давно испортились. Державинъ хотѣлъ ихъ поправить, но не удержался и вслѣдъ за новымъ посланіемъ Фелицъ включилъ въ тетрадь дерзкое «Властителямъ и судьямъ». Екатерина читала приношеніе «двои сутки», по не наградила автора ничѣмъ. Черезъ двѣ недѣли явившись во дворецъ, Гавриила Романовичъ примѣтилъ въ государынѣ холодность. Окруженіе избѣгло его, боясь встрѣтиться глазами, не то, что говоритъ. Еще черезъ недѣлю пріятель спросилъ его: «Что жъ ты, братецъ, пишешь яковинскіе стихи? Ты переложилъ 81-ый псаломъ, который не можетъ быть двору пріятель». — «Царь Давидъ, — отвѣтилъ Державинъ, — не быть яковинцемъ, слѣдовательно, пѣсни его не могутъ быть никому противными». Онъ легко могъ оправдаться, но не сталъ. А ровно черезъ годъ не стало Императрицы. Отъ апоплексическаго удара Екатерина Алексѣевна умерла. Тетрадь Державина опубликовали, и Россія узнала наконецъ, какъ создавалась Ода «Богъ»...

Послѣ нѣсколькихъ напряженныхъ дней работы въ нарвской квартирѣ онъ все же чувствовалъ, что стихотворенію недостаетъ послѣдняго куплета. Тутъ нужно было даже не вдохновеніе, а откровеніе. «Онъ лезъ спать, — пишетъ Гавриила Романовичъ о себѣ, — и увидѣлъ во снѣ, что блещетъ свѣтъ въ глазахъ его, проснулся, и въ самомъ дѣлѣ, воображеніе было такъ разгорячено, что казалось ему, вокругъ стѣны прыгаетъ свѣтъ, и съ сѣмъ вмѣстѣ полились потоки слѣзъ изъ глазъ у него; онъ всталъ и ту же минуту, при освѣщающей лампадѣ написалъ послѣднюю сію строфу».

Неизъяснимый, Непостоянный!

Я знаю, что души мой

Воображеніи безсильны

И тѣи начертанъ Твоей;

Но если словословіе божало,

То слабымъ смертнымъ невозможно

Тебѣ ничѣмъ инымъ почитать,

Какъ имъ къ Тебѣ лишь возмъщаться,

Въ безмърной разности теряться

И благодарны слъзы лить.

3. ПРП. ГЕРМАНЪ АЛЯСКИНСКІЙ

Личностный подвѣдъ въ общеніи съ людьми былъ основнымъ условиемъ миссиі Прп. Германа. Если въ бесѣдѣ съ однимъ человѣкомъ фономъ, на которомъ раскрывалась христіанская проповѣдь, былъ разговоръ о самыхъ прозаичныхъ вещахъ — о семенахъ для огорода, то съ другимъ это была ода Г. Р. Державина «Богъ». Содержание этихъ бесѣдъ сохранилось въ своихъ воспоминаніяхъ замѣстителя Главнаго правителя Россійскихъ колоній С. И. Яновскій. Его обращеніе на путь вѣры можно привести какъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ успѣшной миссиі Отца Германа. Молодымъ офицеромъ пріѣхавъ на Кадыкъ, будучи клеветническими доносами настроенъ противъ руководителя Духовной Миссиі Отца Германа, онъ совершенно перемѣнилъ свои взгляды подъ вліяніемъ Старца. По его же собственнымъ словамъ, онъ — деистъ и волюндумецъ, поклонникъ Вольтера, не признавалъ божественности и святости религій. «Отецъ Германъ замѣтилъ это и пожелалъ меня обратить. Къ великому моему удивленію, онъ говорилъ такъ сильно, умно, доказывалъ такъ убѣдительно, что мнѣ кажется, никакая учёность и земная мудрость не могли бы устоять противъ его словъ. Ежедневно бесѣдовали мы съ нимъ до полуночи и даже за полночь: о любви Божьей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни».

Однажды я прочелъ О. Герману оду «Богъ» Державина. Старецъ удивился, восхитился, и просилъ прочесть ее еще разъ: я повторилъ. «Неужели это простой ученый писалъ?» — спросилъ онъ. «Да, ученый, поэтъ», — отвѣчала я. — «Это по вдохновенію Божію писано», — сказалъ Старецъ.

Слово, сказанное Прп. Германомъ съ властью любви, равно какъ и стихи, написанные Гаврииломъ Державинымъ по вдохновенію Божію, измѣняютъ человѣчскія судьбы — приводятъ людей на путь спасенія. С. И. Яновскій окончилъ жизнь монахомъ (Схимонахъ Сергій), его сынъ сталъ іеромонахомъ (Христофоръ), и три дочери посвятили свою жизнь служенію Богу.

Публикуя стихи великаго русскаго поэта Гавриила Державина и исторію ихъ созданія, искренне вѣримъ, что это поможетъ нашимъ читателямъ настроиться на возвышенную — духовную жизнь, послужить вдохновеніемъ возмъщаться къ Богу.

Бога

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движении вещества,
Теченьем времени превращай,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ божества!*
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зижлетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ.

Измѣрить океанъ глубокой,
Сочестъ пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокой, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судьбѣ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ.
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности протечетъ мигъ.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвать,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты оноваль:
Себя собою составляя,
Собою изъ Себя сияя,
Ты свѣтъ, откуда сиять истекъ.
Создавай все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есть, Ты будешь вѣкъ!

Ты цѣль сущестъ въ Себѣ вмѣшаешь,
Ее содержиши и живиши;
Конечъ съ началомъ сопрягаешь
И смертию животи дариши.
Какъ искры сгплотятся, стремятся,
Такъ солныи отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразной, ясной день зимой
Пылники инея сверкають**,
Вратятся, зыблются, сияють,
Такъ звѣзды въ безднѣхъ подъ Тобой.

* "Авторъ, кромѣ богословскаго нашей Церкви догмата, разумѣть тутъ три понятія метафизическія, т. е. безконечное пространство, безпрерывную жизнь и неокончаемое теченіе времени, который Богъ въ Себѣ вмѣшаетъ". *Державинъ Объясненія на сочиненія*. 1796 г.

** "Обитателямъ токомъ Сѣвера сія великолѣпная картина бываетъ видима, въ ясный день, въ большіе морозы, по большае части въ мартѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ уже оледенѣетъ и пары, въ ледяныя частицы обратившіяся, носятся по воздуху и какъ искры сверкають". *Державинъ Объясненія на сочиненія*. 1796 г.

Свѣтиль возженныхъ миллионы
Въ неизмѣрности текутъ,
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль вольнъ златыхъ кипищій сомъ,
Или горящіе эфиры,
Иль вкупѣ все свѣтлщи мѣры —
Передъ Тобой — какъ ночь предъ днемъ.
Какъ капля, въ морѣ опущена,
Вся твердь передъ Тобой сія.
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобой я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ, — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобой,
Лишь будетъ точкою одною;
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіеши
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ошушаю,
Несытумъ некакимъ лѣтѣю
Всегда паренемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаеъ,
Вникаеъ, мыслить, разсуждаеъ:
Я есмь — конечно, есть и Ты!

Ты еси! — природы чинъ вѣшаешь,
Гласить мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряеъ,
Ты еси — и я ужъ не ничто!
Частица плѣной я вселенной,
Поставленъ, мнитси мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончили тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духомъ небесныхъ
И цѣль сущестъ связалъ всеѣхъ мной.

Я связъ міровъ, повсюду сухихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ;
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я шаръ — я рабъ — я червь — я Богъ!
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколе происшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ.

Твое созданіе я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,

Источникъ жизни, благъ податель,
 Душа души моеи и Царь!
 Твоей то правдъ нужно было,
 Чтoby смертнѣ бездну преходило
 Мое безсмертно бытiе;
 Чтoby духъ мой въ смертностъ облачился
 И чтoby чрезъ смерть я возвратился,
 Отецъ! — въ безсмертiе Твое.

Неизяснимый, Непостижный!
 Я знаю, что души моеи
 Воображенiи безисильны
 И тени начертать Твоей;
 Но если славословить должно,
 То слабымъ смертнымъ невозможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
 Въ безмѣрной разности терзаться
 И благодарны слезы лить.

*Христосъ**

Никтоже придетъ ко Отцу, токмо мною. Ин. 4,6

О Сый, котораго перомъ,²
 Ни браннымъ зрѣниемъ, ни слухомъ,³
 Ниже витийства языкомъ
 Не можно описать, а духомъ⁴
 И върой пламенной молить!
 Твоею благодатью плѣнный,
 Какъ бы на небо восхитенный,⁵
 Тебя дерзаю я гласить⁶. —

* Ода «Христосъ» была написана Державинымъ въ 1814 году какъ продолженiе оды «Богъ», созданной ровно за 30 лѣтъ до того — въ 1784 году. По философской мысли она сложилась, чѣмъ ода «Богъ». Въ «Богъ» противопоставлены Творецъ и «тварь», которые другъ от друга неотрывны, какъ духъ и матерiя, безсмертiе и смерть. Композиция оды «Богъ» и стилистическiй строй каждой строфы отражаетъ главную философскую идею Державина: о единствѣ великого и малого, отвлеченного и конкретного. Въ одѣ «Христосъ» центральная мысль иная: Богъ создалъ Человѣка изъ плоти и вдохнулъ въ него духъ, но плоть побѣдила духъ, и онъ «палъ въ тму». Явленiе Христа-Мессii было пробужденiемъ духа въ Человѣкѣ; Христосъ оказался посредникомъ между Богомъ и Человѣкомъ. Спасити людей онъ могъ только потому, что самъ былъ Человѣкободомъ; принесъ людямъ отъ Бога основы нравственности: любовь къ врагамъ, милосердiе, идею равенства и самопожертвованiя; но и Самъ страдалъ, какъ смертный. «Христосъ» — продолженiе размышленiй, лежащихъ въ основѣ оды «Богъ».

Такъ какъ всѣ примѣчанiя къ этому стихотворенiю ограничиваются ссылками на Св. Писанiе, слѣдовало бы Державинымъ, то для сбереженiя мѣста не выписываемъ подъ текстомъ стиховъ, къ которымъ онѣ относятся.

² «Сый, всегда вездѣ пребывающий». Иоанн гл. 1, ст. 18: Сый въ лонѣ отцовъ.

³ «Тамъ же: Бога никтоже видѣ нигдѣже».

⁴ «Къ Кор. первое послан. Павла, гл. 12, ст. 3: Никто же можетъ решити Господа Исуса, точию Духомъ Святымъ».

⁵ «Къ Кор. второе послан. гл. 12, ст. 2: Восхищена бывша до третiяго небесе».

⁶ «Послан. первое Иоан. Богосл. гл. 2, ст. 27: помазанiе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ».

⁷ «Матв. гл. 17, ст. 2: Лице его яко солнце. — Марка гл. 9, ст. 3: Ризы блестящи яко снѣгъ».

⁸ «Иоан. гл. 20, ст. 27: Принеси руку и вложи въ ребра моя».

⁹ «Иоан. гл. 3, ст. 13: Никтоже възиде на небо, токмо шедшій съ небесе».

¹⁰ «Иоан. гл. 14, ст. 2: Въ дому Отца моего обитали мнози суть».

¹¹ «Ин. гл. 6, ст. 51: Азъ есмь хлѣбъ животный. — Тамъ же гл. 7, ст. 37: Аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ, и пить».

¹² «Иоан. гл. 10, ст. 9: Азъ есмь дверь, мною аще кто виднеть, спасется».

¹³ Цариа Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Иерусалимѣ у Соломона не гниющее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятiя Христосъ, въ изступленiи возгласила: «Се древо, на немъ же Богъ облеченный плотiю умереть въ воскресенiе». О царшѣ Савской см. книгу 3-ю Царствъ, гл. 10.

¹⁴ «Иова гл. 38, ст. 7: Возгласиша мя гласомъ велимъ вси Ангели мои».

¹⁵ «Дан. гл. 2, ст. 34: Отторжеса камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ ножъ желѣзны и скудельны, и истины ихъ до конца».

¹⁶ «Дан. гл. 3, ст. 92: И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божью».

Тебя; — но кто же сушiй Ты,
 Что Человѣкомъ чтимъ и Богомъ?
 Лице, какъ солнца красоты!
 Хитонъ, какъ снѣгъ во блескъ многомъ!
 Изъ ребръ нетлѣнныхъ лется кровь!
 Лучи — всю плоть просвѣщаютъ!
 Небесный взоръ, уста дышаютъ
 Сладчайшимъ благовѣстiемъ словъ!

Кто Ты, — что къ намъ сходилъ съ небесъ
 И паки въ нихъ вознесъ въ славу? —
 Въовѣкъ живой и тамъ и здѣсь
 Несмѣтныхъ царствъ своихъ въ державѣ¹⁰,
 Въ округѣ и срединѣ сферъ.
 Хлѣбъ жизни и животь струй вѣчныхъ¹¹,
 Самъ святъ, безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
 Единая къ спасенiю дверь!¹²

Кто Ты, — кого изъ древнихъ лѣтъ
 Сивиллы, маги и пророки¹³
 Приходь предвозвѣстили въ свѣтъ;
 Полкъ горнихъ силъ сквозъ блескъ далекий¹⁴
 Дивился съ трепетомъ кому,
 Что Бога и Царя небесна,
 Безсмертна суша, безтѣлесна,
 Сходяща видять смерти въ тму?

Кто Ты, — въ которомъ сквозъ эфиръ¹⁵
 Съ горы ниспавшiй зрѣлся камень,
 Кѣмъ мiра сокрушенъ кумиръ;
 Тотъ лѣтны юноша, что пламенъ¹⁶

Внутрь пещи въ росу претворилъ,
И прежде, чѣмъ на свѣтъ явился,
Во тьмѣ чудесь предобразилъ
И чайнымъ языкомъ былъ?¹⁷

Кто Ты, — котораго звѣзда¹⁸
Часть возвѣстила въ мѣрь явленія,
Казала путь къ кому ведя
Царямъ, волхвамъ для поклоненія;
Чей тронъ не въ злѣгъ средь порфирь,
Но въ вертѣ, въ яслехъ былъ возниженъ?¹⁹
Надъ кѣмъ ликъ ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кто Ты, — велятъ Иорданъ бѣжалъ,²⁰
Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
Въ пустынь свѣтъ осіявалъ;
Гласъ Англемъ проповѣдалъ чуднымъ,²¹
Могущимъ всѣхъ грѣхи подыять.
Таинственнымъ страха всѣхъ слухомъ,
Что, не родясь водою и духомъ,²²
Небесъ не можно достигать.

Кто Ты, — что отверзаль слухъ, взоръ,
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ?²³
Кротиль свирѣлость бурь и морь²⁴,
Единымъ перста мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ²⁵
Послушнымъ, всякая стихія,
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывать утробы мертвецовъ?²⁶

Не Ты ль величественный мужъ
Во славъ, въ блескъ нескazanномъ?²⁷
Между живыхъ и мертвыхъ душъ²⁸

На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный властелинъ
И днешня и грядуща мѣра?²⁹
Надъ конемъ громъ гремѣлъ съ эмпиря:
«Се мой возлюбленнѣйшій Сынъ»³⁰

Какъ! — Неба сынъ Ты? — ужась, мракъ
Мои вѣсъ проблагаю кости!
Ты Богъ? — но Твой поругаю зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на дрѣвѣ крестномъ³¹
Видишь въ томлени скорбномъ, смертномъ,
Бѣднъ, бездыханенъ, мертвъ! — Кто жь Ты?

Кто Ты? — и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣныя съ тлѣньемъ согласить,
Снѣтъ съ невозможностью возможность?
Ты Богъ, — но Ты страдалъ отъ мукъ!³²
Ты человѣкъ, — но чуждъ былъ мести!³³
Ты смертенъ, — но истинилъ скиптръ смерти!³⁴
Ты вѣченъ, — но Твой изиде духъ³⁵

О тайнѣ глубокихъ океанъ!
Плуцина дивъ, противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ
И жить въ селеніяхъ колдовныхъ?
Творишь Ты, — могъ все съ высотъ;
Ты тварь, — почто же трепетала³⁶
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой себя мнѣ Ты!

Открой себя, открой, молось!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:

¹⁷ «Псал. 117, ст. 25 и 26: О Господи! постигни же. — Благословенъ градъ во имя Господне. — И прочіе пророки предвидѣли о Мессии или Помазанникѣ Божіемъ Христѣ».

¹⁸ «Матѣ. гл. 2, ст. 2: Видѣхомъ во звѣзду его на востоцѣ и приидомъ поклонитися ему».

¹⁹ «Луки гл. 2, ст. 7: И положи его въ яслѣхъ».

²⁰ «Псаломъ 113, ст. 5: И тебѣ Иордане, яко возратился еси велятъ».

²¹ «Иоан. гл. 1, ст. 29: Се агнецъ Божій, вземляя грѣхи мѣра».

²² «Иоан. гл. 3, ст. 5: Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствие Божіе».

²³ «Иоан. гл. 9, ст. 6: Помаза очи брѣнемъ слѣпому. — И Луки гл. 7, ст. 22: Слѣпы прозирають, хроми ходять, прокаженні очищаются, глухіи слышатъ, мертвіи востаютъ, нищии благовѣствуютъ. О сихъ чудесахъ Иисуса доносили и Понтийскій Пилатъ императору Тиберію».

²⁴ «Матѣ. гл. 8, ст. 26: Тогда возрече запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велиа».

²⁵ «Матѣ. гл. 8, ст. 32: И рече (блсамъ): идите».

²⁶ «Иоан. гл. 11, ст. 43: И возва: Лазарь, гряди воны».

²⁷ «Матѣ. гл. 17, ст. 1 и 2: И возведе ихъ на гору высоку едина и преобразися предъ ними».

²⁸ «Тамъ же ст. 3: Се явистася имъ Моисей и Ілія (изъ конехъ второй по преданію святая Церкви живъ и донынѣ)».

²⁹ «Тамъ же ст. 5: Пасъ изъ облака глагола: сей есть Сынъ мой возлюбленнѣйшій».

³⁰ «Исаія гл. 53, ст. 12: И со беззаконными вмѣнися. — Матѣ. гл. 27, ст. 38: Тогда распина съ нимъ два разбойника: единаго одесную, и единаго ошуюю».

³¹ «Матѣ. гл. 27, ст. 30: Пригна трость, и бяху по главѣ его».

³² «Луки гл. 23, ст. 34: Отче, отпусти имъ: не вѣдять бо, что творять».

³³ «Ко Евреемъ послан. гл. 2, ст. 14: Да смертию упразднитъ именушаго держава смерти».

³⁴ «Луки гл. 23, ст. 46: И сія рекъ изиде».

³⁵ «Матѣ. гл. 27, ст. 51: И земля потрясся, и камень распасеся. — По описаніямъ путешественниковъ и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгофѣ».

«Доколь воплю, доколь толкусь»⁸⁶;
 «Воскреснуть вь хладныхъ милоуѣрахъ»;
 «О свѣта сыни! о рабѣ днесъ тми!»⁸⁷
 «Свлекн съ себя покровъ твой бренной»⁸⁸
 «И мыслью, вѣрой воскрыленной»⁸⁹
 «Мой Промыслъ о себѣ воини:

Премудрость, сила и любовь,
 Богъ духъ, вь трехъ свѣтахъ Свѣтъ вѣкъ живиы⁹⁰,
 Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ
 Вь своемъ совѣтѣ положительи
 Свою вь тмѣ славу проявити,
 Воззвать изъ безднн созданыя ново
 Послать единокорно Слово⁹¹,
 И словомъ: — тма — вселенной бысть⁹².

Изобразилосъ естество,
 Незримо всезримымъ стало
 И вь человекѣ Божество,
 Какъ солнце вь морѣ, возсияло!⁹³
 Все покорилосъ ему⁹⁴, —
 Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлюбенъ
 И во зеркалѣ какъ подобенъ
 Творцу безсмертну своему⁹⁵

Но поелику созданы онъ⁹⁶
 Съ свободною душой изъ персти;
 То обявлъ мечтаній сонъ
 Его и ухищренъ лести⁹⁷;
 Онъ, вь красоту свою влюбисъ,
 Возмнилъ бытъ Богъ — и возгордился,
 Отъ Единицы отклонился
 И отблескъ вь немъ Ея погасъ.

Погасъ! — палъ вь тму вселенной царь,
 Нетлѣныя превратилосъ вь тлѣныя⁹⁸;
 Ему совоздыхая тварь⁹⁹,
 Доднесъ страстей своихъ вь бореньѣ,
 Вѣкъ будетъ вь прѣ — не утлтитъ
 Доколь гнѣвъ Отчъ сей низкой долей¹⁰⁰,
 Что волей палъ, и той же волей
 Себя къ Нему не возвратитъ,

И плоти не отвергнетъ такъ¹⁰¹,
 Ничто чтобъ духъ не отягчалосъ;
 Но палъ какъ вь толь глубокой мракѣ,
 Что силъ его возстать не стало¹⁰²;
 То тутъ Любовь, времянь вь исходѣ¹⁰³,
 Сошла смиритъ страстей злыхъ ревы:
 Слѣй возсиялъ отъ чистой Двмы,
 Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

Имъ пробудилосъ божество,
 Уснувшѣ чувствѣ отъ обольщенья,
 Духовно свѣта существо,
 Какъ искра камня отъ бненья,
 Вспрянуло, — и явился Богъ
 Вь плоти его страданьемъ Слова:
 На свѣтъ Имъ трисвятыи зрѣтъ снова
 Адамъ сподобитсѣ возмогъ.

Адамъ бы падши не возсталъ,
 Когда бь вь Христѣ не воскресился,
 Не воскресъ — не возсиялъ,
 Не возсияъ — не возродился
 Вь блаженство первородно вновь.
 Се, какъ смиренемъ, терпѣньемъ,
 Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
 Возводитъ всѣхъ къ себѣ Любовь!

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
 Не могъ вь тлѣнъ пасть. Безъ духа жь силы
 И плоть слаба духовъ втечъ вь крутъ
 Къ землѣ съ прикованными крылы:
 То по совѣту трисвяту,
 Скудель вь санѣ серафимскѣ возставитъ,
 Безсмертьемъ смертнаго прославитъ
 Предоставлялосъ Христу.

И Имъ со славою, съ торжествомъ
 Явился миру Божия сила;
 Какъ западъ, насъ златымъ лучомъ¹⁰⁴
 Святая кровь Его покрыла,
 И освятила благодатъ,
 Давъ область вь чадъ Его вчинятсѣ¹⁰⁵,

⁸⁶ «Апокалипс. гл. 3, ст. 20: Се стою при дверехъ и толку».

⁸⁷ «Иоан. гл. 4, ст. 24: Духъ есть Богъ. — И его же первое послан. гл. 1, ст. 5: Богъ свѣтъ есть».

⁸⁸ «Иоан. гл. 1, ст. 14: И Слово плоть бысть».

⁸⁹ «Бытн кн. 1, гл. 1, ст. 3: И рече Богъ: да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ».

⁹⁰ «Кн Евр. гл. 2, ст. 8: Вся покорилъ еси подъ ногъ его».

⁹¹ «Бытн гл. 1, ст. 26: И рече Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобію».

⁹² «Бытн гл. 2, ст. 7: И созда Богъ человека, персть вземъ отъ земли, и плути вь лице его дыханіе жизни».

⁹³ «Тамъ же гл. 3, ст. 5: И рече змій: и булете яко Бозн».

⁹⁴ «Тамъ же ст. 20: Яко земля еси, и вь землю отыдеши».

⁹⁵ «Къ Римлян. гл. 8, ст. 22: Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ».

⁹⁶ «Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: И тмѣ примирити всяческая къ себѣ».

⁹⁷ «Посланіе второе къ Коринѣ. гл. 5, ст. 4: Воздыхаемо, да пожерто будетъ мертвенное животомъ. — И къ Колос. гл. 3, ст. 5: Умертвите уды ваша жея на земли».

⁹⁸ «Посланіе второе къ Коринѣ. гл. 12, ст. 9: Сила моя вь немощи совершается».

⁹⁹ «Къ Галат. гл. 4, ст. 4: Егда же приде кончина лѣтъ, посла Богъ Сына своего единокорнаго».

¹⁰⁰ «Вечернія пѣсны св. Софронія, Патриарха іерусалим.: Пришеліе на западъ солнца, видѣши свѣтъ вечерній».

¹⁰¹ «Иоан. гл. 1, ст. 12: Даде имъ область чадомъ Божиимъ быти».

Младенцев смысломъ умудряясь³²
И разумъ вѣрѣ покорять, —

Чтобы, надѣясь на Его
Одну мы благодать, милосердые,
Могли искать себѣ тою
Наслѣдна, прежня озареня,
Имъ кое только можно зрѣть:
Святѣмъ внутри духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

Се, что есть Сый, что есть Христовъ,
Что Бого-Человѣкъ, что Слово:
Онъ самый тотъ, который вьзнесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что, страждая самъ,
Всѣмъ подалъ ясныя примѣры³³,
Какъ силой доблести и вѣры
Входитъ возможно къ небесамъ!

Такъ, Онъ единъ: никто другой
Слѣща привести не можетъ къ свѣту,
Потерянному чувствъ стезей;
Лишь словомъ усть Его горѣту
Внутри вскрыться могутъ очеса.
Поить струей Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отцзыни
На землю сводить, небеса.

Онъ — шедша Истина съ небесъ,
Онъ — Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобоострашна тѣсна
Сходить Онъ къ смертну естеству³⁴
Отъ узь грѣховныхъ мѣръ избавить,
На прежней степеніи поставить
И уподобить Божеству.

Такъ, безъ Него никто къ Отцу³⁵
Его приблизиться не можетъ.
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжаетъ.
Живеть въ Отцѣ, Отецъ же — въ Немъ³⁶;
Безднѣ, неба и земли посредникъ,

Ходатай, вождь, всѣхъ благъ наслѣдникъ³⁷
И подвигоположникъ Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, тристаот
Противно бы было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчныхъ не былъ виненъ вѣчно.
Кто жъ Бога удовлетворить?
Лишь Сынъ Его изъ милосердыя,
Взявъ на себя всѣхъ преступленія³⁸,
Возмогъ мѣръ миромъ примирить³⁹.

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благодать сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаритъ надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ:
Онъ могъ призвать въ защиту грома;
Но, волею на казнь ведомый,
Своей Онъ смертью смерть поправъ.

И чрезъ примѣръ явиль сей свой,
Что не мірскія наказанія
На любномъ насъ мрачатъ хулой⁴⁰,
Равно и не коронь сянѣя
Богоподобными творять;
Но правда, вѣра, добродѣтель
Всѣхъ провозвѣстникъ и свидѣтель
И блескъ неложный сѣбѣ чады.

Се тако Иисусъ всѣхъ спасъ
И познавъ Человѣко-Богомъ,
Что такъ ни чей покоить гласъ
И сладость въ насъ литъ въ блѣствѣ строгомъ.
Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ⁴¹,
Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ⁴²
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодатель тотъ,
Что усть своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
Равнѣе хижину съ престоломъ:
«Просящему», речетъ Онъ, «дай»⁴³,
Боляшаго призири въ больницѣ,

³² «Матѣ. гл. 11, ст. 25: Яко утаилъ еси еси отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ».

³³ «Ко Евреемъ гл. 12, ст. 2: Взирающе на начальника вѣры, и совершителя Иисуса».

³⁴ «Первое посланіе къ Тимоѣ. гл. 3, ст. 16: Богъ явися во плоти».

³⁵ «Іоан. гл. 14, ст. 6: Никтоже придетъ ко Отцу, токмо мною».

³⁶ «Тамъ же ст. 10: Яко азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ».

³⁷ «Ко Евр. гл. 8, ст. 6: И лучшаго завѣта есть ходатай».

³⁸ «Исайя гл. 53, ст. 11: И грѣхи ихъ той понесеть».

³⁹ «Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ».

⁴⁰ «Къ Галат. гл. 6, ст. 7: Богъ поругаемъ не бываетъ».

⁴¹ «Мѣ. 11, ст. 29: Научитесь отъ мене, яко кротокъ смирень сердцемъ: и обрѣтете покой душамъ вашимъ».

⁴² «Матѣ. гл. 5, ст. 44: Любите враги ваши».

⁴³ «Матѣ. гл. 25, ст. 35 и 36: Вздалкаса бо, и даде ми ясти и проч.».

Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
Голодна, жадна напитай».

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ⁶⁴,
Кой вѣроушимъ въ Него любовью
Себя дать вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣтъ свой кровью⁶⁵,
И такъ его тѣмъ утвердилъ,
Что Имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный⁶⁶
Излилъ свой Духъ и научилъ:

Былинки злобно не сломить⁶⁷,
Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судить⁶⁸,
И не чрезъ рать себѣ послушнымъ
Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ⁶⁹
Простыхъ велѣлъ, — и синагоги,
Ареопагъ имъ палъ прель ногю⁷⁰.
Се сильнѣ какъ законъ Христовъ!

Христосъ весь благодать, весь любовь,
Блескъ свойствамъ даже трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ⁷¹
Неполнымъ быть, несовершеннымъ.
Богъ-Умъ могъ все предначертать,
Богъ-Мощь — все сздать; любить жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горь къ себѣ сердца воззвать?

Такъ, Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощаемъ Сына:
Могъ плоть и духъ создать Онъ вмѣстѣ,
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесъ!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но взнесся плотью онъ святою
Въ Христѣ превъше всѣхъ небесъ.

Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи,
Незримый Свѣтъ тріпостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ⁷².
Кумировъ свергъ своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ⁷³.

Христосъ насъ Искупитель всѣхъ⁷⁴
Отъ первороднаго паденья.
Онъ свѣтъ, — тмою необъемлемъ вѣкъ⁷⁵;
Но тмится внутри сердце невѣрью⁷⁶,
Свѣтъъ на лонѣ у Отца⁷⁷.
Христа нашедши, все находимъ⁷⁸,
Эдемъ свой за собою волимъ,
И храмъ Его — святы сердца⁷⁹.

О Всесвятый! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей свои, Христе! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй⁸⁰!

Услышь меня, о Богъ любви!
Отецъ шедереть и милосердія!
Не презрь преклоншейся главы
И сердца грѣшна дерзновенія⁸¹
Мнѣ моего не ставъ въ вину,
Что изъяснить Тебя я тшился, —
У ногъ Твоихъ коль умилудися
Ты, зря съ мастикою жену⁸².

1814

⁶⁴ «Ко Евр. гл. 5, ст. 10: Наречень отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову».

⁶⁵ «Ко Евр. гл. 7, ст. 27: Елиною (жертвою) себе принесъ».

⁶⁶ «Дѣян. Апост. гл. 2, ст. 3: «И явишася имъ раздѣлени языки яко огненни».

⁶⁷ «Исаія гл. 42, ст. 3: Трости сокрушены не согреть».

⁶⁸ «Къ Римлян. гл. 2, ст. 1: Имже бо судомъ судилии друга, себе осуждаеши».

⁶⁹ «Матѣ. гл. 4, ст. 19: Градята по мнѣ, и сотворю въ ловца человѣкомъ».

⁷⁰ «Дѣян. Апост. гл. 17, ст. 22: Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага. — Тамъ же гл. 18, ст. 4: Стязашеся же на соимшихъ (иди въ синагогахъ)».

⁷¹ «Іоан. гл. 1, ст. 3: Всѣ тѣмъ быша: и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. — Къ Ефес. гл. 4, ст. 10: Сшедый и возшедый превъше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая. — Къ Колос. 1, 18: Яко да будеть во всѣхъ той первенству».

⁷² «Іоан. гл. 4, ст. 23 и 24: Егда истинни поклонники поклоняются Отцу духомъ и истиною».

⁷³ «Исаія гл. 11, ст. 4: И духомъ устенъ убьетъ нечестиваго».

⁷⁴ «Къ Галат. гл. 3, ст. 13: Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя».

⁷⁵ «Іоан. гл. 1, ст. 5: Свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма его не обьятъ».

⁷⁶ «Второе посланіе къ Кориню. гл. 4, ст. 3: Благовѣствованіе наше въ гибнущихъ есть покровено».

⁷⁷ «Іоан. гл. 1, ст. 18: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи».

⁷⁸ «Матѣ. гл. 6, ст. 33: Ищите прежде Царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ».

⁷⁹ «Послан. второе къ Кориню. гл. 6, ст. 16: Вы есте церкви Бога жива».

⁸⁰ «Псаломъ 6: Слезами моими постелю мою омамъ».

⁸¹ «Послан. 2 Пав. къ Тим. гл. 3, ст. 16: Всяко писаніе Богодуховенно и полезно есть къ ученію».

⁸² «Матѣ. гл. 26, ст. 7: Приступи къ нему жена сткляницу мѣра имущи многоцѣннаго».

Письма Паломнику

1. «ЦѢНА СВЯТОСТИ»

Ваша книга, «ЦѢна святости», произвела на меня сильное впечатлѣніе, т. к. она рассказывает о томъ, какъ человѣкъ мѣняетъ свой путь въ жизни подъ благотнымъ влияніемъ святого покровительства. Ваша история уникальна тѣмъ, что вы воспринимали Вл. Иоанна какъ духовнаго учителя. А часто люди говорятъ о немъ какъ о врачевателѣ и спасителѣ отъ житейскихъ неурядищ. Людямъ такъ не хватать свидѣтельствъ духовнаго перерождения человѣка, происшедшихъ благодаря молитвамъ Вл. Иоанна. Ихъ, конечно, было много, но люди чаще вспоминаютъ, какъ получили визы и работы, излечились отъ язвы и рака. А мнѣ кажется, это уводитъ отъ главнаго чуда, которое творилъ Вл. Иоаннъ — мѣнялъ человѣка координально, приводя его изъ земныхъ координатъ къ пониманіямъ и цѣностямъ неземнаго царства, открывая завѣсу небснаго, и соприсовоененіе съ этимъ такъ волнительно и чудесно, что даже самъ фактъ того, что вы стояли у истоковъ созданія Братства, заставляетъ меня трепетать, т. к. вы сумѣли не пользоваться чудесными силами молитвы Вл. Иоанна, а проникнуться ими и реализовать эти силы на создание столь непростого подвижческаго дѣла. Спаси Богъ!

Съ уваженіемъ, *Марія Рынчикова.*

2. МНѢНІЕ МОЛОДЕЖИ

Журналъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» мнѣ очень понравился. Старорусскій шрифтъ придаетъ особую

Еп. Иоаннъ Шанхайскій, апостолъ Америки.

атмосферу: человѣкъ какъ будто переносится въ то время. Изъ прочитаннаго я былъ пораженъ первой статьей въ номерѣ 50 объ Отцѣ Тихонѣ Шаламовѣ и его приходскимъ журналомъ «По Миссіи». Видно было, какъ миссионеры, образно выражаясь, «горѣли» огнемъ вѣры. Сколько они прикладывали трудовъ къ просвѣщенію алеутовъ и другихъ коренныхъ американцевъ! Такія статьи очень полезны намъ, потому что показываютъ, что Православіе — это жизнь, служеніе Богу и ближнему. Послѣ прочтенія мнѣ захотѣлось обрѣсти именно такую крѣпкую вѣру, которая была у тѣхъ миссионеровъ. Было тяжело читать другія статьи журнала, гдѣ рассказывалось о гоненіяхъ на Православную Церковь въ тѣ времена. Мнѣ они показались немного политизированными. На мой взглядъ, конечно же, надо знать историю, и о тѣхъ страшныхъ гоненіяхъ на вѣрующихъ, но не стоитъ и осуждать людей, которые шли на компромиссы съ совѣтской властью въ то смутное время. Вообще журналъ мнѣ понравился тѣмъ, что освѣщаетъ именно быт людей — подвижниковъ вѣры. Это какъ бы связываетъ насъ незримо съ тѣми людьми и даетъ намъ шансъ почувствовать себя частью Святой Руси, идеалами которой жили наши предки, и надо жить и намъ. Спасибо за Вашъ трудъ!

Алексій Раженков.

5. ЦАРЬ НА ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ

Года четыре назадъ случилось удивительное событіе. Мы тогда жили еще на Украинѣ, въ г.

Китайское Православное Братство в Шанхай, основанное Владыкой Иоанномъ. Фотографи в день открытия Братства 10-го ноября 1935 г.

Мукачэво, Закарпатской области. Въ одинъ прекрасный день стало извѣстно, что въ Свято-Троишную церковь, гдѣ священникомъ служить мой братъ, О. Ярославъ Поповичъ, собираются привезти икону послѣдняго русскаго Царя, Новомученика Императора Николая II. На Украинѣ отношеніе къ Царю въ то время было не особенно серьезнымъ, а иногда даже и скептическимъ: какъ это Царь — мученикъ? Царь — святой? Поэтому извѣстіе о прѣизвѣ иконы не было воспринято какъ какое-то значительное событіе. Мѣстный епископъ далъ особое благословеніе, чтобы икону возили въ опредѣленные приходы. Одинъ монахъ О. Иоаннъ на автобусѣ развозилъ эту икону по приходамъ. Когда привезли икону въ нашъ приходъ, людей стеклось видимо-невидимо, что было вопреки всѣмъ прогнозамъ. Казалось, что весь городъ пришелъ посмотреть. Икона была большого размѣра, внушительная, прекрасная. Два дня находилась икона въ церкви и оба дня происходило удивительное. И я лично былъ свидѣтелемъ чуда. Привели молодую дѣвушку, лѣтъ 25-ти, хрупкую, нѣжную свиду. Если бы я увидѣлъ ее на улицѣ, я бы никогда не могъ подумать, что она можетъ такъ биться и бить, какъ было въ церкви. Пятеро сильныхъ мужчинъ съ трудомъ старались ее удержатъ: двое держали ее за ноги, двое за руки (одинъ изъ нихъ я), мой братъ священникъ держалъ ее за голову. Одной рукой своей она, можно сказать, подбрасывала меня вверхъ и внизъ. Батюшка покрывалъ ее епитрахилью и приложилъ къ иконѣ. И въ этотъ моментъ дѣвушка какъ бы свалилась безъ силъ,

переставъ биться. Послѣ этого стало слышно, какъ въ другомъ углу другая дѣвушка начала шипеть. И потомъ вела себя такъ же, и съ ней произошло то же изгльбніе.

Въ церкви же давали намъ маленькія копіи этой иконы, которыя были отпечатаны на средства вдовъ. И сказали, если кто беретъ эти иконы, то долженъ обязательно молиться передъ ними, нельзя ихъ просто держать безъ молитвъ къ Царю.

Артуръ Поповичъ, Миннеаполисъ.

6. ПОДВИЖНИКИ 20-го ВѢКА

Сто лѣтъ тому назадъ вышла серія книгъ, какъ въ зеркалѣ отражающая, какъ и чѣмъ жила Святая Русь. Епископъ Никодимомъ (Кононовъ), впоследствии и самъ ставшій новомученикомъ, въ бытность свою преподавателемъ семинаріи задаль своимъ ученикамъ собирать свѣденія о подвижникахъ благочестія въ русскомъ народѣ. Студенты собрали 14 томовъ свѣдѣній, которые вышли подъ названіемъ «Жизнеописанія Отечественныхъ Подвижниковъ Благочестія 18-19-го столѣтій». Ученики эти собирали изъ разныхъ журналовъ и книгъ краткія биографіи и разные воспоминанія, какъ о всѣми признанныхъ подвижникахъ, такъ и о малоизвѣстныхъ носителяхъ духа. Темъ самымъ, Россія обрела имена новыхъ заступниковъ за нея предъ Богомъ, какъ разъ на кануи гоненій.

И въ грянувшей катастрофѣ не удалось революціонерамъ погасить духъ Святой Руси, и неоскудевающе праведники, въ 20-мъ вѣкѣ

превратились в миллионное количество новомучеников и исповѣдников. И по тому такъ гѣненъ сейчасъ трудъ собранія свидѣній о нихъ.

Интересная современная Россія, еле поднимающаяся на ноги, имѣть здоровые корни именно въ благочестіи. И попытка современныхъ правителей помочь странѣ сохранить свое самосознаніе заключается (или должна заключаться) именно въ томъ, чтобы этотъ духъ не погасъ.

Интересны также свидѣнія о подвижникахъ благочестія и внѣ Россіи, хотя большей частью ихъ подвиги и не были замѣтны, а сами они старались скрыться отъ міра сего, дѣлая свое святое дѣло.

Особенно добрымъ словомъ хочется помянуть скромныхъ пастырей и монаховъ и даже просто міряна, подвигъ свой несшихъ въ трудныхъ условіяхъ на чужбинѣ. Какъ къ примѣру Блаженный Андрей, бесѣдовавший со своимъ ангеломъ-хранителемъ, или глуховатый диаконъ Николай Пантелѣевъ, котораго посѣщалъ самъ Прп. Серафимъ на улицахъ Бостона, или канадскіе подвижники Иеромонахъ Серафимъ Филлимоновъ и О. Александръ Мишуковъ, слышавшій ангельское пѣніе въ канунъ Пасхи передъ своей кончиной, или О. Олегъ Котивъ, Отцы Аггей, Макарій, Іоасафъ, пришедшіе изъ разныхъ обителей. Особо хотелось бы помянуть праведника Протоіерея Григорія Кравчина, получившаго откровеніе Прп. Серафима при постройкѣ храма въ Монтерей въ Калифорніи. Скромный, кроткій, усердно служившій въ богослуженіи, часто при пустомъ храмѣ, образъ котораго — благообразный съ потустороннимъ взглядомъ — вдохновилъ О. Серафима Роуза. Во Франціи изъ бѣдныхъ эмигрантовъ былъ священникъ Алексѣй, мощи котораго были обнаружены нетлѣнными при перезахороненіи. Тамъ же на берегу рѣки Луары въ пещерахъ спасался выдающийся русскій богословъ и іерархъ Епифанъ Полтавскій. А въ Южной Америкѣ лежатъ святой жизни исповѣдники — Іерархи Іоасафъ и Леонгій.

Вотъ составляющая максимумъ русскаго живого благочестія, наследники котораго и жаждущіе унаследовать его имѣютъ вдохновеніе для возрожденія Святой Руси.

О. Г. П.

7. ЧУДО ВЛАДЫКИ ІОАННА

Христосъ Воскресе! Сегодня годъ, какъ скончался мой отецъ Ю. В. Рышетицковъ, режиссеръ, сценаристъ, много лѣтъ жизни посвятившій безкорыстному собиранію фото и видео архива объ ужасахъ ГУЛАГА. Къ сожалѣнію, изъ-за совѣтскаго воспитанія онъ не былъ крещенъ и никогда не

бывалъ въ церкви. Думалъ, что не вѣрять въ Бога. Господь и молитвы св. Іоанна Шанхайскаго помогли мнѣ прилечь въ Москву за три дня до его кончины. Мы не видѣлись 8 лѣтъ, но въ тотъ день папа принять крещеніе, соборовался и причастился передъ Курской Коренной Иконой Божьей Матери и св. Владыки Іоанна Шанхайскаго. Житіе Владыки было послѣдней информашей, которую узнать мой отецъ. О Владыкѣ ему успѣла рассказать я и прибывшій въ больницу поздно вечеромъ О. Павелъ. Такъ мой папа въ немощи своей и жуткой агоніи раковаго больного изъ Юрія сталъ Георгіемъ Побѣдоносцемъ и изъ жесткаго атеиста превратился въ христіанина и скончался съ крестикомъ на груди изъ монастыря Ново-Дѣвьево, передъ иконой Курской Коренной и фотографіей-иконой улыбающагося Владыки Іоанна!

Въ то утро была родительская суббота. Я узнала о кончинѣ папы, стоя передъ воротами Курской Коренной Пустыни въ Россіи, куда приехала на съемки фильма, оставивъ папу въ Москвѣ, не ожидая столь быстрой его кончины. На слѣдующее утро была Троица! Вернувшись въ Америку, я позвонила на НТВ-Америка и дерзнула попросить сдѣлать передачу о Владыкѣ. Къ моему огромному удивленію разрѣшеніе было дано сразу. Такъ "сдѣлался" первый фильмъ мой о Владыкѣ Іоаннѣ, внепланово. Я еще не планировала монтировать собраннѣйшій у меня къ тому времени матеріалъ изъ семи городовъ США и Канады, полагаю, что сдѣлаю это, когда доснимъ въ Европѣ. Но страннымъ образомъ за 10 дней! Изъ 70-ти часовъ пленки я, плача отъ усталости, все же смогла смонтировать первый фильмъ "БОЖІИ ЧЕЛОВѢКЪ" и успѣть къ выходу программы о Владыкѣ на НТВ и фестивалю русскаго документальнаго кино въ Нью-Йоркѣ. Воистину, по Слову Божию "не вамъ знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ въ своей власти", не намъ знать время и мѣсто заранѣе.

Спасибо всемъ, кто прочтеть. Чудо Божіе, помощь неземная отъ Владыки Іоанна, соединившая меня съ папой, а главное, его съ Богомъ навѣчно, будутъ радовать сердце мое, несмотря на горечь утраты. И по этому я дѣлюсь съ вами этой исторіей, ведь она не МОЯ, а всѣхъ, какъ свидѣтельство власти Божьей надъ нашими судьбами и заступничества св. Іоанна Шанхайскаго за насъ передъ Господомъ! Особеннымъ трепетомъ переполняется душа, когда видишь воочию, какъ силою Божіею, данной святому, МѢНЯЕТСЯ ЧЕЛОВѢКЪ! Була благодарна за поминованіе и молитвы объ отцѣ моемъ Георгіи!

Спаси Богъ, *Марія Рынетицкова*

О. Григорій Кравчина.

ИГУМЕНЪ НАЗАРІЙ ВАЛААМСКІЙ. Гравюра 18-го вѣка.

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ Валаамскій Патерикъ

Игумень Назарій Преподобный Хозяинъ Валаамскій

Память 23-го Февраля (8-го Марта) (1733-1809)

В ПЕРВЫЕ это имя православный миръ широко узналъ изъ книги Геромонаха Свято-Троицкой Сергеевой Лавры и воспитанника Саровской пустыни Авеля (Ванюкова) "Краткая духовная лъствица, возводящая христiанина къ любви Божiей", изданной въ 1848 году. Затѣмъ въ 1853 году Отець Авель болѣе подробно описалъ биографiю Прп. Назарiя въ книгѣ "Общежительная Саровская Пустынь и достопамятные иноки въ ней подвизавшiеся". Въ томъ же году въ Москвѣ была издана небольшая брошюра "Старческiе наставленiя О. Назарiя, Игумена Валаамскаго, съ краткимъ сказанiемъ его жизни и подвиговъ". Достоцитимый и достопамятный воспитанникъ духовной школы Саровской пустыни, Отець Назарiй, по волю Всевышняго, прославился на берегахъ далекаго и суроваго Ладожскаго озера, какъ возстановитель пришедшей въ запустѣнiе древней Валаамской обители. А закончилъ свой земной путь въ родной киновii, оставивъ на земль непреходящую память о себѣ.

1. НАЧАЛО МОНАШЕСКАГО ПУТИ. САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

ИГУМЕНЬ Назарiй родился въ декабрь 1733 (по другимъ даннымъ 1735) года, въ селѣ Аносово Тѣмниковскаго уѣзда, Тамбовской губернii, въ семьѣ причетника. Отца его звали Кондратомъ, а мать Маврой. Въ святомъ крещенiи онъ былъ нарѣченъ Николаемъ въ честь святителя Мирликийскаго. Село, въ которомъ родился Николай, населяли великороссы; оно находилось въ 15-ти вѣстагахъ отъ города Кадома, относящагося въ то время къ Воронежской губернii и пограничнаго съ Морло-

вiей. Первое упоминанiе села относится къ 1628 году, когда изъ дубовыхъ бревенъ была построена небольшая церковь во имя Архангела Михаила.

Съ самой юности возлюбивъ Бога, Николай оставилъ миръ, и въ 1752 году, имѣя отъ роду семнадцать лѣтъ, ушелъ въ Саровскую пустынь. Выборъ обители, по всей видимости, былъ не случаенъ. Монастырь, несмотря на свой юный возрастъ, уже успѣлъ прославиться духовной и миссионерской дѣятельностью среди народовъ, населяющихъ этотъ край. Здѣсь онъ пробывъ три года. Юнога послушника Николая взялъ подъ свое духовное покровительство бывшiй Игумень Костромскаго Богородицко-Игрицкаго "Песошскаго" монастыря Варлаамъ,

находящийся на покой в Саровской пустыни. Своей постоянной молитвенной помощью и добрыми советами онъ снискалъ любовь и уваженіе саровской братіи.

Черезъ три года послѣ вступленія въ Саровскую пустынь, услышавъ о подвижнической жизни Епископа Астраханскаго и Ставропольскаго Меодія, полагавшаго начало монашеской жизни во Флорисшевой пустыни, Николай отправился въ Астрахань къ Владыкѣ, гдѣ въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ продолжилъ свое служеніе Церкви. Спустя годъ, послушникъ Николай сдѣлалъ свой окончательный выборъ и безповоротно отказался отъ мірской жизни.

20-го Декабря 1761 года, въ присутствіи Преосвященнаго Епископа Меодія, Николай былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Назарій. 22-го Октября 1762 года, О. Назарій былъ рукоположенъ Еп. Меодіемъ во іеродиакона. При епископѣ онъ несъ послушаніе келейника. Впоследствии въ своихъ письмахъ въ Саровскую пустынь Владыка Меодій называетъ его своимъ воспитанникомъ. Но "градскій", т. е. расположенный въ городѣ, среди разлука мірскихъ страстей, Спасо-Преображенскій монастырь не могъ сравниться по степени пустынножительства, безмолвія, къ которому тянулся О. Назарій, съ Саровскою пустынью, съ которою онъ не порывалъ связи всѣ эти годы черезъ переписку со своимъ саровскимъ наставникомъ Варлаамомъ*.

8-го Сентября 1764 года, получивъ увольненіе изъ Астраханской епархіи, Отецъ Назарій возвратился въ Саровскую пустынь, во главѣ которой стоялъ уже Іеромонахъ Ефремъ. Владыка Меодій не забывалъ своего келейника Назарія и писалъ ему душевные письма. Въ 1765 году Преосвященный присылаетъ въ Саровъ довѣренное лицо, келейнаго послушника Мирона, специально для изученія устава и чина монастыря. Получивъ списокъ устава, онъ устроилъ въ Астраханской епархіи три пустынныхъ монастыря и завелъ тамъ уставъ Саровской пустыни.

Возвратившись въ Саровскую пустынь, Отецъ Назарій несъ послушаніе, исполняя череду священнослуженія въ церкви, имѣя клиросное послушаніе, а также шилъ для братіи камилавки. Вѣроятно, въ это

время О. Назарія начинаетъ привлекать пустынножительство. Иначе чѣмъ можно объяснить происшествіе, которое произошло 4-го Мая 1770 года. Іеродиаконъ Назарій бѣжалъ изъ монастыря и только спустя полтора мѣсяца пустынного жительства въ шалашѣ онъ добровольно явился въ монастырь.

Братія Саровской пустыни разносила саровское благочестіе и была желанной во многихъ обителяхъ Россійской имперіи. Въ 1772 году въ числѣ другихъ саровскихъ иноковъ настоятель отправилъ О. Назарія для возрожденія Арзамаской Высокогорской пустыни.

Епископъ Астраханскій Меодій
(1700 - 1776)

По возвращеніи въ Саровскую обитель въ 1776 году Отецъ Назарій былъ посвященъ во іеромонаха Епископомъ Владимірскимъ и Муромскимъ Іеронимомъ. Строгое исполненіе иноческаго устава было всегдашней заботой Отца Назарія. Онъ велъ постническую и нестяжательную жизнь, и вскорѣ къ Іеромонаху Назарію начинаютъ обращаться за духовнымъ попеченіемъ братія монастыря и пріѣзжіе богомольцы.

Пути Прп. Назарія къ подвигу возобновителя Валаамскаго монастыря пролегалъ черезъ другую сѣверную обитель — Соловецкій монастырь. Въ одномъ изъ дѣлъ обнаружена интересная записка объ Іеромонахѣ Саровской пустыни Іоакимѣ, который "монахомъ странствовалъ съ Отцомъ Назаріемъ въ Соловецкій островъ (въ 1780 году), въ коемъ въ имѣю-

щемся тамъ Анзерскомъ скиту жили всю зиму и въ сію пустынь оттуда паки возвратились". Важно упомянуть, что въ эти годы (1774-1783) на Соловкахъ находился въ ссылке по ложному доносу Санктскаскій Ігуменъ Феодоръ, и два саровскихъ воспитанника и духовныхъ единомышленника — Назарій и Феодоръ — не могли тамъ не встрѣтиться.

Въ Іюль 1781 года Отецъ Назарій пишетъ прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ отправить его вмѣстѣ съ другимъ саровскимъ монахомъ Іоакимомъ и семью послушниками въ Анзерскій скитъ для основанія тамъ общежительнаго пребыванія. Объ этомъ стало извѣстно Митрополиту Санктъ-Петербургскому и Новгородскому Гавріилу (Петрову), ревнителю истиннаго монашескаго житія, основаннаго на общежительномъ уставѣ. Владыка ратовалъ за устроеніе такихъ правилъ въ своей епархіи. Иноки Саровской пустыни, воспитанные на положеніяхъ общежительнаго устава, какъ нельзя кстати, заявили о себѣ сами.

*Тотъ самый Ігуменъ Варлаамъ, у котораго келейникомъ былъ 12-лѣтній Германъ, будущій Аляскинецъ.

Саровская пустынь.

Въ началѣ 1781 года въ письмѣ къ строителю Саровской пустыни Иеромонаху Пахомію Митрополитъ Гавріиль просилъ о высылкѣ Иеромонаха Назарія для возстановленія Валаамскаго монастыря и для заведенія въ ономъ устава Саровскаго. Отецъ Пахомій не хотѣлъ отпускать опытнаго монаха, и Отца Назарія представлялъ какъ челоѵка малолумнаго и неопытнаго въ духовной жизни. Преосвященный Гавріиль проникъ въ тайну смиренія Назаріева. "У меня много своихъ умниковъ, — отвѣчалъ онъ Отцу Пахомію, — пришлите мнѣ вашего глуша". Такимъ образомъ, Отцу Пахомію невольнo пришлось отпустить смиреннаго подвижника, избраннаго Промыслomъ Божиимъ черезъ архипаштера въ оружіе къ возстановленію древняго Валаама.

Указомъ Консисторіи отъ 7-го Марта 1782 года Отца Назарія назначаютъ строителемъ Валаамскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ игумена. Въ грамотѣ, данной Отцу Назарію, Митрополитъ Гавріиль объясняетъ, что "островъ Валаамъ, по пустыню положенію своему и святости жизни первыхъ своихъ труженниковъ, самимъ Промыслomъ Божиимъ опредѣленный къ пребыванію въ немъ иноковъ,

требуетъ возстановленія селеній праведныхъ на непреложныхъ правилахъ, существующихъ въ Саровской пустыни, и тѣмъ самымъ принесенія жертвы Спасителю".

2. НАСТОЯТЕЛЬ ВАЛААМСКАГО МОНАСТЫРЯ

При вступленіи Отца Назарія въ должность настоятеля въ монастырь не было ни одного іеромонаха, кромѣ него самого, а единственный монахъ и двое бѣлыхъ священниковъ, изъ которыхъ состояло все братство, по несчастному случаю утонули, такъ что около года Отецъ Назарій одинъ совершалъ богослуженіе. Къ тому времени монастырь пребывалъ въ запустѣніи. По воспоминаніямъ паломниковъ монастырскіе строенія представляли весьма печальную картину.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ настоятеля было упраздненіе ярмарки, проходившей на Валаамѣ каждый годъ въ июль мѣсяцѣ. Въ прошеніи Отца Назарія Митрополиту Новгородскому и Санктъ-Петербургскому Гавріилу говорится, что при ярмаркѣ бываеъ винная торговля, отъ которой въ обители

производится сильный беспорядокъ, особенно во время богослуженія слышны нестройные крики, пѣнье пѣсенъ и пляски. При содѣйствіи Митрополита Гавріила въ 1782 году послѣдовалъ Указъ Санктъ-Петербургской консисторіи объ упраздненіи ярмарки и запрѣтъ на винную торговлю.

Отецъ Назарій дѣятельно занялся въ монастырѣ строительствомъ. Онъ составилъ планъ каменнаго монастырскаго зданія съ кельейными корпусами, разположенными четырехугольникомъ. Планъ былъ утвержденъ Митрополитомъ Гавріиломъ 10-го Февраля 1785 года и въ течение восьми лѣтъ, съ помощію благотворителей, всѣ монастырскія постройки были

возведены. На восточной сторонѣ возвышался каменный двухэтажный пятиглавый соборъ съ обитыми жезью крестами, а надъ папертью его поднимался 18-ти саженная колокольня. По обѣимъ сторонамъ собора надъ монастырской кровлей подымались кресты и главы Успенской и Никольской церкви. При закладкѣ собора съ церковью въ нижнемъ этажѣ во имя Преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ надъ настѣнными ихъ мошами было откровенеіе будущему Игумену Иннокентію. Возвратясь отъ заутренни, онъ вздремнулъ въ своей келии, и во время этого краткаго сна Господь сподобилъ его видѣть знаменіе того, что создаваемый храмъ есть жертва Богу приятная. Старецъ видѣлъ необычайное стеченіе народа въ монастырѣ; всѣ ожидали прибытія Высочайшаго освященнѣйшаго Митрополита Гавріила для положенія основнаго камня. Вскорѣ явился самъ Владыка, облаченный въ мантию и съ жезломъ архіерейскимъ въ рукѣ. По обѣ его стороны шли два свѣтолюбивыхъ схимника. Приблизясь къ мѣсту, гдѣ почіють многоцѣлебныя моши Преподобныхъ Сергія и Германа, они остановились, осѣнили крестнымъ знаменіемъ святую могилу и все пространство, предназначенное подъ строеніе, — и стали невидимы.

Отецъ Иннокентій, проснувшись, тотчасъ же повѣдалъ настоятелю, Игумену Назарію, о видѣніи своемъ. Мудрый старецъ уразумѣлъ въ этомъ видѣніи благоволеніе Валаамскихъ чудотворцевъ къ возобновленію древней ихъ обители, а въ сновидѣніи позналъ прѣмника и дѣятельнаго продолжателя своего подвига.

Нижняя церковь собора во имя Преподобныхъ отецъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ, была освящена въ 1789 году. Для скитской братіи въ полутора верстахъ отъ монастыря были построены шесть каменныхъ небольшихъ келій и среди нихъ небольшая каменная церковь.

Въ 1789 году Игуменъ Назарій обратился къ Митрополиту Гавріилу съ просьбой о строительствѣ новой каменной церкви въ скиту. Въ своемъ письмѣ онъ объяснялъ исторію возникновенія скита: «Когда въ обители нашей жилъ Преподобный Александръ Свирскій, имѣлъ уединенную келію не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря, гдѣ послѣ того построена

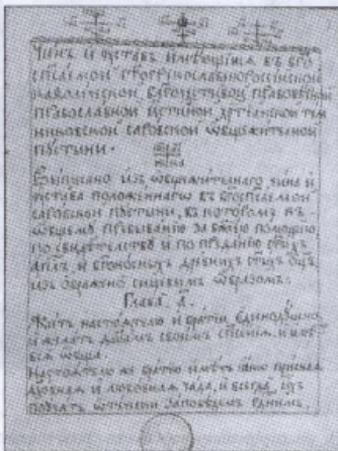
была деревянная церковь во имя его, которая отъ долговременнаго стоянія разрушилась, но чтобы оное мѣсто не пришло въ забвеніе, то желаемъ на ономъ мѣстѣ построить каменную небольшую церковь во имя Всѣхъ Святыхъ». Въ 1793 году въ обители были освящены два храма: скитскій во имя Всѣхъ Святыхъ и во внутреннемъ монастырскомъ карѣ справа отъ входа въ Святые врата — во честь Святителя Николая Чудотворца.

Тогда же вблизи монастыря были построены два каменныхъ дома для рабочихъ, каменный домъ для пріема странниковъ и каменная пустынная келія для Игумена Назарія — мѣсто духовнаго отдохновенія старца отъ тяжелыхъ трудовъ настоятельства. Въ томъ же году по Высочайшему повелѣнію въ монастырѣ была

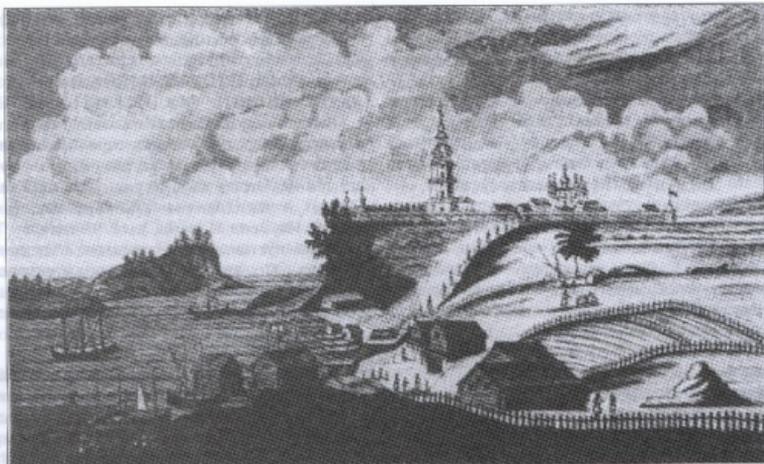
учреждена епархіальная больница на пять человѣкъ.

Въ 1794 году состоялось освященіе Спасо-Преображенскаго собора и пріидла его во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, а въ 1796 году, по перестройкѣ, — храма Успенія Пресвятой Богородицы, который завершалъ четырехугольное внутреннее каре. Благодаря попеченію Отца Назарія обитель Валаамская возродилась изъ запустѣнія.

Игуменъ Назарій придавалъ большое значеніе не только внѣшнему строительству монастыря, но и устройству внутренней жизни. По волѣ Митрополита Гавріила Отецъ Назарій ввелъ въ монастырѣ общежительный уставъ по образцу Саровской пустыни. Его стараніями и молитвами было введено строгое уставное богослуженіе, а также три вида монашеской жизни: общежительная, скитская и пустынная. Самъ игуменъ въ монастырѣ имѣлъ отшельническую келію, въ которую иногда уединялся для сугубой молитвы.

Уставъ Саровской пустыни.

Валаамский монастырь в 18 вѣкѣ.

5-го Марта 1786 года, по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины II, Валаамскій монастырь былъ включенъ въ число штатныхъ монастырей 3-го класса съ игуменскимъ настоятельствомъ.

3. ВАЛААМСКОЕ БРАТСТВО

Со вступленіемъ Отца Назарія въ управленіе Валаамскимъ монастыремъ начинается эпоха внутреннего возрожденія обители. Извѣстность добродѣтельной жизни въ скоромъ времени собрали на Валаамъ подлѣ мудрое управленіе Отца Назарія братію. Въ 1790 году братство обители составляло 12 человекъ, изъ нихъ четыре іеромонаха и два іеродіакона. Но уже черезъ шесть лѣтъ братство возросло до 50-ти человекъ. Это превзошло ожиданія самого Старца Назарія, который, нашедши монастырь почти безъ братства, считалъ за особенную милость Божію, если соберется къ нему братія человекъ до тридцати.

Подлѣ духовнымъ руководствомъ Отца Назарія было воспитано немало подвижниковъ, воплотившихъ въ своей жизни лучшіе черты старца: дѣятельный настоятель и въ то же время строгій аскетъ — Архимандритъ Макарій, настоятель Соловецкаго монастыря; любители пустынного безмолвія и дѣлатели молитвы — Іеросхимонахъ Никоипенерникъ, Схимонахъ Кириакъ, Схимонахъ Николай, Ігуменъ Варлаамъ; продолжатели старчества и духовнаго окормленія братіи — Іеросхимонахъ Евфимій, близкій ученикъ Іеромонахъ Иларіонъ, духовникъ Саровской пустыни.

Ученики старца вспоминали, что между братіей Отецъ Назарій ввелъ строгій порядокъ монашеской жизни. Болѣе же всего требовалъ онъ смиренія, какъ основнаго камня христіанскихъ добродѣтелей, согласно слову Евангелія: *Блаженны нищѣ духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное* (Мф. 5,3). И желая дѣйствовать не одними только словами, но и примѣромъ, онъ трудился наравнѣ съ прочими: рылъ гряды, самъ ѣздилъ за сборомъ, лечилъ, навѣщалъ больныхъ и печальныхъ, беспрестанно училъ братію, объясняя имъ слово Божіе. Онъ основалъ также скитъ неуспеваемыхъ, гдѣ нѣсколько отшельниковъ попеременно день и ночь читали Псалтирь по усопшимъ. Зная же, что самонадѣянность и увѣренность въ собственной святости часто возмущаетъ умы не только простыхъ иноковъ, но и схимниковъ, постановилъ, чтобы всѣ они во избѣжаніе духовной гордости, исповѣдывали ошибки и тайные помыслы свои другъ другу. Были такіе случаи, что изъ любви къ ближнему, отшельники иногда силою проникали въ келліи своихъ собратій и заставляли ихъ сознаться въ своемъ обольщеніи, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія и почитали себя въ высшей степени созерцанія.

Смиренный самъ, Отецъ Назарій и всѣхъ приходившихъ къ нему за помощію и наставленіями училъ прежде всего смиренію. Келейникъ Митрополита Гавриила, Архимандритъ Теофанъ (Соколовъ) такъ вспоминалъ объ Отцѣ Назаріи: "Просвѣщенный Гавриилъ спросилъ однажды Отца Назарія, кто у него хуже всѣхъ? Онъ отвѣчалъ: "Всѣ хороши". — "Увели-

то нѣтъ никого худого?" — "Владыко святой, я одинъ".

Случилось О. Назарію ѣхать черезъ одно селеніе, играютъ дѣти: онъ остановился, созвалъ ихъ и спрашиваетъ: "Что, кто изъ васъ лучше всѣхъ?". Дѣти указали на одного мальчика: "Вотъ этотъ лучше всѣхъ!" — "Почему?" — спрашиваетъ онъ. "Онъ смиренъ, — отвѣчаютъ ему, — ты его бранишь, а онъ ничего". — "Такъ и вы перенимайте у него", — сказалъ О. Назарій.

Онъ жилъ въ пустынѣ семь лѣтъ, — я бывалъ у него. Онъ сапоги по шести лѣтъ нашивалъ, платье носилъ рубищное. Въ пустынѣ ему страшнѣе являлись. Онъ рассказывалъ, что однажды пришла ему мысль насыать репы: вотъ, дескать, будутъ приходить усердствующіе, брать ея и получать исцѣлѣнія. Какъ только онъ это подумалъ, вдругъ почувствовалъ, что кто-то ударилъ его какъ будто палкою по головѣ, и такъ сильно, что онъ не могъ на ногахъ удержаться, упалъ, и почувствовалъ сильный смрадъ и зловоніе въ воздухѣ, и кое-какъ, ползкомъ, до обители дошелъ".

По порученію Святѣйшаго Синода въ 1794 году Игуменъ Назарій изъ числа валаамскаго братства благословилъ на трудный путь миссіонерскаго служенія на далекихъ Алеутскихъ островахъ восемь ревностныхъ и способныхъ иноковъ. Въ ихъ числѣ былъ и Преподобный Германъ Аляскинскій, который писалъ Игумену Назарію письма какъ своему начальнику и другу.

Благодаря непоколебимому основанію, zaloженному Отцомъ Назаріемъ, Валаамская обитель въ серединѣ XIX столѣтія достигла своего развѣтвѣ. Святитель Игнатій Брянчаниновъ, посѣтившій Валаамскій монастырь, такъ писалъ объ обители въ 1846 году: "По устройству своему, въ монашескомъ отношеніи, Валаамскій монастырь — вѣрный снимокъ съ монастырей первенствующей Церкви христіанской. Онъ имѣетъ монашествующихъ всѣхъ видовъ Восточной Православной Церкви, имѣетъ и общежитіе, и скитъ, и пустынниковъ, и отшельниковъ".

Въ началѣ XX вѣка въ монастырѣ насчитывалось уже болѣе тысячи насельниковъ. Валаамъ воспиталъ множество подвижниковъ — безмолвныхъ пустынниковъ, кроткихъ, смиренныхъ, пламеннѣющихъ любовью къ Богу молитвенниковъ, обязанныхъ своимъ духовнымъ преуспѣяніемъ Игумену Назарію, который и понынѣ не оставляетъ своей обители

молитвеннымъ предстательствомъ, ходатайствуя у Престола Божія о нынѣшнемъ ея братствѣ.

4. ПОПЕЧЕНІЕ ИГУМЕНА НАЗАРІЯ О ВОЗРОЖДЕНІИ РОССІЙСКИХЪ ОБИТЕЛЕЙ.

Вѣлѣдъ за Валаамскимъ монастыремъ Митрополитъ Гавріилъ началъ преобразовывать по общежительному уставу и нѣкоторые другіе монастыри. Въ этомъ дѣлѣ Игуменъ Назарій былъ ему добрымъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Такъ, стараніями Игумена Назарія, въ 1795 году, въ Троице-Сергіевой пустыни былъ заведенъ общежительный порядокъ. Со временемъ, общежительное житіе сложилось въ десяти монастыряхъ Новгородской и двухъ монастыряхъ Санктъ-Петербургской епархій.

По порученію Митрополита Гавріила Отецъ Назарій иногда объѣзжалъ общежительные обители. Послѣ очередной такой поѣздки Отецъ Назарій докладывалъ: "По волѣ Вашего Высокопреосвященства въ прошломъ и нынѣшнемъ 1796 годахъ былъ я во многихъ общежительныхъ монастыряхъ, въ коихъ слышалъ отъ настоятелей жалобы на новопостриженныхъ монашествующихъ, что многіе по постриженіи, не выжили въ томъ монастырѣ года, переходятъ въ другой монастырь, а при томъ и безъ согласія настоятеля, но и тѣмъ бывають недовольны, и въ томъ поживше полгода, просятъ въ третій, чего какъ въ нашемъ Валаамскомъ, такъ и въ новгородскихъ монастыряхъ происходитъ довольно; отъ чего происходитъ неуройство и дѣлаются неспособными къ продолженію монастырской жизни. Того ради прошу повелѣть особымъ Вашимъ приказаніемъ снабдить всѣ общежительные монастыри Санктъ-Петербургской и Новгородской епархій, чтобы по постриженію монаху въ томъ монастырѣ жить неотмѣнно три года; по прошествіи же трехъ годовъ, хотя переведенъ будетъ въ другой, но и въ томъ также долженъ жить три же года, отъ чего и можетъ быть каждый монастырь въ соответствующемъ благосостояніи; а равно и монахъ, выжили на одномъ мѣстѣ три года, удобнѣе можетъ быть къ продолженію монашеской жизни. Переводить же изъ монастыря въ другой, какъ по желанію просителей, такъ и по волѣ обоихъ монастырей настоятелей. А паче чаянія окажутся таковыя, кои будутъ дѣлать неблагопристойные поступки, какъ то противятся настоятелю и съ прочими ходятъ въ ссоры, а другіе и пьянствуютъ, отъ чего навоятъ на все монашество подозрѣніе и бесчестіе; таковыхъ повелите при

Игуменъ Назарій настаивалъ въ валаамцевъ-миссіонеровъ перелѣтъ отъѣздомъ на Аляску. Справа на тѣло сидитъ Игуменъ Назарій, Ювеналій, Иоасафъ, а сзади стоитъ Германъ.

рапортахъ высылать для препровождения въ Соловецкій монастырь, гдѣ могутъ быть удобнѣе смиряемы¹. По благословенію Митрополита Гавриила Консисторія разослала такое предписание по всемъ монастырямъ. Дѣятельно проходя монашескую жизнь, Отецъ Назарій хорошо зналъ и понималъ нужды современнаго ему монастыря. Въ дѣлѣ авоискаго Иеромонаха Арсенія сохранилась докладная записка къ митрополиту Гавриилу, въ которой говорится, что Вылаемскій Игуменъ Назарій проситъ напомнить въ Святейшемъ Синодѣ: объ учрежденіи въ Курскомъ Коренномъ общежительномъ монастырѣ больничнаго штата; объ утвержденіи синодальными указами общественныхъ заведеній въсѣхъ общежительныхъ монастырей и пустынь.

5. ИЗДАНИЕ "ДОБРОТОЛЮБІЯ"

Въ XVIII вѣкѣ Синодальная типографія Россіи выпускала исключительное богослужебную литературу и проповѣди. Однако монашествующимъ въ возрождающіеся обители необходимо было еще имѣть вѣрнѣйшее руководство на пути спасенія — творенія святыхъ отцовъ. Игуменъ Назарій, прилагавшій всѣ усилія для возрожденія русскаго монастыря, понималъ, какъ были необходимы такія книги. Въ Россіи переводы твореній святыхъ отцовъ имѣлись лишь въ немногочисленныхъ рукописяхъ. Великое сокровище, сокрытое въ писаніяхъ святыхъ отцовъ, необходимо было сдѣлать общимъ достояніемъ.

Отецъ Назарій возмѣталъ къ этому дѣлу великую ревность. Его сподвижникъ — Архимандритъ Феофанъ* (впоследствии къ нему присоединился и Иеромонахъ Филаретъ**, воспитанникъ Саровской

*Архимандритъ Феофанъ, въ міру Федоръ Соколовъ (1752—1832), въ теченіе 36-ти лѣтъ управлялъ Кирилло-Новоозерскимъ монастыремъ. Въ молодости оный келейничалъ у Старца Досіея (Дарья Тяпкина), подвизавшагося въ Китаевой пустыни. По его благословенію Феофанъ побывалъ въ Молдавіи — центрѣ духовнаго возрожденія, которое возглавлялъ Паисій Величковскій. Блаженный старецъ Досіей послалъ его по возвращеніи въ Соловецкій монастырь, гдѣ оный ввелъ уставы Старца Паисія и которые были къ тому времени забыты на Руси. Впоследствии келейникъ С.-Петербургскаго Митрополита Гавриила. Также Архимандритъ Феофанъ былъ духовникомъ Игумены Феофании (Готовицовой). Въ 1829—1830 годахъ въ этой обители подвизался послушникомъ Димитрій Брянчаниновъ (будущій Святитель Игнатій), котораго привлекла сюда возможность общенія съ живущимъ на покой Архимандритомъ Феофаномъ.

**Иеромонахъ Филаретъ, въ схимѣ Феодоръ (1758—1842). 13-ти лѣтъ поступилъ въ Саровскую пустынь. Въ 1785 году постриженъ въ монашество. Въ 1789 году рукоположенъ во иеромонаха въ Александровскомъ монастырѣ. Съ 1794 года въ Новоспаскомъ монастырѣ, избранъ братскимъ духовникомъ.

пустыни) много рассказывать ему о великомъ Старцѣ Паисіи (Величковскомъ) и о его переводахъ святыхъ отцовъ.

Для того, чтобы получить переводы твореній святыхъ отцовъ, они писали къ Старцу Паисію, черезъ Архимандрита Феофанія^{***}, въ 1780—82 годахъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу Преподобный Паисій съ полной откровенностью изложилъ въ письмѣ исторію своихъ занятій переводами книгъ отеческихъ, исторію, которая возбуждала невольное удивленіе къ его необыкновенному трудолюбію и терпѣнію въ преодоленіи всевозможныхъ трудностей, которыя постоянно встрѣчалъ онъ при своихъ занятіяхъ и которыя могла побѣдить только его непреодолима любовь къ отеческимъ твореніямъ. Въ письмѣ Старецъ Паисій со смиреніемъ признаетъ, что всѣ его переводы далеки отъ совершенства и потому неудобны для переписки, тѣмъ болѣе для печати. Отказъ этотъ свидѣтельствуеетъ о глубокомъ благоговѣннн Отца Паисія къ твореніямъ великихъ христіанскихъ мыслителей и духовныхъ подвижниковъ и о томъ, какъ мало цѣнилъ онъ свои собственные труды по ихъ переводу. Но вполне уважая благочестивое желаніе Отца Феофанія приобрести для обители переводы назидательныхъ отеческихъ книгъ, какъ лучшее пособіе для преуспѣянія братія въ духовной жизни, онъ старался указать ему вѣрнѣйшій путь къ достиженію этой цѣли. Онъ извѣщалъ, что бывшій коринфскій Митрополитъ Макарій — великій любитель книгъ, тщательно отыскивалъ на Аѳонѣ исправнѣйшіе списки многочисленныхъ отеческихъ твореній и, составивъ такимъ образомъ замѣчательное собраніе, отправился въ Венецію, чтобы напечатать эти труды, и приводить это дѣло къ окончанію.

Предпріятію Владыки Макарія Старецъ Паисій придавалъ важное значеніе и настоятельно просилъ Отца Феофанія позаботиться о приобретеніи его драгоценныхъ изданій. Черезъ это, по мнѣнію

На слѣдующій годъ былъ по болѣзни освобожденъ отъ всѣхъ должностей. Въ 1826 году Иеромонахъ Филаретъ былъ келейно постриженъ въ схиму. Обладая въ высокой степени духовными дарами мудраго совѣта и прозорливости. Преставился ко Господу 27-го Августа.

***Архимандритъ Феофанія (въ міру Феодоръ Масловъ). Родился въ городѣ Глуховѣ Черниговской губерніи. Первоначально поступилъ въ Свенскій монастырь, откуда ушелъ въ Молдавію, къ извѣстному Старцу Василію (1767), ученикомъ котораго былъ и Старецъ Паисій (Величковскій). Въ 1767—1778 годахъ О. Феофанія настоятельствомъ въ Тясминскомъ и Мерлопольскомъ монастыряхъ. Въ 1779 году оный былъ назначенъ настоятелемъ въ Молчанскую Софроніеву пустынь, для возобновленія монашеской жизни. Здѣсь онъ ввелъ общежительный уставъ Аѳонской Горы. Преставился ко Господу 9-го Декабря 1802 года.

Преподобного Паисія, оказано было бы великое благодеяние не только российскому иносчеству, но и всему православному славянскому миру.

Именно так, как указывал Преподобный Паисій, и поступил Отец Θεолосій: По выходе из святы книги "Добротолюбіе" в Венсїи онъ прибрѣлъ ее и передалъ, какъ называетъ ихъ Старецъ Паисій, "богоизбраннымъ и богодуховеннымъ мужамъ, которые горятъ неизрѣченной любовью Божіею къ такимъ книгамъ", — Отцу Назарію и Отцу Θεофану. По получении этихъ книгъ Игуменъ Назарій, следуя совѣту Старца Паисія, обратился къ Митрополиту Платону, ректору Московской духовной академіи, съ просьбой о переводѣ "Добротолюбія". По благословенію Митрополита Платона эта работа была поручена переводчику, учителю греческаго языка въ Троице-Сергіевой семинаріи Якову Дмитріевичу Никольскому, отличающемуся превосходнымъ знаніемъ греческаго языка. Игуменъ Назарій предлагала издать всю книгу "Добротолюбіе", состоящую изъ сорока книгъ, однако переведены были лишь двадцать шесть.

При изданіи "Добротолюбія" были использованы переводы какъ Старца Паисія, такъ и другіе переводы. Въ переводахъ Старца Паисія встрѣчавшіеся трудные для разумія выраженія замѣнялись болѣе ясными и общепонятными. Надъ изданіемъ трудились, какъ свидѣтельствуеъ преданіе, Игуменъ Назарій, Архимандритъ Θεофанъ, тогда еще іеродіаконъ Александро-Невскаго Лавры, и Схимонахъ Аванасій. "Они, — говорилъ Митрополитъ Гавріиль персводчикамъ, — хотя и не знаютъ такъ, какъ вы, греческаго языка, но лучше васъ знаютъ изъ опыта духовныя истины, непостижимыя однимъ только книжнымъ ученіемъ, и потому правильнѣе васъ могутъ понимать смыслъ наставленій, содержащихся въ этой книгѣ". Въ февралѣ 1791 года Іеромонахъ Филаретъ и Схимонахъ Аванасій были опредѣлены на Новгородское архіерейское подворье, гдѣ и проживали, трудясь надъ переводами. Іеромонахъ Филаретъ, являясь повѣреннымъ Игумена Назарія, выдавалъ переведенныя книги для освидѣтельствованія Архимандриту Авраамію. Къ нимъ присоединился Іеромонахъ Меводій, посланный Игуменомъ Назаріемъ для окончанія печатанія "Добротолюбія". Въ 1797 году и самъ Отецъ Назарій прибылъ для окончанія второго тома "Добротолюбія". Также помощникомъ Отца Назарія былъ

наѣстникъ Новоспасскаго монастыря Іеромонахъ Александръ.

Въ 1792 году Игуменъ Валаамскаго монастыря Отецъ Назарій подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ съ просьбой объ изданіи "Добротолюбія" на свой коштъ, то есть на свои средства.

"Изъ напечатаной 1782 года въ Венсїи еллиногреческой книги Филокаїа, именуемой по-славянски Добротолюбіе, священнотрезвїиныхъ разныхъ отеческихъ сорока книгъ, съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Высокопресвященнѣйшаго Платона Митрополита, въ семинаріи Свято-Троице-Сергіевой Лавры, собетвеннымъ моимъ издженіемъ на славинскій языкъ нынѣ переведены шесть книгъ, а именно: первая — Преподобнаго Антонія Великаго "О правахъ чловѣческихъ и благомъ дѣяніи", вторая — Святаго Исаяи отшельника "О благоговѣнїи ума", третья — Преподобнаго Исихія Іерусалимскаго "О добродѣтели трезвѣнїи отъ помысловъ", четвертая — Никифора монаха "Слово о трезвѣнїи и храненїи сердца", пятая — Преподобнаго Симеона Новаго Богослова "Слово о вѣрѣ и трехъ образѣхъ молитвы и вниманїа", шестая — Еварїя монаха "О образѣ монашескаго подвижничества, и о различїи страстей и помысловъ, и о трезвѣнїи", которая

Митроп. Гавріиль Петербургскій.

Святѣйшему Правительствующему Синоду и представлены при семь. Да сверхъ оныхъ иновѣ еще переводятся нижеслѣдующія книги: первая — Преподобнаго и Богоноснаго отца Марка Подвижника "О законѣ духовномъ", вторая — Преподобнаго Григорія Синаита "О страстяхъ, добродѣтеляхъ, безмолвіи и молитвѣ", третья — святаго Максима Капсосокаливита "Вопросы и отвѣты о молитвѣ", четвертая — "Лѣстница" Θεофана монаха о благодати, пятая — Преподобнаго Филофоя Синайскаго "О трезвѣнїи и храненїи сердца", шестая — Блаженнаго Θεополита Филалейфійскаго "О уединенномъ житїи и о молитвѣ", седьмая — Блаженнаго Каллиста Патріарха "О молитвѣ", восьмая — иноковъ Каллиста и Игнатія Ксанфопуловъ "О молитвѣ и просвѣщенїи сердца", девятая — Преподобнаго Петра Дамаскина двѣ книги: первая — "О вниманїи, блаженствѣхъ, о тѣлесномъ и духовномъ длѣтанїи"; вторая, въ 24-хъ словахъ по алфавиту, — "О добродѣтеляхъ". Итого десять книгъ, которыя въ непродолжительное время окончены быть имѣють".

Разсмотрѣвъ прошеніе Игумена Назарія, Святѣйшій Синодъ на своемъ засѣданїи отъ 22-го Марта

1792 года вынесъ слѣдующее рѣшеніе: "Обозначенная изъ еллиногреческаго подъ именемъ Филокаліи, то есть Добротолібіе, переведенныя уже на руссійскій языкъ шесть книгъ въ тетрадахъ отослать въ Московскую Святыишаго Синода контору при указѣ съ тѣмъ, чтобы какъ сіи нынѣ посылаемая, такъ и переводимыя еще десять по представленіи ихъ, для освидѣтельствованія съ греческимъ оригиналомъ, поручены были Московскаго Ставропигіальнаго Законоохранскаго монастыря Архимандриту и Московской Академіи ректору Меовдію; и когда по тому освидѣльствованію къ изданію сихъ книгъ въ печать никакого сомнѣнія не окажется, тогда и напечатать ихъ въ Московской Синодальной типографіи церковными литерами безъ киновари въ два завода на коштъ помянутаго Назарія дозволить".

Со времени указа прошло девять мѣсяцевъ, но разсмотрѣніе выполненныхъ переводовъ почти не двигалось. Обеспокоенный этимъ обстоятельствомъ Отецъ Назарій обратился вновь въ Синодъ съ прошеніемъ поручить эту работу Архимандриту Авраамію, настоятелю Ростовскаго Яковлевскаго монастыря. Указомъ Святыишаго Синода это было дозволено.

21-го Января 1793 года Игумень Назарій подаль слѣдующее прошеніе, въ которомъ сообщалъ о томъ, что "переведены книги: Преподобнаго отца Кассіана Римлянина "Объ осьми начальнѣйшихъ злобы помыслахъ и о разсужденіи", Преподобнаго отца Феодора Эдесскаго "Дѣятельная главизны и слово о умозрѣніи", Блаженнаго пресвитера Иліи Екдикна "Нравственный и о молитвѣ главизны", Блаженнаго Діадоха, епископа Фотикійскаго "Дѣятельныя главизны", Преподобнаго Симеона Новаго Богослова "Дѣятельныя главизны", ученика его, Преподобнаго отца Никиты Стѣфата "Дѣятельныя и объ очищеніи ума, и о любви главизны", слово Блаженнаго Каллиста Тиликуды "О безмолвномъ пребываніи", которая также желанно напечатать безъ отдѣленія еще съ тѣми прежде переведенными и печатаемыми, вновь прося, чтобы ихъ освидѣльствованіе было поручено Архимандриту Авраамію".

3-го Февраля 1793 года Отецъ Назарій сообщалъ въ Синодъ, что, "переводятся: Преподобнаго отца Нила Подвижника "О молитвѣ" и слово подвижническое" Преподобнаго отца Іоанна Карпафійскаго "Увѣщательныя глава и слово подвижническое", иже во святыхъ Максима Исповѣдника "О молитвѣ" и богословіи по смотрѣніи Сына Божія", Аввы Фили-

мона "Слово зело полезное", Блаженнаго Каллисита Катафигата "О Божественномъ соединеніи и умозрѣніи". Того ради Святыишій Правительствующій Синодъ всенижайше прощу переведенныя 5 книгъ поручить О. Авраамію".

11-го Мая 1793 года въ Москвѣ въ Синодальной типографіи вышелъ переводъ "Филокаліи" подъ названіемъ: "Добротолібіе, или Слова и главизны свѣшеннаго трезвѣнія, собранныя отъ писаній святыхъ и богодухновенныхъ отецъ, въ немже нравственнымъ по дѣянію и умозрѣнію любодуміемъ умъ очищается, просвѣщается и совершенъ бываетъ. Переведено съ еллиногреческаго языка".

Въ предисловіи содержится обращеніе къ читателю: "О возлюбленный читатель! Составивъ настоящая книга, сокровищница трезвѣнія, стражище ума, таинственное училище молитвы, книга дѣятельности, изящное изображеніе, къ видѣнію неспрестное путеводительство, рай отецъ, добродѣтелей златая нѣва, книга — частое разлагольствованіе ко Исусомъ..." И далѣе: "...приндите вси, елицы званія православнаго причастицы есте, мірстии, вкупѣ и иноцы, сущее внутрь васъ Царствіе Божіе, и на селѣ сердца сокровенное сокровище обрѣсти тщашься, еже есть сладкій Исусъ Христосъ..."

Дважды, 8-го Марта и 28-го Апрѣля 1796 года, обращался Игумень Назарій въ Святыишій Синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ, слѣдуя завѣту Стараго Папсія, просилъ о разсылкѣ нѣсколькихъ экземпляровъ "Добротолібія" по монастырямъ и епархіямъ. Также онъ просилъ Святыишій Синодъ, чтобы ему предоставлено было право продавать данное "Добротолібіе".

"...Но поелику сіи книги для чтенія наиболее приличествуютъ и полезны быть могутъ монашествующимъ, въ такомъ случаѣ прочіихъ епархій и монастырей монашествующие за отдаленіемъ ихъ отъ Москвы и Санктъ-Петербурга о проложѣ тѣхъ книгъ чрезъ долгое время и узнать не могутъ, а хотя и узнаютъ, но не имѣя способныхъ къ пересылкѣ окаянъ, для душеполезнаго чтенія получать ихъ изъ Москвы никакъ не могутъ."

Того ради, Святыишій Правительствующій Синодъ, собогоявиле въ лавры и во все великороссійскія и малороссійскія мужескіе и женскіе монастыри и пустыни, какъ штатныя, такъ и состоящія на своемъ содержаніи, повелѣть прямо изъ Московской типографіи разослать по нѣскольکو экземпляровъ".

Старостя Пансіи Величковскій.

Къ сожалѣнію, благому дѣлу Игумена Назарія по разпространенію "Добротолубіа" не суждено было сбыться. По указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 21-го Января 1797 года "Добротолубіе" было вѣлено употребить въ продажу вмѣстѣ съ прочими казенными книгами, а прошеніе Игумена Назарія о разсылкѣ этой книги по епархіямъ оставить при дѣлѣ безъ дѣйствія.

"Добротолубіе" разошлось не только по российскимъ монастырямъ, но и за предѣлами Россіи. Такъ, настоятель Немецкаго Вознесенскаго монастыря Архимандритъ Софроній писаль 12-го Августа 1797 года Маріи Петровнѣ Протасъевой, начальницѣ Арзамаской общины: "Книгъ *Добротолубія* еще только три получены нами въ обители; но и о прочихъ надѣемся, что Авансидъ Никитичъ, по своему къ намъ усердію, не оставитъ постараться прислать... О другой же половинѣ Филокаліи, что Богъ устроитъ... Но по новости нынѣшняго, въ нашемъ Россійскомъ отечествѣ, отъ Бога устроенномъ, кажется вѣрно надобно ожидать таковымъ книгамъ, такъ и всякой добротѣ... свободной отрады".

Въ 1798 году вышла вторая часть "Добротолубія", въ которую вошли творенія Іоанна Карпатійскаго, Преподобнаго Діадохъ, Преподобнаго Никиты, Блаженнаго Каллиста, Преподобнаго Филимона, Феодора Эдесскаго, Ильи Екдикъ, Преподобнаго Кассіана и Преподобнаго Нила постника.

Въ 1822 году "Добротолубіе" было переиздано попеченіемъ Митрополита Московскаго и Коломенскаго Филарета. Переиздания осуществлялись въ 1832, 1840, 1851, 1857, 1880, 1902 и 2000 годахъ. Точная копія перваго изданія 1793 г. была напечатана въ 1990 г. въ Бухарестѣ подъ названіемъ "Славянское Добротолубіе Паисія Величковскаго".

Игумень Назарій также предпринялъ попытку издать переводъ поученій Преподобнаго Исаака Сиріна. По всей видимости, это былъ переводъ Старца Паисія (Величковскаго), законченный имъ въ 1787 году. Рукопись была передана Игумену Назарію, которую онъ и выслалъ въ Санктъ-Петербургскую Духовную Консисторію. Но, къ сожалѣнію, при жизни О. Назарія, изданію этой рукописи не суждено было состояться. Вскорѣ Отець Назарій былъ уволенъ отъ настоятельства, а рукопись попала къ челоуку неблагондѣжному, который привезъ ее на продажу въ Валаамскій монастырь, и она была приобретена Старцемъ Феодоромъ. Въ 1821 году эта рукопись досталась Старцу Льву Оптинскому, а впоследствии — Старцу Макарію Оптинскому и уже имъ была издана въ мартѣ 1854 года.

Таковы труды Старца Назарія на поприщѣ книгоизданія въ Россіи. Усилія, предпринятые Отцомъ Назаріемъ при изданіи этихъ книгъ за скупыми строчками архивныхъ дѣлъ остались для насъ сокрытыми. Но благодаря его неустаннымъ

трудамъ, "Добротолубіе" стало настольной книгой для многихъ ищущихъ спасенія. По протеренной Игуменомъ Назаріемъ дорогѣ впоследствии, спустя полвѣка, пошелъ оптинскій Старецъ Макарій. Имъ были изданы другіе переводы Старца Паисія, которые не успѣлъ окончить Отець Назарій.

6. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ САРОВЪ

Въ 1801 году, въ возрастѣ 66-ти лѣтъ, Игумень Назарій получилъ увольненіе отъ настоятельства. Любитель пустынного безмолвія, Отець Назарій пожелалъ поселиться въ своей уединенной келліи въ верстѣ отъ обители. Его занятіемъ были непрестанная молитва и рукодѣліе. Послѣ трехлѣтняго пребыванія на покой вышніе обстоятельства понудили Старца Назарія оставить пустынную келлію и Валаамскій монастырь.

Оставляя Валаамскій монастырь, О. Назарій пожелалъ посѣтить нѣкоторыя пустынные обители, а между тѣмъ многие его знакомые хвалили мѣста, удобные къ житію монашескому, около станицы черноморскихъ казаковъ. Туда и направился О. Назарій со своимъ ученикомъ Іеромонахомъ Иларіономъ. Путь его лежалъ черезъ Воронежскую губернію. Впоследствии Отець Иларіонъ рассказывалъ объ одномъ интересномъ событіи, произшедшемъ съ ними въ пути. Прибывъ въ одно село въ день суботній, попросили они отдохнуть и переночевать въ домѣ священника. Священникъ принялъ ихъ радушно. Время пришло ко всеобщему служенію воскреснаго дня, но О. Назарій не замѣтилъ, чтобы священникъ готовился къ службѣ. "Батюшка, развѣ у васъ съ утра правится воскресное служеніе всеобщій?" Священникъ отвѣтилъ, что онъ очень рѣдко служитъ. "Хотя приходъ мой большой и раскола нѣтъ, но никто изъ крестьянъ не ходитъ въ церковь въ дни праздничные. Собираются только на игры на погостъ церковный, а въ церковь и не загляднута; и храмъ всегда бываетъ пустъ — такъ охладѣли, а съ ними и я обленился, думая, когда они не ходятъ въ церковь, не для кого и совершать служеніе". О. Назарій замѣтилъ священнику, какую большую ошибку онъ совершаетъ, и что это искушеніе отъ врага спасенія нашего.

"Если прихожане ваши не исполняютъ своихъ важнѣйшихъ обязанностей, то вы, пастырь, должны

Въ 1800 году въ Святѣйшій Синодъ было подано прошеніе Витебской губерніи, Оршанскаго уѣзда дворянина Ильи Макаренча о собраніи Вселенскаго собора въ Кіевѣ и возстановленіи патриаршества въ Россіи. Въ качествѣ претендента на патриаршій престолъ онъ выдвинулъ Игумена Назарія. Въ данномъ случаѣ это свидѣтельствовало о глубокомъ почитаніи Отца Назарія. Можно предположить, что это прошеніе сыграло роль въ судьбѣ старца, и ему пришлось вынужденно просить увольненія на покой.

неопустительно выполнять обязанности ваши. Храм Божий никогда не может быть пустъ; отъ времени освѣщенія храма въ немъ находится благодать престола Господня — Ангель. Если бы и прихожане ваши не пришли къ богослуженію, то онъ всегда наполненъ будетъ Ангелами хранителями душъ ихъ. Такъ при всякомъ славословіи Божіемъ, по пламенюющей любви ко Господу своему, Ангелы Божіи первые бывають и сослужители и славословители, и они наполнили бы церковь въ ваше служение.

Если бы вы, усердно исполняя свою обязанность, молились бы и о пастырь вашей, то Господь по своему человеколюбію согрѣя ихъ сердца и обратилъ бы къ покаянію и молитвѣ. И что вы скажете въ отвѣтъ въ день Страшнаго суда Божія за погибель пастыря вашей, когда вы, съ своей стороны, не употребляете никакихъ мѣръ для ея обращения и спасенія?"

Тронутый до глубины сердца справедливымъ словомъ О. Назарія, священникъ просилъ Старца помочь ему исправиться. Отецъ Назарій говоритъ: "Теперь же, батюшка, пойдѣмъ въ храмъ Божій. Велите благовѣстить ко всенощной и причетникамъ приготовиться къ отправленію всенощного богослуженія; а мы съ О. Иларіономъ вамъ помогать будемъ". Дѣйствительно, вначалѣ никого въ храмъ не было, потомъ собралось до десяти стариковъ и старушекъ. Шестопсалміе прочелъ О. Назарій, а каѳизмы О. Иларіонъ. По прочтеніи Евангелія оно было вынесено на средину церкви, но прихожане, по непривычкѣ, не шли прикладываться. Тогда старецъ рассказалъ о пользѣ освѣщенія черезъ поклоненіе святому Евангелію.

Послѣ окончанія богослуженія Отецъ Назарій рассказалъ прихожанамъ о необходимости и пользѣ молиться въ храмъ Божіемъ. Утромъ священникъ совершилъ Божественную литургію, и О. Назарій въ обычное время читалъ по книгѣ поученіе. Народу къ обѣднѣ собралось еще больше, чѣмъ къ всенощной. Отдохнувши послѣ обѣда, старецъ видитъ, что на погостѣ вокругъ церкви собирается народъ для веселья. "Пойдемъ и мы, — говоритъ О. Назарій священнику, — возьмите Четьи-Минею". Выбравъ недалеко отъ церкви удобное мѣсто, они сели, и старецъ заставилъ священника читать вслухъ житіе

празднуемаго въ тотъ день память святого. Старикъ обрадовался, увидѣвъ О. Назарія, и подошли первые. Онъ уговорилъ ихъ сестъ и послушать житія святыхъ. Изрѣдка останавливалъ чтеніе и говорилъ отъ себя наставленіе.

На другой день былъ праздникъ Тихвинской иконы Божіей Матери, и священникъ, по совѣту старца, служилъ всенощную и литургію, какъ и во все послѣдующіе праздники. Прихожанъ въ церкви день ото дня становилось все больше. О. Назарій, по просьбѣ священника, прожить въ сѣль болѣе двухъ недѣль, не упуская ни одного случая бесѣдовать и наставлять истинному христіанскому благочестію какъ крестьянъ этого селенія, такъ и приходившихъ къ старцу изъ сосѣднихъ деревень. Священникъ, сдѣлавшись его духовнымъ сыномъ, со всею усердіемъ исполнилъ наставленія О. Назарія, видя въ немъ орудіе, Богомъ посланное для спасенія его и вѣрноюй ему пастыря.

Спустя нѣкоторое время старецъ, простившись со своимъ новымъ духовнымъ сыномъ и съ любящими его прихожанами, отправился въ путь къ станицамъ черноморскихъ казаковъ. Посѣтивъ мѣстные монастыри и пустыни, старецъ не нашелъ

ихъ пригодными для тихой молитвенной жизни, да и нравы мѣстныхъ жителей не были особенно благочестивы. Поэтому старецъ рѣшилъ вернуться въ Саровскую пустынь, гдѣ было положено имъ начало монашескаго житія.

На обратномъ пути Отецъ Назарій навѣститъ своего духовнаго сына. Къ радости старца, его труды не остались напрасны, въ праздничные дни церковь уже не вмѣщала множество народа, и паперть была наполнена молящимися. Проведя нѣкоторое время въ томъ селеніи, О. Назарій собрался въ путь. Проводить своего старца, отца и благодѣтеля пришли все прихожане не только этого села, но и окрестныхъ сѣль.

Кротость и смиреніе Старца Назарія были необыкновенны. Разсказываютъ, что однажды въ дорогѣ заѣхалъ онъ по невѣднію ночевать къ разбойникамъ. Послѣ ужина, отобравъ лошадей и позову у своего гостя, хозяинъ сталъ заставлятъ его ложиться спать. Бывшіе съ нимъ работники и его

Пустыня Отца Игумена Назарія на Валаамѣ. Рисунокъ художника Балашова П. И.

ученикъ Отець Иларионъ, чувствуя, что попали въ западню, не знаютъ, что дѣлать, и въ страхъ уже ожидаютъ смерти. Отець Назарій, спокойно севъ къ столу, сталъ разсказывать хозяйкамъ назидательные поученія объ обязанностяхъ къ Богу и людямъ, о будущей жизни, награждъ добрымъ и мукъ злымъ послѣ смерти. Но у слушателей не то на умъ: двое изъ нихъ, подойдя къ печкѣ, начинаютъ точить большіе ножи. Отець Назарій видитъ эти приготовления и продолжаетъ свою проповѣдь. Хозяинъ, потерявъ терпѣніе, сталъ сердиться, требуя, чтобы гость скорѣе ложился спать и далъ покой домашнимъ. Но твердый старецъ, не обращая вниманія на его слова, взялъ молитвенникъ и сталъ читать монашеское правило, кладець поклоны, и такъ молился до разсвѣта. "Ну, мой любезный, — говорить онъ тогда хозяйку, — спаси тебя, Господи, за любовь твою и угощеніе. Прикажи-ка вывести повозку и лошадей нашихъ — намъ пора ѣхать". И тотъ хотя съ бранью, но лошадей отдалъ. Запрягли — надо выходить, а у дверей встали двое сыновей хозяина съ ножами въ рукахъ. Отець Назарій, помолясь Богу, смѣло подошелъ къ нимъ, безпрестанно благодаря за ночлежъ и покой, ему доставленный. Обезоруженные кротостью и спокойствіемъ духа чудного странника, разбойники въ раздумь выронили ножи изъ рукъ и стояли неподвижно. Отець Назарій со своими спутниками свободно вышелъ изъ дома и селъ въ повозку, но только хотѣли они тронуться съ мѣста, вдругъ хозяинъ кричить: "Остановись, батюшка! Скажи, пожалуйста, что ты за человѣкъ, что на тебя руки не поднимаются, и какъ же сила удерживаетъ насъ?".

На это старецъ кротко отвѣтилъ: "Ты видишь, что я монахъ. Это сила Божія не допустила сдѣлать мнѣ зла, и она же непременно накажетъ тебя за преступленія, если не оставишь ихъ и не будешь жить, какъ должно добруму и честному крестьянину". Продолжая свои обличенія и наставленія, Отець Назарій до того привелъ въ чувство хозяина, что тотъ раскаялся въ прежнихъ поступкахъ, и

впослѣдствіи сдѣлался рвѣннѣйшимъ христианиномъ со всемъ своимъ семействомъ.

Прибывъ въ Саровъ, по любви къ безмолвію, О. Назарій устроилъ себѣ въ лѣсу, при рѣчкѣ Саровкѣ недалеко отъ обители, пустынную келлію. Когда позволяли силы, любилъ онъ въ ночное время ходить по лѣсу и на память совершать молитвенное правило двенадцати псалмовъ, а съ восходомъ солнца возвращался въ свою келлію. Не разъ случалось ему въ ночное время въ дремучемъ лѣсу встрѣчаться съ медвѣдями, но никогда они не нападали на него. Онъ безбоязненно ходилъ, предаваясь всегда на волю Божію. Многие отшельники приходили къ нему открывать свои помыслы. Наставленія опытного въ духовной жизни старца они принимали какъ глаголь Божій.

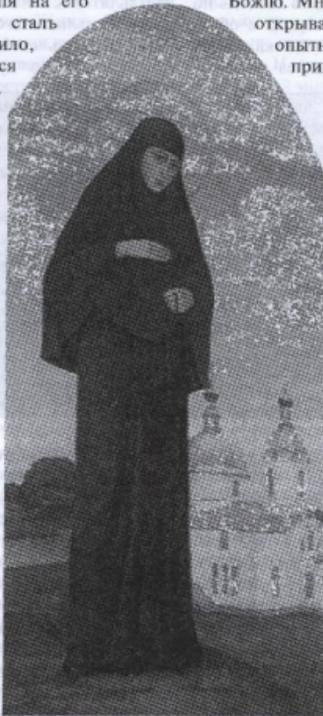
Многие отшельники приходили къ нему открывать свои помыслы. Наставленія опытного въ духовной жизни старца они принимали какъ глаголь Божій.

7. ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНІЕ ДѢВЧИХЪ ОБЩИНЪ

Однимъ изъ первыхъ въ Саровской обители Отець Назарій взялъ на себя подвигъ духовнаго окормленія женскихъ православныхъ общинъ. Интересно свидѣтельство изъ "Житія" Преподобной Матушки Александры (Мельгуновой), основательницы Динѣвской обители. "Въ духовныхъ вопросахъ Мать Александра во всемъ совѣтовалась съ саровскими старцами. По воспоминаніямъ келейницы Матушки, Евдокіи Мартыновой, она очень почитала Отца Назарія. Его живописный портретъ висѣлъ въ келліи матушки Александры, и она каждодневно при всякомъ дѣлѣ ему кланялась, какъ бы прося мысленно на все его благословеніе".

Духовное окормленіе дѣвичихъ и женскихъ общинъ или даже просто представительницъ мірскаго общества можно отнести къ подвигамъ наивысшаго уровня. Онъ сложень еще и потому, что духовные отцы, помогая сестрамъ и дѣвцамъ въ своемъ духовномъ становленіи, даже по сути своего подвига оказывались мишенью для порицанія. Немногіе старцы возлагали на себя такую тяжелую миссію. Среди первыхъ въ этомъ подвигѣ были преподобные Назарій и Серафимъ, ученикъ Назарія Иеромонахъ Иларионъ, преподобные Феодоръ Санаксарскій и Теофанъ Новозерскій.

По благословенію и подъ руководствомъ преподобнаго Назарія въ Тамбовской и Нижегородской

Блаженная Марѳа Тамбовская.

епархиях образовались женскія монашескія общины. Игуменъ Назарій явился руководителемъ иноческой жизни для сестеръ Кадомской богадельни. Матушка Екатерина Варфоломѣевна всегда пользовалась его особымъ уваженіемъ, такъ что онъ, по ея просьбѣ, прѣзжалъ иногда въ Кадомскую обитель для наставленія сестеръ въ иноческой жизни. Но большей частью эти наставленія передавались отъ него сестрамъ черезъ ихъ первоначальницу, которая часто ѣздила къ нему въ Саровъ за наставленіями. Когда же было нельзя ей туда ѣхать, то она посылала къ нему или къ О. Иларіону, ученику его, кого-либо съ письмами, и на письма эти получала отвѣты. Нѣкоторые изъ писемъ этихъ старцевъ до сихъ поръ цѣлы и хранятся въ монастырскомъ архивѣ. За нѣсколько недѣль до своей смерти О. Назарій благословилъ матушку Екатерину Варфоломѣевну обращаться за совѣтами къ своему ученику О. Иларіону и заповѣдалъ слушаться его во всемъ.

Старцы О. Назарій и О. Иларіонъ руководили также Матушку Лампадію (Лукію Масленникову), которая избрала Валаамскій мужской монастырь мѣстомъ своихъ первыхъ иноческихъ подвиговъ, назвавшись Лукіаномъ. Не одинъ годъ Лукія подъ новымъ именемъ служила Богу въ обители, гдѣ ее постигло самое сильное испытаніе. Злонамбренные люди, оклеветавъ ее какъ бѣглую, отправили въ тюремный острогъ, гдѣ она томилась цѣлый годъ, не открывая своего имени. Возвращенная противъ воли въ родительскій домъ, она хранила въ своемъ сердцѣ мысль подчинить себя подвигамъ отшельническимъ. Лукія предприняла путешествіе по святымъ мѣстамъ Россіи. Когда достигла Саровской пустыни, то старцы Назарій и Иларіонъ, лично знавшіе ея благочестивую жизнь съ того времени, когда одновременно съ нею подвизались въ Валаамскомъ монастырѣ, совѣтовали Лукіи перейти въ какой-либо монастырь близъ Саровской пустыни. Она была ими тайно заклеветано постижена въ ангельскій образъ подъ именемъ Лампадіи и основала богадельню, которая положила начало Абабковскому женскому монастырю Нижегородской губерніи.

Преподобный Назарій оставилъ свои воспоминанія о тамбовской подвижницѣ преподобной Марѣе Апаринной, которая получала отъ него духовные наставленія. Въ маленькомъ архивѣ мона-

стыря была найдена рукопись, неизвѣстно когда и кѣмъ составленная, подъ заглавіемъ "Повѣсть". Приведемъ эту повѣсть, подтверждающую устные рассказы сестеръ о кончинѣ Марѣе: "Святая обители Валаамскія Игуменъ отецъ Назарій, оставя свою обитель и прохода въ предѣлы черноморскія, посѣтилъ мене суца въ пустынь Саровской, глаголя: потреба ми бышу до епископа Тамбовской епархїи, и бышу мене, повѣди тамо старца (по преданію Мавра), живущая при церкви Божіей, о Марѣе постницѣ, суей дѣвицѣ города Кирсанова: егла разболѣя она и приближися на конецъ своего преставленія, седящу мнѣ близъ ея и читающу мо-

Иеромонахъ Иларіонъ Саровскій,
ученикъ Старца Назарія.

литву архангельского поздравленія и никако возиремавшу ми тонко узрѣхъ облакъ надъ болящей и во облацѣ Господь благословляетъ болящую десницею, другую же руку горе къ небеси держашу: та же зрѣхъ близъ юношу пресвѣтла держащу ветвь несказанной красоты сушей, и даде сію ветвь въ руке дѣвицѣ, она же привявше ветвь отъ юноши, радостно велію просвѣтися лице ея и испусти духъ. Азъ же придохъ въ себе, окончивъ молитву къ пресвятей Богородицѣ, прославихъ Бога о виднїи семъ, мнѣ бывшемъ истинною".

Однажды проѣздомъ О. Назарій остановился въ домѣ дворянъ Дертьевыхъ, которые какъ разъ выдавали замужъ свою младшую дочь противъ ея воли. Елена открыла О. Назарію свое желаніе стать монахиней и молила его повліять на рѣшеніе родителей. Старецъ пытался убѣдить родителей позволить дочери послужить Богу, но ихъ первоначальное рѣшеніе было непреклонно. Тогда Елена просила его совѣта, какъ быть. "Будь юродствующей Христа ради, покрой разумъ буйствомъ, симъ путемъ спасешься и угодишь Богу", — отвѣчать ей О. Назарій, съ увѣренностью, что такъво воля Божія и будущее предназначеніе дѣвушки.

Повинуясь родительской волѣ, дѣвица явилась на вѣчаніе, несмотря на то, что она отрицала все предложенные обѣты, церемонія была совершена и гости приступили къ свадебному пиру. Въ это время такъ называемая невѣста выпрыгнула изъ окна и какъ была, въ бѣломъ свадебномъ платьѣ, извалилась въ уличной грязи, ко всеобщему ужасу.

Родители оставили ее на волю Божию, а она покинула ихъ домъ, не имѣя нигдѣ пристанища, бро-

дила, юродствовала. Такъ провела она 4 года, потомъ была отправлена въ Нижний Новгородъ, въ домъ умалишенныхъ. Тамъ, конечно, ничѣмъ не могли помочь ей и отправили ее, какъ неизлечимую, въ Николаевскій монастырь. Здѣсь также ей были очень не рады. Тогда-то сжалился надъ нею извѣстный Алексѣевская настоятельница Марья Петровна Протасѣва, въ схимонахиняхъ Марѳа, взяла ее на поруки и помѣстила у себя въ обити въ Арзамасѣ. Юродивая Елена Аванасѣвна упокоилась на Пасху, удостоившись многого почитанія вѣрующихъ за прозрачность, а ея келья была препрещена въ часовню, гдѣ читалась неусыпаемая псалтырь.

Монахини обращались за наставленіями къ старцу. Въ своихъ письмахъ къ сестрамъ старецъ писалъ: "Велия высота — смиреніе! Знатное достоинство и честь — смиренномудріе! Нѣтъ смиренного выше, и худшего у Христа — славнѣе по свидѣтельству истины".

"Помолимся духомъ, помолимся и умомъ. Взойдите-ка въ слова апостола Павла: хощу рѣши пять словъ умомъ, нѣжели тысячу языкомъ. Изобразить не могу, сколько мы счастливы, что сіи пять словъ удостоились говорить. Что за радость! "Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшного". Господи! Кого я называю? Создателя Творца всего, Кого всѣ силы трепещутъ; — Іисусе Христе, Сыне Божій! Ты ради меня кровь Свою изліял, спасъ меня, сошелъ на землю; — Христе — послушливъ былъ даже до смерти, смерти крестной; помилуй и меня грѣшную, прости за Себя виновную во всемъ. Отражай всякіе помыслы, ратующіе на тебя именемъ Іисуса".

"Бога ради обучайтесь, старайтесь пустынный горлинки! Пустыня что значитъ? Совѣсть незазорная; умъ очищенный молитвою. Поста не терай; а постъ, съ молитвой труда не теряетъ!

Сколь добро и сколь красно, еже жити вкупи! Я не знаю, какъ вы, а я себя такъ чувствую, что всѣмъ я долженъ и передъ всѣми я виноватъ. Можно ли послѣ сего на кого оскорбиться?"

"Я три года не зналъ скорби, и столь навывкъ посту, неизглаголанному удрученію плоти, что думать — въ томъ вся добродѣтель. Какъ пришли ко мнѣ три сестрицы: уныніе, скука, печаль, тут-то я позналъ и не зналъ какъ угостить ихъ. Сталь изнемогать, потомъ научился, говоря: "Гости мои дорогіе! Милости прошу!" Вотъ зажду сѣбѣ, помолимся: "Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Создавый мя, Господи помилуй! Безъ числа согрѣшихъ, Господи прости мя! Какъ воззрю къ Твоей благодати? Какое начало положу исповѣданія? Владычица Богородица! Помяни раба Твоего! Гости мои бѣгомъ, а я говорю: "Матушки, погостите! Нѣтъ, уже не догонишь!" Когда придетъ вамъ горячее желаніе много молиться, то немного молитесь и четки отъ себя отложите, а когда леность, тогда-то подлинно до нота молиться полезно".

"А какъ къ матушкѣ игуменьи нужно будетъ идти, помолитесь: "Господи, благослови меня идти къ матушкѣ, научи меня, чтобы она у меня грѣшную выслушала". А когда придетъ, скажи: "Матушка, вотъ я чего желаю, но не дѣлай по волѣ моей, а по волѣ своей". Если съ сестрой надобно говорить, возведи умъ свой къ Господу и такъ молись: "Благослови меня, мой Спаситель, съ сестрой поговорить, и научи меня, чтобы она приняла слова отъ меня грѣшной". А то вы все своей силой дѣлаете".

"А вы все мои слова напишите на скрижали сердца, въ незабвенную память. Выслухайте ищите, ижедесть Христось... горняя мудрствуйте, а не земная. Дѣлайте, дондеже день есть, да тьма васъ не постигнетъ. Боголюбивому человѣку ничто же нужно, кромѣ Бога: если Бога приобрящете, довлѣтъ ему. Одинъ святой вѣчно плакалъ: "Покой ты мой, покой небесный! Гдѣ тебя найти?... Только въ крестѣ, да во Христѣ!"

8. КОНЧИНА

Черезъ пять лѣтъ послѣ своего возвращенія въ Саровскую пустынь Игумень Назарія отошелъ ко Господу 23-го Февраля 1809 года, 74-хъ лѣтъ отъ роду, въ своей келли на берегу рѣчки Саровки. Въ день кончины братія застала его въ живыхъ, но онъ уже не могъ сказать ни слова. Скончался онъ въ шестомъ часу пополудни. Тѣло его было погребено у алтаря теплой церкви, рядомъ съ могилой его духовника Иеросхимонаха Варлаама.

На могилѣ блаженного старца почитатели и духовные чада поставили памятникъ съ трогательной надписью:

Назарій прахомъ здѣсь, душою въ небесахъ,
И будетъ незабвенъ въ чувствительныхъ сердцахъ,
Въ которыхъ онъ вмѣстилъ священныя таланты,
Предъ коими ничто мірскіе алмаменты.
Покойся, отче, здѣсь безъ скорби и рыданья,
Доколь наступитъ день комуждо воздаянья".

9. ВСЕРОССИЙСКОЕ ПОЧИТАНІЕ СТАРЦА НАЗАРІЯ

Какъ писали ученики старца: "Вся жизнь Отца Назарія была подвигомъ. Строгое исполненіе иноческаго устава было всегдашней его заботой. Душа его была такъ проникнута мыслию о Божественныхъ предметахъ, что единственнымъ содержаніемъ его бесѣдъ было слово о пользѣ души. О дѣлахъ мірскихъ онъ никогда не говорил. Но если отвѣталь свои уста, то говорилъ только для пользы вопрошавшаго. Въ разговорахъ съ учениками постоянными темами были: о подвигахъ противъ страстей, о любви къ добродѣтели. Часто въ разговорѣ, какъ самъ онъ, такъ и слушающіе, забывали время въ усладительной бесѣдѣ. Слова его были правдивы, прямы, даже рѣзки. Безъ слова Бо-

жия, какъ основанія, не любилъ онъ начинать разговоръ. Такъ училъ и другихъ, чтобы душепапительные софиты основывать не на своемъ разумѣ, но на словѣ Божіемъ. Строгий и какъ бы недоступный по виду, онъ своими словами привлекалъ сердца всѣхъ въ любовь и послушаніе къ нему. Смиренный самъ, онъ и всѣхъ, которые просили у него наставленія, прежде всего училъ смиренію".

Митрополитъ Санктъ-Петербургскій и Новгородскій Гавриилъ, особенно любилъ и почиталъ Отца Назарія. Сохранилось преданіе, что въ царствованіе Императрицы Екатерины II во время морского сраженія со шведами, бывшего Петербурга, къ Митрополиту Гавриилу, уединившемуся для молитвы о побѣдѣ надъ врагомъ, внезапно пришелъ Старецъ Назарій и сообщилъ Владыкѣ, чтобы онъ утѣшился надѣждой: врагъ будетъ побѣжденъ и городъ отъ разоренія спасенъ. И даже, указавъ ему на небо въ сторонѣ моря, показалъ какъ на свѣтлыхъ облакахъ восходятъ на небо души воиновъ, положившихъ животъ свой за Церковь, Царицу и Отечество. Преданіе прибавляетъ, что Митрополитъ Гавриилъ немедленно обратился къ Императрицѣ съ утѣшительнымъ и обнадѣживающимъ словомъ, и что впоследствии, когда предсказаніе оправдалось побѣдой нашихъ войскъ, она милостиво приняла вмѣстѣ съ Митрополитомъ и Старца Назарія.

Сохранилось и другое монастырское преданіе. Однажды Отецъ Назарій былъ по монастырскимъ дѣламъ въ Петербургъ и шель съ другимъ старцемъ по Выборгской сторонѣ. Въ это время Великій Князь Павелъ Петровичъ (впоследствии Императоръ) выѣхалъ за Неву-рѣку. Увидавъ старцевъ въ убогомъ рубишѣ, онъ спросилъ: "Откуда вы и что за старцы?" И узнавъ, что одинъ изъ нихъ былъ Игуменъ Назарій, благодарилъ его за успешное возстановленіе Валаамскаго монастыря, такъ какъ онъ уже слышалъ много добраго о Старцѣ Назаріи, славившемся духовной опытностью и попечительностью о благѣ обители.

Еще объ одномъ случаѣ разсказывали келейникъ Пресвященнаго Гавриила Отецъ Мелхиседекъ и келейникъ Отца Назарія Иерономахъ Илларионъ. Въ царствованіе Государя Императора Александра Павловича Старца Назарія въ Петербургѣ пригласили въ домъ одного сановника К., въ то время попавшаго въ немилость Императора. Супруга сановника стала просить старца помолиться объ ея

мужѣ, чтобы дѣло благополучно для нихъ завершилось. "Хорошо, — отвѣчалъ Назарій, — надо помолиться Господу, чтобы наставилъ Государя, но надо попросить и приближенныхъ Его". Жена, думая о начальникахъ своего мужа, говоритъ: "Мы уже всѣхъ просили, да что-то надѣжась мало". — "Да вы не тѣхъ и не такъ просите. Дайте мнѣ немного денегъ". Та вынула нѣсколько золотыхъ монетъ. "Нѣтъ, эти мнѣ не годятся; нѣтъ ли мѣдныхъ или маленькихъ серебряныхъ?" Она велѣла подать и тѣхъ и другихъ. О. Назарій взялъ деньги и ушелъ изъ дома. Цѣлый день ходилъ онъ по улицамъ и раздавалъ милостиво нищимъ. Къ вечеру, вернувшись въ домъ К., съ удивленіемъ сказалъ: "Слава Богу! Обѣщали всѣ царскіе приближенные за васъ". Обрадованная жена сообщила больному отъ скорби мужу, и самъ К. благодарилъ О. Назарія за ходатайство передъ вельможами. Не успѣлъ старецъ отойти отъ постели К., какъ пришло извѣстіе о благополучномъ окончаніи дѣла. К. отъ радости почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и спросилъ О. Назарія, кто изъ приближенныхъ Государя былъ къ нему болѣе благосклоненъ? Тутъ онъ узналъ, что это были нише, по словамъ старца, приближенные Господа. Глубоко тронутый благоцѣstemъ Игумена Назарія, сановникъ К. навсегда сохранилъ къ нему благодарившую любовь.

Старецъ Назарій Валаамскій.
Гравюра 18-го вѣка.

За духовнымъ совѣтомъ къ Старцу Назарію обращался будущій оптинскій Старецъ Архимандритъ Моисей: "Поблагодарите за почтенныя писанія ко мнѣ бывшаго Игумена Назарія, отца моего Иларіона, отца Владимира. Я постараюсь все то исправить, о чемъ писано отцомъ игуменомъ..."

Игуменъ Антоній (Бочковъ), настоятель Малоярославецкаго монастыря, писалъ игумену Саровской пустыни: "...просилъ у Васъ о жизнеописаніи Преподобнаго Отца Назарія, Игумена Валаамскаго, о коемъ и нынѣ прошу Васъ, и молю утѣшить меня присылкою онаго, за что Вамъ смиренный мой поклонъ будетъ лицомъ до земли...". "Чувствительно благодарю Васъ, батюшка, за присланныя жизнеописанія великихъ старцевъ Назарія и Серафима, которыхъ я, не видѣвши ни разу, душевно чтю и поминую".

Заканчивая жизнеописаніе Старца Назарія Валаамскаго, прославленнаго уже въ сонмѣ Валаамскихъ, Тамбовскихъ, Карельскихъ и Саровскихъ святыхъ, призываетъ нашихъ читателей молиться о его всероссійскомъ прославленіи. Аксиосъ!

ЛЕОНТИЙ (ФИЛИППОВИЧЪ), Архиепископ Сантьягский и Чилийский.

Во дворъ Архирейскаго Синода въ Нью-Йоркъ.

Послѣднее посѣщенье США въ 1967 г.

АРХИЕПИСКОПЪ ЛЕОНТІЙ ЧИЛІЙСКІЙ

Память 19-го Іюня (†1971)

Продолженіе, начало см. въ № 51 за 2013 г.

БЮГРАФИЯ Архиепископа Леонтія служитъ отображеніемъ цѣлой эпохи въ жизни Русскаго Зарубежья. Въ 1950-ые годы онъ принимаетъ на жительство въ Чили монахини Горненскаго монастыря, ушедшихъ изъ обители постъ ея перехода ея въ Московскую Патриархію.

Въ отношеніи дѣла о постройкѣ собора въ Санъ-Франциско Архиепископъ Леонтій активно поддерживалъ Священителя Іоанна Шанхайскаго и Санъ-Францискаго.

Архиепископъ Леонтій былъ единственнымъ на протяженіи десятилѣтій русскимъ архіереемъ, служившимъ въ Южной Америкѣ, выучившимъ испанскій языкъ и сидѣвшимъ въ Православіи инославному міру. Съ его именемъ связано знакомство съ Православіемъ Іосифа Муньоса — хранителя Иверской Монреальской иконы.

Судьба Архиепископа Леонтія удивительнымъ образомъ отразила противорѣчія исторіи Русской Церкви въ XX вѣкѣ: путь Московскаго Патріархата и Русской Зарубежной Церкви, противостояніе дипломатовъ и золотоѣв, какъ на родинѣ, такъ и за рубежомъ, отношеніе къ такимъ насущнымъ вопросамъ Православной Церкви какъ экуменизмъ, модернизмъ и опасности ревнительства.

Благодаря Матушкѣ Іуліаніи Ігуменіи Успенской обители въ Сантьяго мы имѣемъ столько сохранившагос матеріала.

5. РЕВНОСТЬ

ВСПОМИНАЕТЪ долготѣνια настоятельница Успенской обители въ Сантьяго, матушка Ігуменія Іуліанія (Августъ 1992 г.): «Владыка прекрасно служилъ, его голосъ заставлялъ всѣхъ молиться.

Но Владыка не читалъ, все было по памяти, что не всегда помогало точности исполненія, и теперь, очень кратко побывавъ въ Киево-Печерской Лаврѣ, я вспомнила Владыку, т. к. большинство пѣснопѣній и духовныхъ пѣсней было заимствовано имъ отсюда. Владыка любилъ служить по буднямъ, какъ простой іерей, особенно литургію. За первые 10 лѣтъ нашего пребыванія на Патронато ни одного дня не прошло безъ литургіи, если Владыка былъ въ отъѣздѣ, то тогда служилъ его помощникъ, О. Веняминъ, — иногда онъ начиналъ въ 2 часа утра. Владыка Леонтій благословлялъ часто

приступать ко св. Причащенію. Владыка не выносилъ никакой паузы ни во время пѣнія, ни во время чтенія, въ такихъ случаяхъ онъ самъ начиналъ за чтеца. Былъ онъ очень ревнивъ по Богу, любилъ порядокъ въ храмѣ.

Чувствовалось, что онъ тяготился нашимъ крохотнымъ каедральнымъ соборомъ. Въдѣ онъ служилъ въ «настоящихъ» храмахъ, гдѣ могъ голосомъ дѣйствовать и служить волю, а здѣсь не было пространства. Но онъ все терпѣлъ Христа ради и былъ кротокъ въ своемъ величіи и великъ въ своемъ смиреніи. Владыка налагалъ на себя постъ, особенно всю первую и страстную недѣлю не вкушалъ пищи. Онъ любилъ богатѣе церковное, часто самъ шилъ себѣ какіе-то украшенія, камни онъ прикрѣплялъ какъ-то неуклюже (онъ былъ лѣвшій и шилъ лѣвой рукой), но съ какой дѣтской радостью онъ налѣпывалъ сшитое имъ на себя или на иконы, когда онъ шилъ

пелены. Владыка любилъ посѣщать прихожанъ. Никогда я его не видѣла безъ дѣла. Онъ очень любилъ совершать чинъ постриженія въ монашество и рукополагать*.

Мать Ксенія и Владыка очень были похожи характерами: оба вспыльчивые, оба горячіе, оба прекрасно пѣли (м. Ксенія управляла хоромъ и была когда-то скрипачкой, любила пѣть и не уставала; Митроп. Анастасій въ Горнемъ всегда просилъ, чтобы она трио пѣла). Но вотъ, если оба встрѣтятся, то не поладятъ. Помню, это было въ Великую субботу, пока я ставила тесто на св. Артось, слышу, с. Ольга что-то бормочетъ. А уже помодились и сели за трапезу. О. Веніаминъ еще задержался въ церкви, употребляя Св. Дары. Прихожу, спрашиваю: куда всѣ ушли? что случилось? — мнѣ было мало лѣтъ, я была самой младшей. Мать Иоанна ничего не знаетъ; с. Ольга разводила руками, м. Антонія, 90-лѣтняя старика, сидитъ, Иисусову молитву читаетъ, м. Михаила сидитъ, понуривъ голову... Да что же случилось?... И тутъ м. Ксенія со второго этажа, гдѣ она жила, кричитъ: "Нѣтъ, этого я не потерплю, хватить надъ нами издѣваться..." и прочіе безумные глаголы, которые въ искушеніи могутъ придти въ умъ челоуку, проведему всѣ 40 дней въ постѣ и въ сугубой молитвѣ — м. Ксенія была большая молитвенница. А съ другой стороны, владыка, что, моль, съ нимъ не считаются, что онъ долженъ принять рѣшительныя мѣры... Главное, другъ друга не слышатъ, а просто крикомъ берутъ... Конечно, м. Ксенія спустилася и первая попросила прошенія и пригласила трапезовать. Все! будто ничего и не было. Говорю это, чтобы показать, какимъ былъ великодушнымъ и всепрощающимъ нашъ Владыка". Въ те годы политическая обстановка въ Чили, странѣ вообще не отличавшейся политической стабильностью, была накалена до предѣла, къ власти вотъ-вотъ должны были прийти радикальные социалисты, и передъ русскими людьми, надѣявшимися спастись отъ коммунистовъ въ этомъ дальнемъ углу Южной Америки, снова встала опасность оказаться у нихъ въ плѣну.

Докторъ А. А. Максимов-Куласва, председателица Санъ-Францискаго отдѣла помощи

русскимъ дѣтямъ Заграницей, писала въ мартѣ 1962 г. первоиерарху РПЦЗ, Митрополиту Анастасію: "...Обращаюсь къ Вамъ отъ имени и по просьбѣ православныхъ, расписавшихся на прилагаемомъ прошеніи въ двухъ копияхъ, и прошу Васъ принять во вниманіе ихъ горячее желаніе обеспечить Архіепископу Леонтію Чилийскому и его помощнику, Игумену Веніамину, безопасныя условия продолженія ихъ служенія Православной Церкви... Нѣсколько времени тому назадъ я и мой мужъ совершили путешествіе по Южной Америкѣ и побывали также въ Чили.

Мы являемся свидѣтелями тяжелыхъ условий, въ которыхъ имъ приходится работать. До этой поѣздки по Южной Америкѣ мы никогда еще не видѣли православнаго епископа въ такомъ положеніи, въ какомъ застали Архіепископа Леонтія. Также видѣли, какую любовь проявляетъ по отношенію къ нему паства, и онъ къ ней. На насъ все это произвело большое впечатлѣніе. Изъ газетъ и писемъ изъ Южной Америки мы знаемъ о все время осложняющемся политическомъ положеніи тамъ. Если въ Европѣ въ первые годы послѣ II-ой мировой войны было сравнительно легко переѣздить изъ одной страны въ другую, то въ Южной Америкѣ такой возможности не будетъ. Поэтому понятно стремленіе всѣхъ бѣженцевъ, нашедшихъ временный пріютъ тамъ, поскорѣе переѣхать въ безопасное мѣсто, какимъ являются США... И мы, всѣ подписавшіеся, считаемъ, что Архіепископъ Леонтій и его помощникъ тоже имѣютъ на это право, пробывъ столько лѣтъ въ Парагваѣ и Чили въ самыхъ примитивныхъ условияхъ..."*

Вспоминаетъ Архим. Веніаминъ: "Владыка Леонтій съ самаго дѣтства мечталъ быть духовнымъ лицомъ, поэтому ему все, что было связано съ Церковью, было родное — иконы, облаченія, мощи. А одѣжда, въ которой онъ ходилъ, его не интересовала; чѣмъ питаться — его не интересовало. Но для Владыки было важно, чтобы были хороше

Рукоположеніе Еп. Авксентіоса Греческой Старостильной Церкви.

*Архивъ Архіерейскаго Синода РПЦЗ въ Нью-Йоркѣ.

облачения, пусть и бдлые, но ему хотлось, чтобы они были благообразнѣе, благолѣпнѣе. Онъ всегда прекраснѣе плѣть и хотль, чтобы богослуженія были торжественными, хорь былъ хорошимъ, чтобы иподиаконы были полнын штатъ. Церковь Владыка самозабвенно любилъ. Поэтому все, что касается Церкви, онъ собиралъ. Гдѣ Владыка путешествовалъ, или по Россіи ѣздилъ, онъ всегда просилъ — дайте мнѣ святыню, поэтому онъ много собралъ мошей. И вотъ, когда послѣ II Ватиканскаго собора католики въ Чили начали выбрасывать моши, иконы, облачения, Владыка съ барахолой приносилъ изображенія Спасителя, Божіей Матери, чаши, облачения, золотомъ шитые. Конечно, они католическія были и Владыка просилъ матушку зарисовать латинскія особенности. Но онъ не могъ переносить, когда даже что-либо напоминающее святыню выбрасывали. Въдѣ Владыка видѣлъ, какъ большевики уничтожали все въ Россіи, а тутъ никакого гоненія не было, а шло иконоборчество, потому онъ все это скупалъ. Моши мучениковъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ, доставлєніе отъ католиковъ, брать Іосифъ Муньесъ принесъ Владыкѣ, а Владыка далъ ему моши нѣкоторыхъ кєво-печерскихъ святыхъ. Іосифъ имѣлъ хорошій вкусъ, могъ замѣчательно украсить иконы на аналоѣ".

Въ 1990-хъ гг. О. Веніаминъ переправилъ въ Россію, по крайней мѣрѣ, 10 чашъ, подсвѣчники, все, что подходило. "Куда намъ столько, Владыка тоже мечталъ, что когда-то все это можно будетъ переслать", — говоритъ О. Веніаминъ.

Въ 1967 г. Владыка Леонтій былъ назначенъ на кафедрѣ въ Санъ-Пауло, но послѣ того, какъ тамошній Архіепископъ Феодосій скончался, Синодъ туда назначилъ Владыку Никандра. Послѣ этого къ Чилийской епархіи присоединили Аргентину, Парагвай, Уругвай — все это соединили.

Послѣ смерти Владыки Леонтія, Чилийская епархія опустѣла. Архим. Веніаминъ остался единственнымъ священникомъ Русской Зарубежной Церкви въ Чили. Ему съ великимъ трудомъ удалось возвести прекрасный храмъ въ псковско-новгород-

скомъ архитектурномъ стилѣ. О. Веніаминъ обращался къ русскимъ инженерамъ и къ мѣстнымъ специалистамъ, покупалъ строительный матеріалъ, однимъ словомъ, дѣлать все потребное для того, чтобы свѣча Божія засіяла въ этой отдаленной странѣ Южной Америки.

Когда, истрѣгивъ на вокзалѣ прибывшихъ со Св. Земли монахинь, Владыка Леонтій повезъ ихъ посмотреть свой кафедральный соборъ, тѣ въ потемкахъ никакъ не могли его рассмотреть, а увидѣвъ единственный куполокъ — расплакались. Теперь великолѣпный новопостроенный храмъ соединилъ два прихода, Свято-Троицкій и домовоу Казанскій, который ранѣе подчинялся Архіерейскому Синоду. Храмъ находится въ хорошемъ районѣ города, имѣется приходская домъ. Въ вѣдѣніи православнаго прихода находится собственное кладбище. О. Веніаминомъ построены трехэтажный домъ для престарѣлыхъ. Долголѣтнихъ прихожанъ становится теперь все меньше, многие уѣхали въ Сѣверную Америку, а те, кто остались, убываютъ, хотя приходятъ въ храмъ и новые эмигранты.

6. ВЪ ПОДДЕРЖКУ РВНИТЕЛЕЙ

Въ исторіи Православной Церкви можно видѣть два типа архіереевъ и подвижниковъ: съ одной стороны, ревнители и, съ другой, "дипломаты." Ревнители прежде всего заботятся объ исполненіи всѣхъ преданій отеческихъ, а "дипломаты" должны принимать во вниманіе пользу примѣненія для земной Церкви тѣхъ или другихъ преданій въ данное, конкретное время. И одна, и другая группа нужны другъ другу для соблюденія равновѣсія. Владыка Леонтій принадлежалъ къ группѣ ревнителей.

Видно, такой ужъ удѣлъ судьбы Владыкѣ — "кого люблю, того и наказую", — узкимъ путемъ велъ Онъ его, какъ въ Россіи, такъ и въ Зарубежѣ, въ мѣста жизни благоденствующей не суждено ему было перебраться. Находясь здѣсь, на краю свѣта, Архіепископъ Леонтій не забывалъ страждущую страну Россійскую, сопереживая оставшимся тамъ собратьямъ по вѣрѣ и стараясь, чѣмъ возможно, помогать имъ.

Владыка Леонтій съ О. Никодимомъ, русскимъ исихастомъ съ Афона, которого онъ рукоположилъ во иподьяконы.

Послѣ войны Владыкѣ удалось установить переписку съ Архисеп. Гермогеномъ (Голубевымъ, †1978 г.). Владыка Леонтій, зная, какъ опасно въ Россіи получать письма съ Запада, старался не писать. Дуже Архисепископъ Гермогенъ (Голубевъ) — въ дни юности Владыка Леонтій настоятель Киево-Печерской Лавры, — который совѣтскихъ репрессій не боялся, не могъ часто писать Владыкѣ, т. к. его преслѣдовали. Владыка пытался ему помочь, хотѣлъ послать матеріалъ на рису, ботинки, хороший ладанъ, но ничего нельзя было переслать.

Въ началѣ 60-х годовъ, одинъ изъ чадъ Катакомбной Церкви въ Россіи, Ѳеодоръ Іосифовичъ Журбенко (будущій Архисепископъ РПЦЗ Лазарь), черезъ жившаго на Афонѣ Архимандрита Евгенія (Жукова) установить переписку съ Владыкой Леонтиемъ. Благодаря письмамъ Владыки Леонтія, находящиеся за желѣзными завѣсами вѣрнычада Русской Церкви узнавали о положеніи Русской Зарубежной Церкви, о бурныхъ событіяхъ, происходившихъ въ православномъ мірѣ тѣлѣ. Нѣкоторые катакомбные священнослужители почитали Владыку своимъ кирерархомъ — они поминали за богослуженіями его имя послѣ Митрополита Филарета, обращались къ Владыкѣ съ письменными просьбами принять исповѣдь и заочно разрѣшить отъ грѣховъ и другими просьбами, которая никто, кромѣ архіерея, не могъ исполнить. Такъ, находясь въ Чили, за тысячами километровъ, Владыка продолжалъ "катакомбно" служить въ Россіи. "Кто просилъ прочитать и простить, я все это сдѣлать, такъ и скажите, и пусть мирствуютъ о Господѣ", — писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ Ѳеодору Іосифовичу. Въ своемъ письмѣ Ѳ. И. Журбенко отъ 19-го Сентября 1968 г. Владыка пишетъ: "Всемъ прочитать разрѣшительная молитвы и Игнатію съ Иларіономъ".

Владыка принималъ теперь такое участіе въ жизни истинно-православныхъ христіанъ, которое не было доступно ему въ те годы, когда онъ самъ находился въ Россіи на нелегальномъ положеніи, а катакомбники приносили ему свои "слѣзницы". Такъ, напримѣръ, одинъ священникъ во время обиска испугался и, чтобы скрыть свое священство, выбросилъ крестъ въ окно, и его совѣсть измучила —

что дѣлать? Какъ искупить свой грѣхъ? — и вотъ Владыка оубообщаетъ, что прочесть для него разрѣшительную молитву.

Въ то время нѣкоторые оставшіеся безъ архіастирыскаго окормленія православные христіане старались найти архіерея для рукоположенія и совѣтовались съ обладавшимъ большимъ опытомъ церковной жизни въ Россіи Владыкой Леонтиемъ, лично знавшимъ многихъ церковныхъ людей. Владыка Лазарь рассказывалъ въ ноябрѣ 1991 г. составителю этого повѣствованія, что Владыка Леонтій писалъ ему, тогда еще Ѳеодору Іосифовичу, о своемъ настоятелѣ, Епископѣ Гермогенѣ (Голубевѣ), томившемся въ то время въ ссылкѣ, и благословилъ посѣтить его. При встрѣчѣ Епископъ Гермогенъ сказалъ ему, что Зарубежную Церковь раскольнической не считаетъ, и что подчиняться Патрирху ей не слѣдуетъ: "Если я присоединюсь къ вамъ (къ катакомбникамъ — сост.), то меня, какъ ссыльного, найдутъ, и вастъ заодно. Посмотримъ, что дальше будетъ".

Примѣрно такъ же сказалъ Епископъ Веніаминъ (Новицкій, †1976 г.), проведшій послѣ войны 12 лѣтъ на совѣтской категрѣ: "Если бы я былъ за рубежомъ, то только бы Зарубежной Церкви принадлежать. Отъ насъ требовали анаемствовать ее, но мы не согласились".

Владыка Леонтій направили Ѳеодора Іосифовича къ Епископу Веніамину, потому что Ѳеодоръ Іосифовичъ желалъ принять посвященіе, а изъ каноническихъ катакомбныхъ архіереевъ никого не осталось.

Въ 1923 г., занявшій константинопольскую кафедру Патриархъ Мелетій IV (Метаксакисъ) отменилъ юлианскій календарь, испытанный вѣковыми преданіемъ и практикой Церкви, и ввелъ, въ предѣлахъ патриархата, новый григоріанскій календарь. Вскорѣ этой реформѣ послѣдовали первоіерархъ Элладской Церкви, Архисепископъ Аѳонскій Хризостомъ (Пападопулосъ). Значительная часть духовенства и мірянъ Греческой Церкви не восприняла эту реформу и отдѣлилась отъ Элладской Церкви, и до 1935 г. они не имѣли іерархія. На старостильниковъ были воздвигнуты гоненія, какъ отъ властей, такъ и отъ официальной

На илл. слѣва на право: Архисепископъ Серафимъ, Митрополитъ Филаретъ, Архисепископъ Аверкій, Епископъ Леонтій, Архимандритъ Нектарій въ Джорданвиллѣ.

Церкви. Въ 50-х годах те несколько архiereевъ, которые возглавляли старостильниковъ, скончались. Остались лишь два — Архиепископъ Матѣй и Епископъ Хризостомъ, не имѣвшие между собой общенія. Первый безъ соборнаго согласія старостильныхъ христанъ, въ единоличномъ порядкѣ рукоположилъ новыхъ архiereевъ. Епископъ Хризостомъ, уже будучи тяжело больнымъ человекомъ, отказался кого-либо рукопологать единолично и умеръ въ 1955 г., не оставивъ послѣ себя преемниковъ-архиереевъ. Съ опромѣченнымъ выходомъ изъ положенія Архиепископа Матѣя и его ставленниковъ, большинство старостильниковъ не были согласны: они предполагали, что другія помѣстная Церковь, придерживающіеся стараго стили, могутъ рукоположить имъ архiereевъ; съ этой цѣлью старостильники-греки еще въ 1934 г. обращались къ Митрополиту Антонію (Храповицкому), но безрезультатно.

Государственная власть вела гоненія противъ старостильниковъ.

Въ 1957 г., собраніе изъ 100 священнослужителей старостильниковъ (Синодъ Архiep. Хризостома I), выбрало изъ своей среды трехъ кандидатовъ въ епископы и отправило одного изъ нихъ, престарѣлаго Архим. Акакія (Папаса), къ Митроп. Анастасію. Митроп. Анастасій рукопологалъ Архим. Акакія отказался. Въ концѣ

Архиепископъ Леонтій Чилийскій, Архиепископъ Іоаннъ Западно-Американскій (Максимовичъ), Епископъ Нектарій Сіатлійскій (Концевичъ) и прот. Серафимъ Слободской у Покровскаго храма г. Няяка, США.

1960 г. Архим. Акакія снова прибылъ въ Нью-Йоркъ, въ Синодъ Русской Зарубежной Церкви, и снова ему было отказано. Однако ея архiereи — Архiep. Серафимъ Чикагскій и Епископъ Ѳеофілъ Детройтскій, хиротонисали его. Синодъ не былъ поставленъ въ извѣстность объ этомъ дѣяніи и послѣ того, какъ оно открылось, предписалъ епископамъ РПЦЗ впредь воздержаться отъ участія въ подобныхъ актахъ.

Несмотря на это, въ маѣ 1962 г., по приглашенію собора старостильной Церкви Греції, Архиепископъ Леонтій прибылъ въ Грецію. Самъ по себѣ его прїѣздъ былъ сопряженъ съ опасностью подвергнуться преслѣдованію со стороны гражданскихъ властей, поддерживавшихъ новостильную Церковь. По прибытіи Владыку отвезли въ женскій монастырь и просили точасъ же совершить хиротонію, отъ чего онъ отказался, вызвавъ этимъ дѣйствіемъ одобреніе Еп. Акакія, (который, вѣроятно, тоже не одобрялъ послѣдності при рукоположеніяхъ — ред.). Въ

монастырѣ Св. Николая въ Пеоніи, въ Атикѣ, Владыка Леонтій совмѣстно съ Еп. Акакіемъ (Папасомъ) рукоположилъ архимандритовъ: Парфенія (Скурлиса) во епископа Сикладскаго, Авксентія (Патраса) во епископа Гавдикіонскаго, Геронтія во епископа Саламинскаго и Акакія младшаго во епископа Діавлійскаго. Было постановлено, чтобы новорукоположенные архiereи рукоположили архимандритовъ: Хризостома (Наслимиса) и Хризостома (Киусиса) во епископовъ.

Высокопросвѣщеннѣйшій Митрополитъ Анастасій отказался признать эти хиротоніи, вполне обоснованно считая дѣйствія Владыки Леонтія неоправданнымъ вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь Элладской Церкви.

Уже послѣ его смерти, въ 1969 г., Архiereйскій

Синодъ призналъ всѣ хиротоніи, совершенныя епископами Русской Зарубежной Церкви для страждущей Церкви Греції, и было установлено церковное общеніе (продолжавшееся нѣкоторое время) со Старостильной Церковью Греції.

Попытаемся понять Владыку Леонтія. Владыка Леонтій зналъ, какъ христанъ преслѣдовали въ Россіи; зналъ, что въ Россіи рукопологали тайно, чтобы противостоятъ большевикамъ, поэтому онъ и согласился на эти хиротоніи. Тѣмъ болѣе, что ему написалъ Архiep. Чикагскій Серафимъ (Ивановъ): "Если васъ будутъ просить, вы побѣжайте, я самъ не могу, зная опредѣленіе Синода и будучи его членомъ".* Сталъ бы Владыка Леонтій совершать эти хиротоніи, зная о тѣхъ раздѣленіяхъ, которыя произойдутъ впоследствии въ средѣ старостильниковъ?

Владыку Леонтія поддержалъ Архиепископъ Аверкій, Сиракузскій и Троицкій, въ словѣ, сказанномъ имъ на засѣданіи Архiereйскаго Собора Русской Православной Церкви Заграницей 17(30)-го Ноября 1962 года:

"...Я самъ не рѣшился бы совершить хиротонію греческимъ старостильниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ души, не могу не восхититься смѣлостью, съ

*Копія этого письма сохраняется въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей.

которой Архиепископъ Леонтій совершилъ поступокъ, къ которому звала его совесть.

...Мы подчеркиваемъ, что не признаемъ Патриарха Алексія, а въ то же время всѣ патриархи его признаютъ. Мы говоримъ объ общеніи съ этими патриархами и такимъ образомъ парадоксально оказываемся въ общеніи съ Москвой. Получается закодированный кругъ. Ввиду такого иррационального положенія, намъ особенно важно стоять на твердомъ каноническомъ основаніи, сохраняя суть, а не букву, которая можетъ привести къ поклоненію сатанѣ...

...Онъ (Владыка Леонтій — сост.) совершилъ мужественный актъ помощи братской Церкви, которая сейчасъ для насъ самая близкая намъ по духу. Греческая Церковь теперь гонима и преслѣдуема. Было большой ошибкой, что мы въ свое время

слишкомъ снисходительно отнеслись къ введенію новаго стиля, ибо оно имѣло цѣлью внести расколъ въ Православную Церковь. Это было дѣломъ враговъ Церкви Христовой. Видны уже плоды. Даже въ Америкѣ имѣется греческое духовенство, которое мучаетъ совесть за принятіе новаго стиля. Съ соблюденіемъ стараго стиля связано сохраненіе всяческихъ преданій въ разныхъ областяхъ. вмѣстѣ съ удаленіемъ стараго

стиля удаляется изъ храма аскетическое начало. Старостильники — самые близкіе намъ по духу. Единственное "но" въ поступкѣ Архиепископа Леонтія — это то, что онъ поступилъ какъ бы не по братски, наперекоръ рѣшенію собора, хотя и по добрымъ побужденіямъ".

На томъ же засѣданіи Святитель Іоаннъ (Максимовичъ), въ то время Западно-Европейскій, замѣтилъ: "...Старостильники стучались къ намъ шесть лѣтъ. Архирейскій Соборъ не могъ взять на себя рѣшенія, признавая это внутреннимъ дѣломъ грековъ. Надо признать объясненія Архiep. Леонтія удовлетворительными (о томъ, что Греческая Церковь гонима, какъ и катакомбная въ Россіи, се надо поддерживать — сост.) и на этомъ прекратить пренія".

Соборъ выразилъ сожалѣніе Преосвященному Архiepископу Леонтію по поводу его участія въ хиротоніяхъ епископовъ для греческихъ старостильниковъ. Архiepископъ Леонтій, въ свою

очередь, выразилъ сожалѣніе, что не смогъ спросить Владыку Митрополита Анастасія.

Владыка Леонтій въ своей жизни архіерея Русской Зарубежной Церкви дѣйствовалъ прямо, резко выступая, невзирая на лица или позицію большинства, противъ того, что казалось ему лукавствомъ или отступленіемъ отъ Православія, касалось ли то вопросовъ внѣшнего положенія (борьба за Православіе) или внутрцерковныхъ (церковная дисциплина). Владыка Леонтій былъ наиболее близко съ Владыкой Іоанномъ, Владыкой Аверкіемъ, Владыкой Саввой Эдмонтонскимъ. На засѣданіяхъ Синода у Владыки Леонтія часто бывали жаркіе обсужденія съ Архiep. Серафимомъ Чикагскимъ, который также былъ очень эмоционаленъ, но принадлежалъ къ другому крылу архіереевъ, поддерживаемому также правителемъ дѣлъ синодальной канцеляріи, протопресвитеромъ Георгіемъ (Габбе).

Владыка Леонтій не разъ бывалъ въ Сѣв. Америкѣ, имѣлъ здѣсь многихъ вѣрныхъ друзей, и те изъ нихъ, кто нынѣ живы, сослужили бы ему добрую память, записавъ свои о немъ воспоминанія. Владыка Леонтій пріѣхалъ на судебный процессъ въ Санъ-

Франциско, дабы поддержать своего духовнаго друга и сотаинника, Свят. Іоанна Санъ-Францискаго, почитаемаго Владыкой, по воспоминаніямъ воспитанника Свято-Троицкой Семинаріи изъ Чили Владиміра Барроса, еще при жизни святыхъ. Когда Владыка Іоаннъ скончался, Архiepископы Леонтій и Аверкій, вмѣстѣ съ Игуменомъ Лавромъ (впослѣдствіи Митрополитъ), Викторомъ Лохматовымъ (нынѣ протодіаконъ) и Валентіемъ Кэмпбелломъ (нынѣ монахъ Іоаннъ) отправились на автомобиль черезъ всю страну, чтобы молитвенно почтить кончину Владыки Іоанна. Послѣ смерти Владыки Іоанна, его паства обратилась съ прошеніемъ въ Синодъ о назначеніи на вдовствующую каяедру Западно-Американской Епархіи Архiepископа Леонтія Чилийскаго-Перуанскаго. Но не суждено было Владыкѣ достигнуть Сѣверной Америки. Въ 1969 г. Чилиско-Перуанская епархія была объединена съ Аргентинской. Владыка Леонтій былъ

Фотографія сдѣлана во время архипастырскаго визита Владыки Леонтія въ Перу, Лима.

назначень администраторомъ новой епархіи. Въ то время на главныхъ улицахъ Сантьяго уже появились зловѣщие изображенія серпа и молота. "Неужели и до этого глухого угла земли доберется красный звѣрь и снова, какъ когда-то въ Житомирѣ, придется бѣжать, толкая персяд собой тачку съ обלאчениями?" — думать Владыка.

Вспоминать О. Веніаминъ: "Владыка пробылъ въ Парагваѣ съ 1947 года по 1952 годъ, и затѣмъ быть въ Чили. Въ Аргентину Владыка прѣхалъ въ 1969 г. Въ то время въ Чили стали уже появляться красные. Въ 1970 г. президентомъ выбрали Альенде. Я похалъ въ 1970 г., привезъ Владыку на новый 1971 г. въ Чили, когда уже быть Альенде. Но первое время они не показывали себя, а постепенно все забирали въ свои руки. Начали исчезать товары. Кто могъ — бѣжали, но многіе были уже

въ такомъ возрастѣ, когда бѣжать трудно. Тогда начались нестроения въ Аргентинѣ. Люди начали требовать — прѣзжайте. Владыка похалъ Великимъ постомъ, а потомъ, черезъ пару мѣсяцевъ, умеръ. Я остался, потому что быть единственнымъ священникомъ на все Чили; Владыка могъ быть спокоснъ, что въ Чили кто-то есть, если бы я ухалъ, то тамъ бы никого не было. Такъ что въ послѣдній періодъ, въ Аргентинѣ, я не былъ при Владыкѣ. Въ 1969 г. Аргентина, Парагвай, Уругвай, Чили, Перу подчинились Владыкѣ Леонтію".

Епископъ Леонтія въ приходѣ св. Муч. Зинаиды въ Портъ Алегро въ Бразиліи въ 1957 г. съ настоятелемъ О. Валентиномъ Богдановымъ.

7. АРГЕНТИНА

Аргентина была первой страной Южной Америки, куда 25-го Декабря 1946 г. прибылъ Владыка; черезъ нѣсколько дней изъ Европы прѣхалъ О. Георгій Романовъ, который остался тамъ и началъ окормлять паству. Въ слѣдующій разъ Владыка съ О. Веніаминомъ прѣхалъ туда въ 1951 г. изъ Парагвая и пробылъ тамъ до 1953 г. Въ тотъ годъ, 5-го Января, Владыка отбылъ къ новому мѣсту своего назначенія — въ Чили. Потомъ Владыка съ О. Веніаминомъ прѣхали въ Аргентину, а въ сентябрѣ или въ августѣ вернулись въ Чили. Аргентина стала послѣдней страной земной жизни Владыки. Итакъ, Владыка въ 1969 г. прибылъ въ Аргентину.

Православный писатель Н. П. Кусаковъ, проживавшій въ то время въ Буэносъ-Айресѣ, считаетъ, что Владыка "очень утѣшился, когда, послѣ всѣхъ мытарствъ, оказался на каедарѣ въ Аргентинѣ".

О пребываніи Владыки въ Аргентинѣ разсказывала въ январѣ 1992 г. супруга прот. Валентина Ивашевича, настоятеля Свято-Троицкаго собора въ Буэносъ-Айресѣ, матушка Марѳа Ивашевичъ:

"Однажды я спросила Владыку, какъ мнѣ быть — занятія съ дѣтьми требуютъ много времени, которое отнимается отъ служенія Церкви. Владыка отвѣтилъ: "Ваша первая отвѣтственность передъ Богомъ — семья, дѣти. Когда дѣти вырастутъ, и вы ихъ поставите на ноги, тогда уже можно будетъ и службу приходомъ заняться".

Когда гости посѣщали Владыку, то онъ не давалъ имъ ничего дѣлать, готовить чай, напримѣръ; онъ говорилъ, что онъ архіерей во всѣхъ областяхъ, т. е. что онъ знаетъ не только церковное дѣло. Когда что-то строили, то онъ первый начинать трудиться, несмотря на то, что прѣхалъ онъ въ Аргентину съ большимъ сердцемъ и нарушеннымъ кровообращеніемъ. При этомъ къ своему архіерейскому сану онъ относился съ уваженіемъ, не позволяя, чтобы кто-либо непочтительно относился къ архіерейскому сану. Владыка оказывалъ нуждающимся помощь просто и смиренно, а когда онъ служилъ, то чувствовалось, что онъ архіерей. Владыка любилъ, чтобы архіерейскія службы проходили чинно, но если что-то было не такъ, то онъ никогда рѣзко не дѣлалъ замѣчаніе. Когда Владыка, благословляя дикиріемъ, дѣлалъ крестъ, то казалось, что онъ чертитъ его на бумагѣ — не было никакихъ лишннихъ движеній. Владыка часто пѣлъ на клиросѣ. Онъ могъ пѣть первымъ и вторымъ теноромъ. Владыка также преподавалъ нѣмне аргентинцамъ, принявшимъ Православіе. Онъ старался сдѣлать такъ, чтобы мелодія октоиха сочетались съ испанскимъ переводомъ. На испанскомъ языкѣ, хотя онъ и владелъ этимъ языкомъ, Владыка не служилъ, но проведене миссіонерской работы одобрялъ. Приходы епархіи онъ посѣщалъ безъ всякаго предупрежденія.

Нѣкоторымъ это не нравилось, — какъ это можно такъ, безъ предупрежденія? Онъ говорилъ такимъ: "Храмъ — это мой домъ, съ какихъ поръ я долженъ говорить, что хочу прѣхать къ себѣ домой?!"

Многие клеветали на Владыку, но онъ никогда не жаловался. Имѣя власть, онъ этихъ людей никогда не наказывалъ, но терпѣлъ. Когда приходили къ нему кого-то оговорить, пожаловаться, то онъ говорилъ: "Вы занимайтесь своимъ дѣломъ, т. е. смотри на свое бревно, а не на сучокъ въ глазу ближняго".

Владыка говорилъ, что въ церковной жизни не должно придерживаться какихъ-то партій: "Я — Павловъ, я — Аполлосовъ". Игорь Андрушкевичъ, въ своей уже упоминавшейся выше статьѣ, пишетъ: "Владыка очень часто говорилъ о ненужности нашей эмигрантской "организационной и партійной возни". Особенно онъ былъ противъ внесенныя нецерковныхъ элементовъ въ жизнь Церкви. Вообще, насъ спасутъ не организации и не партіи, а вѣра и Церковь".

Матушка Марѳа Ивашевичъ вспоминаетъ наставленія Владыки: "Мы — члены Церкви, мы живемъ въ Церкви, чтобы служить Богу, спасать свою душу. Каждый долженъ думать о своемъ дѣлѣ, и не заниматься тѣмъ, что его не касается". Единственной темы, которая затрагивалъ Владыка въ разговорахъ, были церковныя темы, житія святыхъ, исторія Церкви, а не "третьи люди", какъ это часто у насъ бываетъ. Владыка Леонтій говорилъ, что каждый изъ находящихся въ храмѣ, долженъ заботиться о томъ, что ему поручено дѣлать въ храмѣ — о своемъ послушаніи. Есть люди, специально поставленные слѣдить за порядкомъ въ храмѣ, а всѣ остальные должны дѣлать свое дѣло. Когда дѣлается замѣчаніе одинъ Богомольцу другому, то кто-то можетъ обидѣться, а если то же самое скажетъ староста, то никто не обидится, потому что знаютъ, что таково его послушаніе. Ко всѣму относимуся къ служенію въ храмѣ Владыка былъ очень строгимъ. Онъ говорилъ, что если ты хочешь сдѣлать что-то доброе безъ благословенія, безъ послушанія Церкви, то выйдешь наоборотъ.

Когда говорилъ о Россіи, то часто плакалъ. "Надо молиться о церковно-заблудшихъ, — говорилъ Владыка, — но не держать у себя въ сердцѣ какое-то зло на нихъ". Онъ вѣрилъ, что придетъ время, и Россія снова станетъ православной страной.

Съ нимъ рядомъ было спокойно, и это спокойствіе передавалось людямъ, они ожидали его прѣзда, звонили, просили, чтобы онъ прѣхалъ къ нимъ — онъ передавалъ чувство умиротворенія.

Дѣти очень любили его. Когда онъ стоялъ на кафедрѣ, то дѣти сидѣли вокругъ него, и онъ не разрѣшалъ прогнать ихъ. Владыка былъ въ Аргентинѣ слишкомъ мало времени и не успѣлъ ничего сдѣлать для сиротъ. Какъ и въ Парагвай, онъ хотѣлъ устроить здѣсь ежедневную начальную школу для русскихъ православныхъ дѣтей".

Рассказываетъ О. Веняминъ: "Какіе наставленія Владыка давалъ новоначальнымъ? Специальныхъ наставленій Владыка не давалъ. Но монашескія наставленія онъ давалъ. Когда у насъ монашеское братство было, за объѣдомъ мы больше всего читали Прп. Феодора Студита, его посланія монашествующимъ. У насъ было много святоотеческихъ книгъ, библиотека, это была наша главная пища духовная, но какихъ-то специальныхъ наставленій отъ себя Владыка не давалъ. Молодымъ людямъ Владыка говорилъ, что нужно исполнять христіанскіе заповѣди, жить по-христіански. Это каждый изъ насъ долженъ говорить обращающемуся съ вопросомъ, какъ жить. Нельзя говорить, что, молю, сейчасъ мораль такая, это ничего, потомъ покажется, — это абсурдъ".

2-го Іюля 1971 г. Владыку нашли скончавшимся въ его кельи.

Владыка Леонтій умеръ послѣ молитвъ въ кафедральномъ соборѣ Божіево-Айреса объ упокоеніи души Архіепіскопа Іоанна, въ тотъ же день, что и Владыка Владыка Іоаннъ, Іоаннъ, пять лѣтъ спустя. Существуютъ разныя версіи о томъ, кто первый обнаружилъ Владыку Леонтія усопшимъ. Одну изъ версій сообщаетъ матушка Марѳа Ивашевичъ: "Въ тотъ день Владыка позвонилъ и попросилъ, чтобы О. Валентинъ и я пришли къ нему. О. Валентинъ стучалъ нѣсколько разъ въ дверь его квартиры. Отвѣта не было. Тогда О. Валентинъ сказалъ мнѣ: "Подожди, а я пойду посмотрю, что тамъ".

Владыка сидѣлъ въ своемъ большомъ креслѣ и какъ будто спалъ. О. Валентинъ позвалъ его три раза и тогда понялъ, что Владыка Леонтій умеръ. Рядомъ съ нимъ стояла совсѣмъ еще теплая чашка чая. Была суббота. Владыка позвонилъ О. Валентину, чтобы

Съ О. Адрианомъ Рымаренко въ Ново-Дивѣево въ 1961 г.

пригласить его служить вмѣстѣ съ нимъ въ соборѣ, и О. Валентинъ понялъ, что Владыка вызвалъ его (духовнаго сына и ставленника во священство — сост.), чтобы оказать ему послѣднюю службу — прочесть молитвы на исходѣ души...

"И только уходя такого челоѵка открываешь всѣмъ его знавшимъ, что они съ его уходомъ потеряли... Такие люди такъ расточительны въ отношеніи своего "я", что они, въ сущности, и биографіи не имѣютъ и становятся объективно оцѣниваемыми только оказавшись уже въ прошломъ и продолжая жить въ сердцахъ ихъ знавшихъ, въ планѣ ужѣ неземномъ... Не случайно нѣкая стихійная молитвенность охватила всѣхъ непосредственно пережившихъ уходъ Владыки Леонтія. И можно больше, чѣмъ о комъ-либо иномъ, сказать, что не ушелъ онъ отъ насъ, а, напротивъ, приблизился, но уже въ планѣ неземномъ. Господи, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!" — писалъ Архим. Константинъ.

"Его кончина нанесла большую потерю Аргентинской каѳедрѣ и жизни русской православной колоніи", — пишетъ Н. П. Кусаковъ въ письмѣ составителю.

Въ Россіи Владыка Леонтій съ самаго ранняго дѣтства претерпѣлъ скорби, гоненія, за границей Владыка вынужденъ былъ проводить жизнь тоже въ тяжелыхъ условіяхъ. Посему въ-рѣдимъ, что, отказавшись отъ всего "добраго" въ жизни сей, Владыка теперь утѣшается въ селеніяхъ райскихъхъ.

"У Владыки былъ даръ примирителя-мировотворца предотвращать разводы, — вспоминаетъ матушка Марѳа, знавшая Владыку уже въ послѣдній, "аргентинскій" періодъ его жизни. — Онъ былъ той точкой, которая соединяла всѣхъ. Онъ какъ бы излучалъ

любовь, съ нимъ можно было просто подѣлиться своими бѣдами. Встрѣчая Владыку въ первый разъ, казалось, что онъ уже давно знакомъ съ тобой. Те аргентинцы, что устояли въ Православіи, ведутъ миссионерскую работу и по сей день, они благодарны Владыкѣ за то, что видѣли въ немъ поистинѣ православнаго архіерея, память о немъ укрѣпляетъ ихъ въ стояніи за вѣру. Онъ многому научилъ ихъ. Люди обращаются къ нему, какъ и къ Свят. Иоанну, въ молитвѣ. Если и происходятъ какіе-то чудеса по его трудамъ на небѣ, то они происходятъ незамѣтно, т. к. онъ не желаетъ, чтобы по своей кротости, чтобы кто-то зналъ о нихъ — такъ, какъ это было и при его жизни. Послѣ его смерти о немъ забыли, да и при жизни онъ не интересовался тѣмъ, чтобы играть какую-то важную роль въ церковной политикѣ".

8. ПОСЛѢ СМЕРТИ

"Церковная жизнь" въ № 1-6 1971 г. привела краткое сообщеніе о кончинѣ Владыки: "Отпѣваніе состоялось въ понедѣльникъ 5-го Іюля, въ немъ приняло участіе епархіальное духовенство. Ввиду того, что Епископъ Никандръ, ближайшій къ Аргентинѣ архіерей Русской Зарубежной Церкви, не смогъ прибыть изъ Санъ-Пауло, разрешительную молитву прочиталъ по-арабски и по-испански прибывшій во время отпѣванія Архіепископъ Мелетій въ сопровожденіи священника и діакона отъ мѣстной

Архiep. Леонтій сослужить съ Владыкой Иоанномъ.

сирийской церкви, принадлежащей Антиохийской Патриархии.

Каедральный соборъ былъ переполненъ вѣрующими изъ всѣхъ столичныхъ приходоѡ, пришедшихъ помолиться и проститься со своимъ архипастыремъ.

"О. Веніаминъ, — рассказываетъ матушка Марѡа, — говорилъ последнее слово о жизни Владыки, рядомъ съ которымъ онъ былъ почти 20 лѣтъ. На всѣхъ произлегло впечатлѣніе лицо Владыки Леонтія, не было такого чувства, что оно мертвое, на немъ былъ покой".

Въ среду 7-го Юля останки Владыки Леонтія были переправлены воздушнымъ путемъ въ Сантьяго (Чили) для погребенія на тамошнемъ православномъ кладбищѣ, которое было имъ создано. Одно это — создание въ зарубежѣ кладбища, принадлежащаго Православной Церкви, можетъ послужить памятникомъ Владыкѣ.

Въ "Православной Руси" (№ 14 за 1971 г.) была помѣщена статья, приводимая нами въ сокращеніи, духовнаго чада Владыки, инокини (нынѣ игуменні) Іуліаніи "Проводы Владыки Леонтія":

"Владыка умеръ въ кельѣ во время вечерней службы въ Аргентинѣ — мы здѣсь, въ Чили, узнали въ тотъ же вечеръ. О. Веніаминъ уже былъ у себя въ кельѣ, и мнѣ не такъ легко было объ этомъ ему сообщить. Немедленно была отслужена панихида, на которой присутствовали всѣ — даже дети приютскіе. Сталь собираться О. Веніаминъ въ путь, но на слѣдующій день была суббота, и всѣ учрежденія были закрыты. Просто чудомъ добились мы нужного. Летимъ на аэродромъ, просимъ, умоляемъ — въ концѣ концовъ, въ 4 часа улетаетъ О. Веніаминъ. Начинается для насъ трудная пора — телефонные звонки всѣ время прерываютъ монастырскій покой. Ночью, рано утромъ звонятъ прихожане — привезутъ ли Владыку? Когда? Куда? На какой аэродромъ? Дѣти притихли — ни шалить, ни кричать, ни играть нельзя! До сознания ихъ дошло: что-то торжественное и таинственное происходитъ. Въ воскресенье поѣхали всѣ на Патронато, въ церковь, собрались прихожане. Прошли безъ священника панихиду,

помолвились о Владыкѣ — и начали бесѣдовать, какъ и что: никогда такого согласія между всѣми не было. Церковь оглашалась рыданиями — паства оплакивала своего архіерея! Поговорили, помолвились — рѣшили телеграфировать: "Требуемъ возмездія нашего архипастыря, оплачиваемъ расходы. Прихожане, Обитель и Приютъ".

Вернулись въ обитель. Какъ все казалось пусто! Посмотришь на архіерейскій домъ — и сожмется сердце: Владыку больше не увидимъ! Понедѣльникъ и вторникъ прошли въ подготовкѣ къ встрѣчѣ нашего дорогого усопшаго! Собралась вся школа, отъ 2-го до 6-го класса. Тихо вели себя дѣти, узнавъ, что только самые лучшие попадутъ на аэродромъ... Вотъ и среда наступила, изъ обители ѣдетъ автобусъ со школой, 89 человекъ, да плюсъ 12 дѣвочекъ приюта. Остаются 37

Въ своей кельѣ. Одна изъ послѣднихъ фотографій. 1971 г.

крошкѣ — не вмѣстѣ въ всѣхъ автобусъ... Старосту, м. Іоанну и меня пускаютъ къ самолету. Идетъ О. Веніаминъ, разбитый горемъ: 28 лѣтъ провели они вмѣстѣ! Староста нашъ знаетъ Владыку тоже ещѣ по Киеву. Долго плачутъ они! Подходить арабъ Хосе Иліасъ, любимецъ Владыки и другъ О. Веніамина. Плачутъ вмѣстѣ...

Двигаемся въ путь — никакихъ мнѣній не можетъ быть — Владыка долженъ посѣтить свой храмъ, въ которомъ служилъ 18 лѣтъ. И всѣ туда ѣдемъ... Но что творится у воротъ! Такое бываетъ только на Пасху! Какъ люди узнали? Патронато заполнено машинами...

Къ 5-ти часамъ двигаемся обратно въ обитель. Всѣ дѣти стояли съ зажженными свѣчами, многие плакали. Никто не сказалъ: мы голодны, а въ сѣ 10-ти утра мы выѣхали на аэродромъ. Очень торжественно шла наша Леночка, которая, несмотря на свои 6 лѣтъ, поѣхала съ нами, такъ какъ она крестница Владыки — она несла въ рукахъ фотографію Владыки.

Утромъ поѣхали на Патронато. Въ 9 часовъ — литургія. Очень тихо и проникновенно пѣтъ хоръ. Много было прихожанъ, всѣ проливали слезы — но не было тяжело на душѣ. Сторожъ храма говоритъ, что всю ночь люди шли, молились у гроба, принесли венки и цвѣты...

Храмъ былъ переполненъ молящимися. Пѣтъ усиленный хоръ — участвовали хоръ и Казанской

Могила Владыки Леонтія на рускомъ кладбищѣ въ Сантьяго, Чили.

церкви (не подчинявшейся Владыкѣ). Шли тихо. Но почти никто не могъ дотянуть до конца архіерейское "Достойно" или "входное" — плакали всѣ, и регентъ, и басы, и диаконъ — да и весь хоръ... И передавалось это прихожанамъ. Вспоминали "встрѣчу" Владыки — каждое воскресенье, каждый праздникъ! Въ 13 ч. 30 мин. отелужена была панихида, и двинулась длинная процессія. Приѣхали на наше кладбище. Прихожанамъ былъ предоставленъ автобусъ — вотъ выходятъ изъ него часть дѣтей пріютескихъ, а за ними старушки изъ старческого дома, нѣкоторымъ подь 90 лѣтъ, а приѣхали всѣ — и всѣ они, и молодые, и поживое поколѣніе, связаны однимъ горемъ — потерей Владыки...

Сколько народу! Сколько православныхъ арабовъ! Краткое, но сильное слово произнесъ О. Веніаминъ. 40 лѣтъ служилъ Владыка... и по своей добротѣ онъ всѣмъ прощалъ — даже такіе грѣхи, которые не такъ легко Церковь прощаетъ. И мы теперь простимъ ему все, что имѣли, и попросимъ у него прощенья! Въ день смерти Владыка написалъ 6 писемъ, одно изъ нихъ О. Веніамину, который прочелъ его передъ тѣмъ, какъ опустить гробъ въ могилу: "Дорогой мой отче Веніамине, миръ ти, давно отъ тебя нѣтъ писемъ, я простудился и мало силъ. Собираюсь въ воскресенье лѣтъ въ Сѣверную Америку, пишу туда. Твой авва, Архієпископъ Леонтія. Приветъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!" Это письмо пришло именно въ этотъ моментъ.

Владыка просилъ не ставить ему на могилѣ памятникъ, пишетъ В. Н. М. въ своемъ повествованіи о посещеніи Сантьяго на Пасху 1972 г. ("Православная Русь" №10), — вся могила буквально

покрыта зажженными свѣчками, красными яйцами, куличами и пасхами. Русскую колонію въ Сантьяго В. Н. М. характеризуетъ, какъ небольшую по числу, но единодушную въ своей любви къ почившему Владыкѣ.

Отъ автора

Жизнеописаніе Архієпископа Леонтія Чилийскаго было составлено въ качествѣ дипломной работы во исполненіе части требованій для присужденія степени бакалавра богословія Свято-Троицкой Духовной Семинаріи въ Джорданвиллѣ. Эта работа была опубликована въ журналѣ "Православная жизнь" (Джорданвилль, США), Мартъ-Май 1996 года и Интернетъ изданіяхъ.

Спустя семнадцать лѣтъ по изданіи авторъ видитъ рядъ упущеній:

Въ этой работѣ сѣмьались два жанра — агіографическій и историческій, что не могло не отразиться на ней негативно. Источники не достаточно критически использованы. Авторъ беретъ на себя роль адвоката, вмѣсто того чтобы сколь возможно объективно возстановить историческіе событія. Также имѣють мѣсто чисто фактологическія ошибки и выражения, неумѣстные для научной работы.

Настоящій, предлагаемый вниманию читателей "Русскаго Паломника" текстъ содержитъ исправленія вышеннеложеннаго характера. Авторъ надѣется въ ближайшее время приступить къ подготовкѣ расширеннаго изданія біографіи Архієпископа Леонтія и будетъ благодаренъ за любые критическіе замѣчанія по данной темѣ.

Диаконъ Андрей Псаревъ.
Мартъ 2013 г.

РУССКІЙ ПУТЯОУНИКЪ

Древній Валаамскій Крестъ

Возобновленный 55-ый годъ издания послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналь обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется

ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
40500 HWY 36 W, Wildwood, California 96076 USA, Тел.: 1(530) 628-1034

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движениемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости вѣхъ всякихъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдающихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства При. Германа Аляксинскаго, исходящаго съ благословенія Архимандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (†1969) и утвержденнаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (†1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Санъ-Францисскимъ (†1989).

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВЪНЪ РОССИИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на "Русскій Паломникъ", также автоматическимъ оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдеть въ Россію.

Головое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патріарха Алексія II. Статьи принимаются, но безъ полемики. Посылать по адресу: 40500 HWY 36 W, Wildwood, CA 96076

СОДЕРЖАНІЕ № 52, 2013

- 1. НА БЕРЕГУ БОЖІЕЙ РЪКИ**
Оптинскіе архивы Концевичей.....3
- 2. ПРАВОСЛАВНЫЕ ПИСАТЕЛИ:**
Нилусъ - Пророкъ въ своемъ Отечествѣ
Елены Юрьевны Концевичъ 6
- 3. ИНОЧЕСКАЯ ЛИРА:**
Къ Тебѣ лишь возышаться...
Гаврилъ Державину 270 лѣтъ 32
- 4. ПИСЬМА ПАЛОМНИКУ**.....43
- 5. ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ:**
Игуменъ Назарій
Ко Всероссийскому прославленію 46
- 6. ИСПОВѢДНИКИ РОССИЙСКІЕ:**
Жизнеописаніе Архіеп. Леонтія
Дьякона Андрея Псарева 62

ВНУТРИ ОБЛОЖКИ: Соборъ Карельскихъ святыхъ.
Современная икона.

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССИИ!

Требуйте журналь во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи.

Подписку можно заказать:

А/я 9, г. Москва, 125412
тел.: (495) 77-111-75

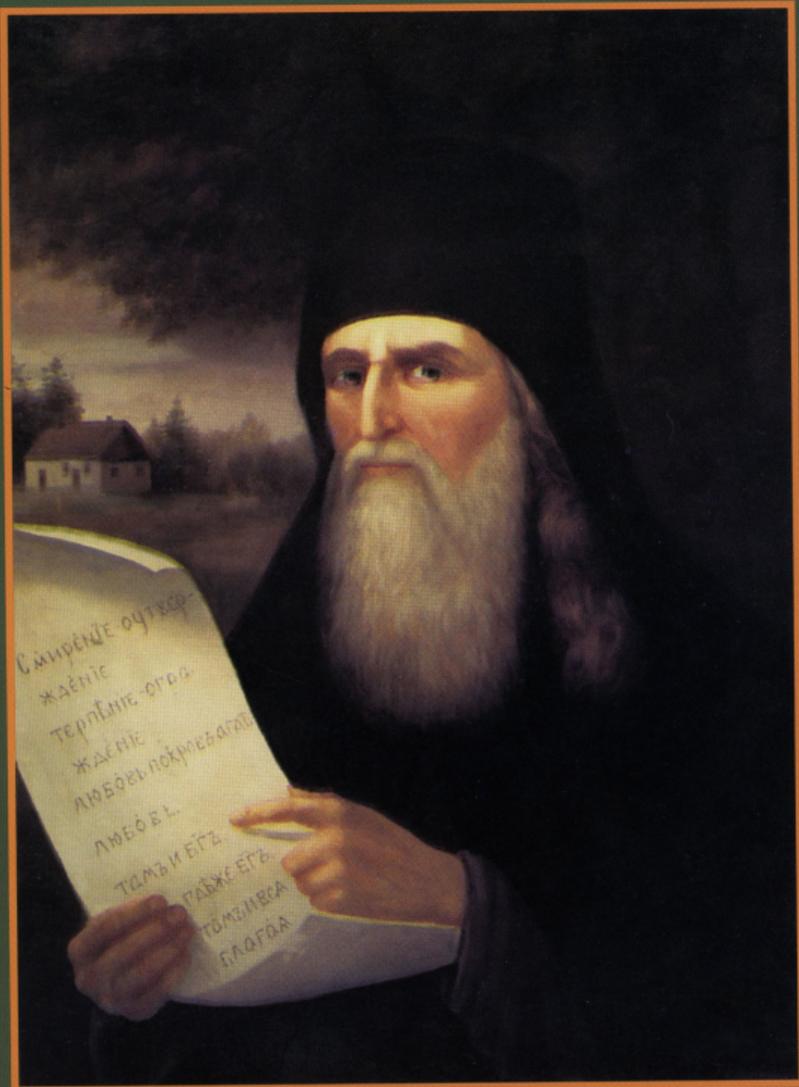
E-mail:
gr@idrp.ru
www.idrp.ru

Представители въ
Санктъ-Петербургѣ:
Леушинское подворье,
ул. Некрасова 31,
тел. (812) 273-9619

На Украинѣ: А/я 4024, г. Львовъ, Украина 79071

Среди духовных свѣтильниковъ Карелии преподобные Сергій и Германъ Валаамскіе, Назарій Валаамскій, Германъ Аляксинскій, Зосима, Савватій и Германъ Соловецкіе, Александръ, игумень Свирскій, Геннадій и Никифоръ Важезерскіе, Лазарь и Аванасій Муромскіе, Александръ Ошевенскій, Варлаамъ Керетскій, Аванасій Сяндебскій, Адрианъ Ондрусовскій, Корнилій Палеостровскій, Елисей Сумскій, Иона Яшезерскій, Кириль Челмогорскій, Иона Клеменецскій, святой блаженный Фаддей Петрозаводскій.
 Всѣ святые, въ землѣ карельской просіявшіе, молитве Бога о насъ!

Смирѣнѣ оубрѣ
жѣніе
терпѣніе оубрѣ
жѣніе
любѣвь покрѣпѣнѣ
любѣвь
тако и етъ
раже етъ
тоже и всѣ
благѣ